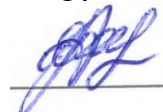

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Глазунова Елизавета Евгеньевна

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель

д.и.н., профессор

Мининкова Людмила Владимировна

Ростов-на-Дону

2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Свобода и рабство в идеологии европейского Просвещения.....	39
1.1. Критика традиционных устоев общества просветителями и отношение к ней в России.....	39
1.2. Рабство, свобода и крестьянство в культуре европейского и русского Просвещения.....	53
1.3. Идея вольности как предпосылка выдвижения крестьянского вопроса в сознании русского общества.....	62
Глава 2. Крестьянский вопрос и взаимоотношения дворянства с крестьянами в крепостном хозяйстве: теория и практики.....	72
2.1. Крестьянская тема в сочинениях русских авторов первой половины XVIII в.....	72
2.2. Крестьянский вопрос в трудах Вольного экономического общества.....	82
2.3. Крестьянский вопрос в обсуждениях Уложенной комиссии.....	98
2.4. Организация крепостного хозяйства по вотчинным инструкциям.....	112
Глава 3. Крестьянский вопрос в письменных текстах просвещенных дворян второй половины XVIII в.	132
3.1. Дворянские документы и дворянская публицистика о крестьянах.....	132
3.2. Рабство, свобода, крестьяне и дворянство в русской литературе XVIII в.	146
3.3. Крестьяне и дворянские характеры в эпистолярном наследии.....	168
3.4. Культурно-историческая типология дворянства в свете отношения к крепостному праву и к крестьянскому вопросу.....	185
Заключение.....	193
Список источников и литературы.....	197

Введение

Актуальность темы определяется научной значимостью комплексного анализа вопросов социокультурных отношений в российском обществе в условиях глубоких исторических перемен эпохи Просвещения. В постепенно меняющемся обществе, переживавшем появление первых признаков начавшегося разложения старого уклада и распространение идей нового времени в ходе европеизации, возникал острейший когнитивный диссонанс. В основе его лежал конфликт между новыми идеями и прочно утвердившимися в массовом сознании основами традиционного социального строя. На этом фоне все более очевидным становился факт вызревания во второй половине XVIII в. основного социокультурного противоречия в стране, между интересами поместного дворянства и закрепощенной крестьянской массой. Это с неизбежностью сказывалось на состоянии самого дворянства, на начинавшемся размывании его внутреннего единства. Анализ экономического и социального аспекта этого противоречия проводился в отечественной историографии, прежде всего советского времени, в которой внимание к социальной истории было особенно заметным. В меньшей степени уделялось внимание культурной составляющей этого нараставшего со временем противоречия. Значимость его, между тем, невозможно недооценивать. Европеизация, активно внедрявшаяся в разные стороны жизни и повседневного быта дворянства со времени Петра Великого, к середине века стала неотъемлемой частью существования дворянства. Но она совершенно не затронула крестьянство, вся жизнь которого определялась прочно устоявшимися традициями. Поэтому культурный аспект крестьянского вопроса как основного вопроса внутренней жизни России в эпоху Просвещения представляется значимым для понимания обстановки в стране, развития общественной мысли, идейного расслоения российского дворянства, в основе которого лежали практики социальных связей между помещиками и крестьянами и отношения к сложившимся в них традициям.

Историография в контексте данной темы включает в себя несколько аспектов. Первый составляет общее положение помещичьих крестьян этого

времени. Второй содержит характеристику идей эпохи Просвещения с распространением их в России. Третий относится к феномену русского «просвещенного дворянина» с его отношением к свободе и к крестьянам.

Само по себе внимание к крестьянской теме, в том числе в эпоху Просвещения, в отечественной историографии стало свидетельством нового уровня развития исторической мысли в России. На новом этапе своего развития отечественная историография оказалась способной выдвинуть в качестве крупной исследовательской проблемы не только историю государства и права, военную историю, историю монархии, дворянства и казачьих войск, отдельные стороны культуры. В ней проявилась возможность уяснения исключительной важности крестьянской проблемы для углубленного понимания характера и особенностей отечественной истории. Вместе с тем ее выдвижение было свидетельством нового уровня осмысления самой темы истории крестьянства в отечественной культуре, которая возникла еще в эпоху Просвещения, но потребность в ее новом историческом анализе говорила о четком уяснении основы ее возникновения и о значении ее решения.

Едва ли вместе с тем случайно, что начало специального исследования крестьянства и крестьянского вопроса в отечественной историографии было положено историком-славянофилом И.Д. Беляевым, поскольку для славянофилов обостренное внимание к истории и культуре народа было характерной особенностью мировоззрения и общественно-политического мышления.

Историю крестьянства в России эпохи Просвещения И.Д. Беляев рассматривал как очередной этап, наступивший вслед за существованием крестьян в петровское и послепетровское время. Заметно, что особое внимание он уделял юридической стороне положения крестьянства, поскольку анализ законодательства дает возможность представить юридическое положение крестьянства. И.Д. Беляев справедливо начинал свой анализ с манифеста Петра III о вольности дворянства. На основании этого манифеста и в соответствии с законами екатерининского царствования он отметил «беззащитность положения крепостных людей в отношении к своим помещикам», которые «по закону

обратились в полную собственность своих владельцев». Среди законов, писал И.Д. Беляев, не было «ни одного, который бы полагал меры против необузданного произвола таких помещиков», как Салтычиха. На явную недостаточность подобных сдерживающих мер указывает ироническое отношение к тому, что Екатерина II «по прославленной мягкости своего сердца, поручала иногда Шешковскому или другим доверенным лицам вразумить того, другого, через чур забывшегося помещика»¹. Само крепостное право И.Д. Беляев рассматривал в качестве «"отвратительного недуга" русского общества»². К анализу истории крестьянства и крестьянского вопроса в эпоху Просвещения для И.Д. Беляева был характерен историко-юридический подход в сочетании с ценностным подходом к характеристике крепостного права в свете морально-нравственной его оценки, причем еще до того, как ценностный подход получил свое научное обоснование.

С.М. Соловьев обратил внимание на представление в России о социальной значимости во второй половине XVIII в. владения крепостными людьми. Это «считалось высшим правом, считалось царственным положением, искупавшим всякие другие политические и общественные неудобства». Но такое воззрение на то, чтобы «иметь рабов», «происходило от неразвитости нравственной, политической и экономической» в русском обществе³. Мысль С.М. Соловьева о связи отношения к рабству и крепостничеству с неразвитостью государства и общества, в том числе «нравственной», была высказана совершенно справедливо. С.М. Соловьев указал на конкретные случаи тирании помещиков в отношении крестьян, а также на такую особую форму эксплуатации крепостных, как использование их для совершения преступлений, или же, на то, когда крепостных владельцы делали «орудиями преступлений»⁴. В историографии обращалось внимание на признание С.М. Соловьевым особого значения «нравственной» стороны в решении крестьянского вопроса, в значении ее учета для углубленного

¹ Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении положения крестьян в русском обществе. М.: Типо-литография Н.В.Любенкова, 1879. С.299.

² Там же. С.306.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.14 // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1994. Кн.14. С.93.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.15 // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн.15. С.109, 110.

понимания исторического процесса в целом. Так, по мнению В.Е. Иллерицкого, выход из положения С.М. Соловьев видел «в нравственном воспитании крестьянства и развитии гуманных чувств у помещиков»⁵. Как писал Н.И. Цимбаев, при Екатерине II, когда «происходил "переворот в нравственных понятиях"», или «духовное начало торжествовало над материальной силой»⁶, по мнению С.М. Соловьева, закладывались основы для решения в будущем крестьянского вопроса.

Дальнейшее исследование крестьянского вопроса в России было связано с трудами выдающегося историка крестьянства В.И. Семевского. Разделяя принятый И.Д. Беляевым ценностный подход в отношении крепостного права, В.И. Семевский, в соответствии с важнейшим направлением в развитии исторических исследований второй половины XIX в., в центр своего внимания поставил уже не только историю государственной политики в крестьянском вопросе, но и общественное отношение к ней, говоря о мнениях дворянства и о результатах политики по этому вопросу Екатерины II. Он обратил внимание на мнения дворянства о крепостном праве. В частности, на точку зрения А.Н. Радищева, осознававшего силу сопротивления помещиков любым попыткам отмены крепостного права. И поэтому в качестве первого шага к освобождению крестьян, как указывал В.И. Семевский, А.Н. Радищев считал отмену рабства, даже при сохранении крепостного права⁷. Меры Екатерины II по смягчению положения крепостных В.И. Семевский оценивал как «чрезвычайно жалкие» и «ничтожные»⁸, и в целом при ней «было сделано гораздо более для усиления и даже для распространения крепостного права, чем для его ограничения»⁹. Меры императрицы Марии Терезии по улучшению положения крестьян в Австрийской империи он оценивал несравненно выше, чем меры российской императрицы¹⁰. Труд В.И. Семевского неизменно получал высокую оценку. А.В-н (А.Н. Пыпин) указывал, что ранее не было такого цельного исследования по истории

⁵ Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука. 1980. С.145.

⁶ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990. С.271.

⁷ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т.1. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1888. С.220.

⁸ Там же. С.226.

⁹ Там же. С.228.

¹⁰ Там же. С.230.

крестьянского вопроса¹¹. А.В-н отметил «следы того воспитательного значения», которые «западали» «в умы русского общества», вносили «многие нравственные представления», «привились и укрепились новые мысли о крепостном праве». Усваивали их «и вольнодумцы, и мистики конца XVIII века»¹². При этом имелись в виду идеи Просвещения, которые несли не только философские и социальные, но и нравственные начала.

Противоречивую сторону распространения культуры Просвещения в России видел В.О. Ключевский. По его мнению, из просветительской литературы, направленной против феодализма и католицизма, в Восточной Европе «могли усвоить» лишь «общие места, отвлеченные идеи». Они «отвлеченным терминам вроде политической свободы или равенства» нередко прикрывали «живые, часто даже низменные интересы», имея в виду, очевидно, узкие групповые интересы дворянской вольности. Результатами распространения просветительской литературы в России, по словам В.О. Ключевского, были «утрата привычки, утрата охоты к размышлению» и «потеря понимания окружающей действительности». Отсюда он указывал, что даже герои комедий Д.И. Фонвизина вышли как «не живые лица, а комические анекдоты»¹³. В.О. Ключевский привел интересный пример сосуществования в дворянском сознании традиционных понятий о владельческом праве в отношении своих людей и идей Просвещения, когда один из помещиков завел в своей вотчине суд «по всем правилам европейской юридической науки», «судил своих мужиков, составлял обвинительные акты, сам произносил за них защитительные речи», но все это «соединял с древнерусским и варварским следственным средством – пыткой»¹⁴. Приведенный В.О. Ключевским пример причудливого сочетания устойчивой русской крепостной традиции и новизны верхов европейского Просвещения наглядно показывает, насколько сложным было восприятие просветительских идей в дворянской среде, насколько

¹¹ В-н А. История крестьянского вопроса – Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX-го века. В.И. Семевского. Два тома. СПб., 1888 // Вестник Европы. 1888. Июль. С.265.

¹² Там же. С.269.

¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Соцэкгиз, 1958. Т.5. С.176.

¹⁴ Там же. С.177.

они были необычны для основной ее части, в том числе в отношении крестьян. По существу, в этом примере содержится методологическое указание на то, что анализ частного случая может наглядно свидетельствовать о состоянии общества в целом. В.О. Ключевский указывал, насколько глубоко представление о крепостных крестьянах как о рабах вошло в сознание русского общества. Обращая внимание на слова из Наказа Екатерины II о необходимости обеспечить пользу «для собственного рабов имущества», он подчеркивал, что «крестьянин нес государственное тягло, а рабы не подлежат тяглу»¹⁵, поэтому крепостные не могли быть рабами. В целом русскому просвещенному дворянству В.О. Ключевский давал невысокую оценку, и указал на «скудость политических и нравственных средств, какими этот класс располагал для руководства своим обществом»¹⁶.

Отношение в России второй половины XVIII в. к крепостному праву и к положению крестьянства П.Н. Милюков рассматривал как часть более общей и широкой проблемы взаимоотношения между традициями русского общества и новыми явлениями. «Дремлющие русские души были окончательно разбужены этим толчком, резко поставившим друг против друга два противоположных мировоззрения»¹⁷, – писал П.Н. Милюков, говоря о дворянском поколении семидесятых-восемидесятых годов. Он скептически оценивал влияние идей Просвещения на отношение к крестьянскому вопросу и не переоценивал стремления Екатерины II к ликвидации крепостной зависимости, поскольку «Екатерина еще великой княгиней готова была пойти на компромисс с рабовладельцами в крестьянском вопросе и предвидела их сопротивление»¹⁸. Но П.Н. Милюков указывал вместе с тем на существование в русской общественной мысли того времени более решительной точки зрения на необходимость перемен. Так, в журнале «Живописец», Н.И. Новиков, «говоря о крепостном праве, должен был пояснять, что бичует лишь "злоупотребления дворянским преимуществом", а

¹⁵ Там же. С.140.

¹⁶ Там же. С.183.

¹⁷ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т.2.С.402.

¹⁸ Там же. С.317.

не само это преимущество»¹⁹, но на самом деле выступал против самого крепостного права. Как подчеркивал П.Н. Милюков, критика крепостничества была для Н.И. Новикова частью его журналистики, в которой «настоящая сатира» приходилась «на то время, когда "древнерусские добродетели были в употреблении"»²⁰. П.Н. Милюков, таким образом, рассматривал как единое целое защиту отечественной старины и крепостнических основ во взаимоотношениях помещиков и крестьян. Он вместе с тем обращал внимание на критику крепостного права среди некоторой части дворян с нравственных позиций, упоминая письмо новгородского губернатора Я.Е. Сиверса императрице. В нем губернатор указывал на «невыносимое иго рабства» как на причину Пугачевского восстания²¹. Также П.Н. Милюков отметил наметившееся расслоение дворянства по признаку своих культурных особенностей, проявлявшихся в том числе в связи с крестьянским вопросом, подчеркивая, что «по отношению к подлинному вольтеррианству передовая русская интеллигенция заняла совершенно иную позицию, чем высшее дворянское общество»²².

На противоречивые последствия политики по отношению к крестьянству при Екатерине II указывал А.А. Корнилов. С одной стороны, писал он, в ее царствование «основой гражданского общества» «официально признается впервые в России обеспечение личной и имущественной безопасности граждан». Так же в России «принципиально признается ненормальность крепостной зависимости». Но на деле при ней «правовое положение помещичьих крестьян ухудшается, и крепостное право достигает своего апогея»²³. Более критически, оценивал эти итоги А.А. Кизеветтер. Конечно, отмечал он, «русской сословно-дворянской монархии XVIII столетия» «Екатерина сумела сообщить ... тот культурный лоск и блеск, которого вообще можно было достигнуть при тогдашнем уровне русской монархии»²⁴. Но, главное, считал А.А. Кизеветтер, было в том, что «Екатерина

¹⁹ Там же. С.363.

²⁰ Там же. С.364.

²¹ Там же. С.387.

²² Там же. С.401.

²³ Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М.: Высшая школа, 1993. С.23.

²⁴ Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С.136.

вместо перестройки заново всего здания русского государства, как она мечтала, читая французских философов, в конце концов лишь увенчала отстроенное еще до ее приезда здание заключительным куполом и стала настоящей "дворянской царицей"²⁵. Об ухудшении положения крестьян при Екатерине II писал В.А. Мякотин²⁶.

Оценивая изменения в отношении крестьян при Екатерине II, А.С. Лаппо-Данилевский указывал: «Господа-государы стали между своими крестьянами-подданными и государственною властью. Этим объясняется отсутствие законов касательно крестьянских прав; для крестьян законом служила воля, или, точнее, произвол их господ-государей; помещичьи имения стали "непроницаемы для государственной власти"²⁷. Сущность отношений, на которых в это время строилось положение крестьянства, была выражена совершенно точно.

На самые резкие противоречия между просветительской философией, «сторонницей которой называла себя Екатерина», и основной тенденцией в развитии положения крестьян в период ее царствования, когда «казенный интерес совсем отходил теперь на задний план по сравнению с рабовладельческим»²⁸, обращал внимание Г.В. Плеханов. Он имел в виду указ 1767 г. о праве помещиков ссылать крестьян в Сибирь на каторжные работы. Особенностью русского Просвещения Г.В. Плеханов считал то, что «у нас начали появляться личности – пока еще только отдельные личности! – способные искренне увлечься передовыми освободительными стремлениями своей эпохи и посвятить свои силы их проведению в жизнь». Но «сама Екатерина не принадлежала к их числу»²⁹. Г.В. Плеханов указал на «вопиющее противоречие между теорией и практикой Фелицы»³⁰, между увлечением идеями Просвещения и осознанием неспособности осуществления их в стране.

²⁵ Кизеветтер А.А. Русское общество в XVIII столетии. Ростов-на-Дону, 1904. С.26.

²⁶ Мякотин В.А. Лекции по русской истории. СПб.: Тип. Р.Голике, 1992. С.448.

²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики Екатерины II. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1908. С.30.

²⁸ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.21. С.259.

²⁹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.22. С.27.

³⁰ Там же. С.32.

Особенности воспитания Екатерины II «на освободительных теориях XVIII в.» подчеркивал С.Ф. Платонов. Поэтому, писал он, императрица «мечтала об освобождении крестьян». Но он также говорил «о зависимости Екатерины от окружающей среды», и поэтому она «делала уступки той самой среде, которую хотела исправить новыми законами»³¹, что не дало ей возможность решить крестьянский вопрос.

С позиций классовой и формационной метатеории рассматривал крестьянский вопрос в России XVIII в. историк-марксист М.Н. Покровский. Он указывал на феодальные основы вотчинного режима, причем права вотчинника в отношении зависимых людей сравнивал с правами государства. «Нравы маленького государства», – писал он о вотчине XVIII в., – «лучше сохранили допетровскую старину», чем порядки на уровне государственного управления. Об этом свидетельствует, отмечал М.Н. Покровский, только одно иностранное слово, проникшее в вотчинное управление – «бурмистр». Также хорошо проявлялась допетровская старина в «помещичьей уголовной юстиции»³². Говоря о крепостных приказчиках в вотчине графа Орлова, М.Н. Покровский, со ссылкой на В.И. Семевского, указывал, что эти приказчики вовсе не агрономы, но были скорее государственными людьми, «и взятки брали не хуже современных им министров – после них оставались состояния в десятки тысяч рублей, хотя жалованье они получали грошовое»³³. Обращая внимание на феодальную, чисто средневековую архаику, лежавшую в основе вотчинных порядков, М.Н. Покровский подчеркивал тем самым исключительную их прочность.

Таким образом, в отечественной дореволюционной историографии тема положения крестьянства и отношений крестьян с помещиками в XVIII в. выдвинулась в качестве значимой для понимания характера и особенностей того времени. Был выявлен значительный фактический материал, при анализе которого давались резко негативные оценки крепостному праву. Подчеркивались

³¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. С.617, 618.

³² Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Ч.3 // Покровский М.Н. Избранные произведения в 4 кн. М.: Мысль, 1965. Кн.2. С.59.

³³ Там же. С.62.

противоречия между реалиями крепостничества в России и идеями Просвещения, получившими распространение среди дворянства, стремлением Екатерины II к ликвидации рабства и невозможностью в ее положении осуществить свое стремление. Было создано самое общее представление о русском дворянине эпохи Просвещения с точки зрения культурно-исторической типологии, причем такому дворянину давалась резко критическая оценка.

В советской историографии крестьянский вопрос и выражение его в общественной мысли второй половины XVIII в. рассматривались в свете концепции феодальной формации, вступившей в свою нисходящую стадию³⁴, или на стадию своего начавшегося разложения под влиянием развития товарно-денежных отношений и предпосылок зарождения буржуазного уклада³⁵. Подчеркивалась, что целью политики самодержавия по крестьянскому вопросу была защита классовых интересов помещиков³⁶, а Екатерина II, находившаяся под влиянием идей Просвещения, стала дворянской императрицей. Вместе с тем указывалось, что в России формировалась антикрепостническая мысль³⁷. Критика крепостного права проявлялась в выступлениях депутатов Уложенной комиссии, в журналистике Н.И. Новикова, а А.Н. Радищев оценивался в качестве первого революционера в истории России. Специальный анализ обсуждения крестьянского вопроса в Уложенной комиссии был проведен в монографии М.Т. Белявского. Он особо выделял роль ряда депутатов – участников обсуждения и Н.И. Новикова, и отметил, что «самоотверженной деятельностью они подготовили революционный призыв против чудища самодержавия и крепостничества»³⁸. В монографии о сельской общине в России В.А. Александров обратил внимание на вотчинные инструкции, составлявшиеся для управления вотчинами. Как он отмечал,

³⁴ Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации (к постановке вопроса) // Вопросы истории. 1958. № 7. С.86-108.

³⁵ Смирнов И.И. Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. С.28; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М.: Мысль, 1980. С.215. 294.

³⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С.270, 284, 297,

³⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. С.476- 482. 483-498; Очерки русской культуры XVIII века: Ч.3: Наука. Общественная мысль. М.: Изд-во МГУ, 1988. С.191-195, 198-201, 207-208.

³⁸ Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М.: Изд-во МГУ, 1965. С.354.

инструкция «прежде всего отражала последовательный ход "освоения" феодалами своих вотчин, т.е. процесс усиления подчиненности феодалу хозяйства деревни»³⁹. Он также привел перечень помещичьих инструкций за XVIII – первую половину XIX вв. начиная с инструкции 1709 г. А.Виниуса⁴⁰.

Положение крепостных крестьян в качестве важнейшей причины Пугачевского восстания рассматривал В.В. Мавродин. Он особо подчеркивал проявления классовой борьбы как формы выражения отношения крестьянства к своему положению⁴¹. Говоря о крестьянском вопросе в общественной мысли России накануне Пугачевского восстания, он указал на определяющую роль классовой позиции при характеристиках крестьян и крепостного права⁴².

В фундаментальном труде Л.В. Милова «Великорусский пахарь» обращалось внимание на огромные физические нагрузки, выпадавшие на крестьян в ходе барщинных работ, на отражение в вотчинных инструкциях осознания помещиками этой тяжести в сочетании со стремлением к интенсификации барщинного труда⁴³.

Среди личностей русского Просвещения особое внимание в советской историографии обращалось на Н.И. Новикова и А.Н. Радищева. Г.П. Макогоненко стремился «отмести реакционные или просто ошибочные и ложные суждения о творческом наследии» Н.И. Новикова, чтобы «пойти в изучении его деятельности по путям, указанным революционными демократами»⁴⁴. В заслугу Н.И. Новикову Г.П. Макогоненко ставил то, что он вывел сатирические образы в журналах тех, которые были «"нечеловеки" – помещики-тираны, дворяне-чиновники», которые «приносят неисчислимы бедствия и страдания многим тысячам "единоземцев"». Но он упоминал при этом о «трагической для него (Н.И. Новикова – Е.Г.) далекости от народа и от революционного мировоззрения»⁴⁵. Г.П. Макогоненко наметил идею разделения дворянства в культурном отношении, причем, по его мнению, в одном

³⁹ Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука. 1976. С.51, 52.

⁴⁰ Там же. С.319-322.

⁴¹ Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Т.1.С.337, 338.

⁴² Там же. С.520-540.

⁴³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С.211-213.

⁴⁴ Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. С 26.

⁴⁵ Там же. С.318.

ряду стояли «дворянские интеллигенты, бросившиеся к масонству» и сатирические герои Н.И. Новикова и Д.И. Фонвизина – «Безрассуды, Трифоны Панкратьевичи, Простаковы, Скотинины»⁴⁶.

В своей оценке А.Н. Радищева Г.П. Макогоненко отмечал, что этот мыслитель, «оставаясь дворянским революционером, выступил сторонником крестьянской революции»⁴⁷. «Путешествие из Петербурга в Москву» Г.П. Макогоненко считал главным произведением А.Н. Радищева, которое оценивал в качестве «революционной книги»⁴⁸, но не как произведения из популярного жанра сентиментального путешествия. Также Г.П. Макогоненко видел в радищевском повествователе-путешественнике «типический образ дворянина, который в условиях 80-х годов XVIII столетия начинает задумываться над коренными вопросами социальной и политической жизни самодержавно-крепостнической России»⁴⁹. Он допускал, таким образом, выделение особого культурно-исторического типа русского дворянства эпохи Просвещения.

На поздней советской, а в дальнейшем и на российской историографии конца XX и начала XXI вв. сказалось воздействие культурно-исторического и антропологического направлений в развитии исторической науки. В свете первого из них это означало внимание к историко-культурной стороне крестьянского вопроса, относящегося к влиянию социальных отношений на особенности процессов в развитии культуры русского общества и к обратному влиянию социальных процессов на явления духовной культуры. В свете антропологического подхода проявляется внимание к отдельным личностям первого и второго плана в ходе этих процессов, их места в событиях и отношения их с окружающим обществом. Самое негативное отношение к крепостному праву, характерное для русской культурно-исторической традиции, сохранялось. Признавалось по-прежнему наличие тесной и принципиальной связи между процессами в экономической жизни страны и в развитии общественной мысли в России

⁴⁶ Там же. С.327.

⁴⁷ Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М.: Гослитиздат, 1956. С.16.

⁴⁸ Там же. С.425.

⁴⁹ Там же. С.435.

екатерининского времени. Заметно также стремление к объяснению особенностей политики Екатерины II по отношению к крепостному праву в свете исторического подхода, с указанием на общую неготовность российского общества к подобным столь крутым переменам. Это по существу оказалось близко к воззрениям просветителей на отсутствие исторических предпосылок для такой перемены ввиду непросвещенности народа.

Эту точку зрения четко высказывал исследователь истории общественной мысли в России В.И. Моряков. По его словам, во второй половине XVIII в. в России «начал складываться капиталистический уклад»⁵⁰. В таких условиях сложилось идейное разделение дворянства на консерваторов, примыкавших к ним либералов и противостоявших им просветителей, которое становилось все более острым. Просветители, отмечал он, считали, что их предложения должны были «положить конец самодержавию и крепостному праву, создать государство, основанное на действии твердых и непреложных законов, обеспечивающих благоденствия граждан»⁵¹.

В целом, в очерке В.И. Морякова проявляется традиция советской историографии. Но с девяностых годов стало заметно стремление историков к идеализации Екатерины II, в том числе ее политики в крестьянском вопросе. Вместе с тем стал сказываться иной подход к анализу деятельности Екатерины II, в котором проявилось стремление к учету реформаторской направленности в ее внутренней политике, в том числе по крестьянскому вопросу. Признавая, что в ее царствование не решался крестьянский вопрос, М.А. Рахматуллин как бы в оправдание императрицы высказывал сомнение, что к ее времени сложились «соответствующие условия для уничтожения "рабства"»⁵².

На появление и своеобразное выражение крестьянского вопроса в дворянской культуре русского Просвещения обращал внимание Б.И. Краснобаев. Яркий пример такого своеобразия он видел в том, как оно проявлялось в комедии

⁵⁰ Моряков В.И. Поиск пути. Русская общественная мысль второй половины XVIII в. о государстве и обществе // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М.: Политиздат. 1991. С.221.

⁵¹ Там же. С.253.

⁵² Рахматуллин М.А. Непокоримая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С.21.

Д.И. Фонвизина «Недоросль». Комедия, как справедливо подчеркивал историк, не о крестьянах и «не о дворянах – просвещенных и непросвещенных, а о растлевающем крепостном праве, об унижении им человека – и господина, и слуги». Появление подобного произведения, рассчитанного на просвещенную дворянскую публику, зрителей и читателей, свидетельствовало о начале осознания важности и остроты крестьянского вопроса⁵³.

Таким образом, в советской историографии отношение русского дворянства к крестьянству рассматривалось с позицией классового подхода. Был дан анализ практик организации помещичьего хозяйства, подчеркивался феодальный характер устройства вотчинной экономики, основанной на принудительном труде. Указано на идейное размежевание в дворянской среде по крестьянскому вопросу, на зарождение в связи с этим вопросом в русской культуре революционной общественной мысли.

В современной российской историографии обращено внимание на разные аспекты крестьянского вопроса и отношения к нему государства и дворянства. На правовые основы его разрешения обращал внимание О.А. Омельченко. Он указывал, что объявленный Вольным экономическим обществом конкурс на сочинение о крестьянской собственности имел «вполне естественную ориентацию» для абсолютной монархии Екатерины II «на сохранение и регламентацию государством крепостнических отношений в деревне». При этом, однако, «не ставился вопрос о сословном выделении крестьянства как особой правовой категории населения с охраняемым законом статусом». Говоря о причине неприятия подобного закона, О.А. Омельченко указывал, что это «было закономерно, поскольку было связано с вопросом о судьбе крепостного права, охраняемого государственными законами, о свободе крестьянства»⁵⁴. Точку зрения Екатерины II на крепостное право он объяснял тем, что для самой императрицы были очевидны «жизненные льготы и тупики, приносимые крепостным правом».

⁵³ Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1983. С.371.

⁵⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. С.230.

Но императрица также рассматривала крепостное право «как проявление "частного расположения того народа, ради которого оно учреждено", почему законодателю и не резон вообще вторгаться в существо этих отношений»⁵⁵. Таким образом, по мнению О.А. Омельченко, Екатерина II видела в крепостном праве правовое явление естественного происхождения. Тем не менее, в отзыве на книгу О.А. Омельченко М.О. Акишин верно указал, что за время царствования Екатерины II «она оставалась противницей крепостного права», и поэтому не случайно при ней численность крепостного населения страны сократилась⁵⁶.

В специальном исследовании истории реформ при Екатерине II А.Б. Каменского отмечалось, что идеология Просвещения была исключительно многогранной, и на ее основе складывались предпосылки формирования не только революционной, но и либеральной идеологии. «Недостаточный учет особенностей и реального содержания Просвещения является ... одной из причин того удивления, а подчас и негодования, которые испытывали некоторые исследователи, отмечавшие несоответствие деклараций Екатерины II ее реальной политической деятельности»⁵⁷, – указывал А.Б. Каменский. Он подчеркивал, что, по мысли Екатерины II, «самостоятельным сословием ... должно было быть крестьянство»⁵⁸, и это предполагало признание за ним определенных прав. Как писал А.Б. Каменский, отношение императрицы к крепостному праву основывалось «на двух взаимосвязанных постулатах». Крепостное право «противоречит базисным представлениям Просвещения», поскольку «великий двигатель земледелия – свобода и собственность»⁵⁹, а земледелие, в котором заняты крестьяне, Екатерина II считала важнейшей отраслью хозяйства. Поэтому «свобода и собственность» крестьян была, по мнению императрицы, необходима для государства и общества. Но, согласно А.Б. Каменскому, считая крепостное право безусловным злом, императрица не видела в народе готовности к его отмене, и

⁵⁵ Там же. С.232.

⁵⁶ Акишин М.О. Конституционные идеи эпохи Просвещения и правовая доктрина Екатерины II // Вестник МГЮА имени О.Е.Кутафина. 2021. № 5. С.109.

⁵⁷ Каменский А.Б. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1997. С.334.

⁵⁸ Там же. С.345.

⁵⁹ Там же. С.352.

причину видела в народной непросвещенности. Подобная мысль, как он подчеркивал, вполне соответствовала мнению французских просветителей. И поэтому не случайно для изменения положения крестьян императрицей «в полном соответствии с Монтескье предлагался эволюционный путь»⁶⁰. Высоко оценивая преобразовательские идеи Екатерины II, А.Б. Каменский в то же время указывал, что на пути их успешного проведения стоял исключительно сильный в России «фактор крепостничества»⁶¹, справиться с которым императрица так и не смогла.

В очерке А.Р. Мустафина указывается на усиление внимания к крестьянскому вопросу в начальный период царствования Екатерины II, особо выделяется при этом предложение ученого князя Д.А. Голицына о необходимости отмены крепостного права с призывом к императрице подать пример дворянству в освобождении крестьян. Он также обратил внимание на высказанную в немецком журнале известным историком Г.Ф. Миллером мысль о крепостном праве как о важнейшей причине Пугачевского восстания⁶².

За последнее время принципиальные вопросы, относившиеся к крестьянству, крестьянскому вопросу и отношению к нему дворянства XVIII – первой половины XIX вв. затронуты в фундаментальной монографии А.Н. Долгих. В ней сочеталось историографическое и историческое исследование, что позволяло уяснить смысл авторской точки зрения в контексте развития историографии вопроса. Это относится к таким, в частности, вопросам, касающимся нашей темы, как содержание и смысл самого понятия «крестьянский вопрос», как «просвещенный абсолютизм». Как указывает А.Н. Долгих, крестьянский вопрос возник как «постановка вопроса о положении владельческого крестьянства», и определял его хронологию от начала царствования Екатерины II до отмены крепостного права, но выделял период его предыстории, начало которой отнес «к планам князя В.В. Голицына 1689 г.», предлагавшего отменить частное крепостное право и «ввести

⁶⁰ Там же. С.355.

⁶¹ Там же. С.467.

⁶² Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. М.: РОССПЭН, 2020. Т.2. С.315, 321.

налог с крестьян на содержание российского дворянства»⁶³. Что касается понятия просвещенного абсолютизма, то оно для России «представляется достаточно неопределенным». Оно, отмечает А.Н. Долгих, может применяться, когда «правители страны» использовали «элементы просветительской фразеологии»⁶⁴. По мнению А.Н. Долгих, внимание властей и общества к крестьянскому вопросу начиная с XVIII в. определялось тем, что крепостное право «препятствовало ритмичному функционированию всего государственного механизма», касавшегося «подушной подати», «других государственных повинностей, в том числе и рекрутчины»⁶⁵.

В.И. Моряков в одной из своих последних статей справедливо отметил, что обсуждение вопроса о крепостном праве во второй половине XVIII в. вызывалось тем, что «появился запрос на обсуждение безнравственности и аморальности крепостного права», причем «деятельность русских просветителей была ответом на него»⁶⁶.

Заметен за последние несколько десятилетий особый интерес историков к историческим персоналиям второй половины XVIII в., в том числе в контексте отношения их к крестьянскому вопросу. Внимание проявляется уже не только к таким критикам крепостнических порядков, как Н.И. Новиков и А.Н. Радищев, но и к князю М.М. Щербатову, решительно отстаивавшему крепостное право и привилегии дворянства. Ему было посвящено несколько монографий. По-прежнему самое значительное внимание привлекает Екатерина II. В нынешнем столетии вышли в свет две монографии, посвященные императрице, Н.И. Павленко и О.И. Елисеевой. По оценке Н.И. Павленко, в Наказе Екатерины II крестьянский вопрос, выдвинувшийся на уровень важнейшего вопроса внутренней жизни страны, был разработан слабее всех других вопросов⁶⁷. Отмечая положительные стороны деятельности Екатерины II, он в то же время указывал: «Самый

⁶³ Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки. В 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова Тян-Шанского, 2018. Т.1. С.7.

⁶⁴ Там же. С.27.

⁶⁵ Там же. Т.2. С.325.

⁶⁶ Моряков В.И. Русские просветители и крепостное право // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2014. № 3. С.8.

⁶⁷ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С.117.

консервативный элемент внутренней политики Екатерины составляло строгое соблюдение интересов дворянства – императрица свято блюла обещание, данное сразу же после вступления на престол, что крестьяне останутся в прежнем повиновении помещикам»⁶⁸. Как подчеркивал Н.И. Павленко, между журналистской деятельностью императрицы и Н.И. Новикова при всех принципиальных различиях имелись общие черты, поскольку оба издателя журналов «не требовали отмены крепостного права и изменения политической системы»⁶⁹.

В монографии О.И. Елисеевой обращалось внимание на то, что в результате дела «мучительницы» Дарьи Салтыковой «отношение помещиков с крестьянами стало сферой применения уголовного права»⁷⁰. О.И. Елисеева указывала при этом на «многочисленные уголовные дела о жестоком отношении помещиков с крестьянами»⁷¹. Обычными наказаниями по этим делам были покаяние на хлебе и воде на год в далеком монастыре, ссылка в Сибирь на каторгу без срока и «случаи клеймения помещиков-изуверов на лбу и на щеках»⁷². Важность подобных судебных приговоров определялась, по оценке О.И. Елисеевой, тем, что «отсутствие закона в сфере, регулировавшей отношения барина и холопа», вело к тому, что «целый клубок социальных связей как бы выпадал из правовой зоны», и это «порождало массу злоупотреблений»⁷³. Весьма резкая критика со стороны О.И. Елисеевой давалась А.Н. Радищеву в книге о Екатерине II. О.И. Елисеева прослеживала его жизненный путь⁷⁴, однако непосредственный анализ «Путешествия из Петербурга в Москву» не выглядит столь же глубоким, как в труде Г.П. Макогоненко. Не случайно в критическом отзыве на книгу о А.Н. Радищеве подчеркивался прежде всего недостаток анализа самого текста

⁶⁸ Там же. С.189.

⁶⁹ Там же. С.206.

⁷⁰ Елисеева О.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С.335.

⁷¹ Там же. С.339.

⁷² Там же. С.341.

⁷³ Там же. С.402.

⁷⁴ Там же. С.506-528

произведения⁷⁵; еще более резкую критику книги О.И. Елисеевой дает А.Н. Долгих⁷⁶.

С положением крепостных крестьян историк Пугачевского восстания Е.Н. Трефилов прямо связывал причину их выступления. Со ссылкой на французского автора Пассенанса, длительное время пребывавшего в России, он указывал: «Наказание рабов изменяется сообразно с расположением духа и характером господина или заступающего его места». Причем к наказаниям, писал он, прибегали даже «весьма просвещенные люди того времени, которые, наверно, очень удивились бы, если бы их обвинили в жестокости». Среди таких просвещенных помещиков Е.Н. Трефилов называл А.Т. Болотова и Г.Р. Державина, и даже полководца А.В. Суворова, который, по его справедливому замечанию, вообще «был гуманным человеком», но за пьянство приказывал своих крестьян поливать водой из колодца даже зимой⁷⁷.

В исследованиях российских историков конца XX – начала XXI вв. было заметно влияние антропологического поворота в исторической мысли и культуре, когда вопрос о крестьянстве рассматривается прежде всего с позиций отношения к нему представителей дворянства начиная с самой императрицы. Такое направление в исследованиях создает предпосылки для формирования четкой классификации культурно-исторических типов дворянства эпохи Просвещения, которые определяются в значительной степени через отношение к крестьянскому вопросу и крепостному праву.

В центре внимания зарубежных исследователей истории России второй половины XVIII в. оказалась Екатерина II, что определялось самим масштабом этой личности в русской и европейской истории. Они уделяли внимание вопросу о политике просвещенной императрицы по отношению к крестьянству.

Американский исследователь Д. Гриффитс обратил внимание на такой особый мотив, несомненно, психологического характера в действиях императрицы,

⁷⁵ Рассказова Л.В. О книге О.И. Елисеевой «Радищев» в серии ЖЗЛ // Сборник IV городские Радищевские чтения. Кузнецк, 2016. С.6-9.

⁷⁶ Долгих А.Н. Указ. соч. С.341.

⁷⁷ Трефилов Е.Н. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 2015. С.104, 105.

как стремление к одобряемости ее действий. Со ссылкой на основоположника интеллектуальной истории А. Лавджоя он указывал, что «в раннее Новое время ... одобряемость была не только важным, но и желаемым фактором мотивации»⁷⁸. Для политики Екатерины II в отношении крестьянства он не исключал наличия такого мотива. Но для объяснения стремления к одобряемости необходим учет референтной социокультурной группы, на которую при ее положении приходилось ориентироваться. В этом, считал Д. Гриффитс, для Екатерины II имелись определенные противоречия. Одной из таких групп были мыслители Просвещения, с которыми императрица была связана и к которой она была близка по своей культурной принадлежности. Но другой группой неизбежно после ее вступления на престол становилось дворянство, с которым она была связана в силу своей политической заинтересованности в сохранении власти. Отсюда определенная степень балансирования Екатерины II между двумя этими референтными группами в крестьянском вопросе, поскольку от той и другой группы получали одобрение разные стороны ее политики в отношении крестьянства. Д. Гриффитс стремился понять действия императрицы в крестьянском вопросе, и подчеркивал, что в ее царствование имело место не только распространение крепостного права, но и некоторые действия, обратные по своей направленности⁷⁹.

Американский исследователь российской социально-экономической истории Д. Блум считал, что изучение истории крестьянского вопроса в России в XVIII в. дает возможность глубже уяснить особенности русской истории и причины исключительной прочности в стране крепостнических отношений. Важность такого исследования Д. Блум видел в том, что оно позволяет уяснить, в чем выражалось конкретное содержание в экономических и социальных практиках стран, которые «оставались отсталыми аграрными обществами, признававшими принуждение в качестве предпосылки социальной организации»⁸⁰. Для России XVIII в. и дореформенного периода в крепостном праве Д. Блум усматривал не

⁷⁸ Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир. Статьи разных лет. М.: Изд-во НЛЮ, 2013. С.41.

⁷⁹ Там же. С.71-74.

⁸⁰ Блум Д. Барин и Крестьянин в России IX-XIX веков. М.: Центрполиграф, 2025. (С.572).

только суть отношений, которыми связывались между собой «Барин и Крестьянин», но и то, что крепостным правом определялся характер общества и государства⁸¹. Он приводил при этом немало конкретных проявлений крепостного права, барского произвола и совершенно обратных случаев, когда барин защищал своего зависимого человека или, в определенных случаях, оказывал ему покровительство.

В рамках отношений, складывавшихся на основе принудительного труда, рассматривал положение крепостных крестьян в России и место их в обществе исследователь из США П. Колчин. Русское крепостное право он рассматривал как рабство в специфической форме, при которой крестьяне «вели такой образ жизни, который, хотя и ограничен полномочиями их владельцев, были гораздо более независимы, чем американские рабы»⁸².

На противоречия русского дворянского «просвещенного сеньориализма» конца XVIII – начала XIX вв. по крестьянскому вопросу обратил внимание американский исследователь Э. Мелтон. При оценке вотчинных инструкций он отмечал, что главной мыслью в этих инструкциях было обеспечение экономических интересов помещиков. Но в то же время в идеологии «просвещенного сеньориализма» Э. Мелтон усматривал, что «крепостной собственник определял свои отношения к своим крестьянам» не только «в экономическом», но и «в моральном ... плане», и благодаря этому такая идеология даже «внесла свой вклад к отмене крепостного права»⁸³.

На широкого читателя рассчитана недавно вышедшая в свет книга А.П. Джонсона, посвященная царствованию Екатерины II. Автор характеризует отношения между помещиками и крестьянами в свете представления о барщинной эксплуатации, об исключительно тяжелом положении крестьян⁸⁴, что напоминает некоторые положения советской историографии.

⁸¹ Это заметно по заголовку четвертой части книги Д.Блума. См.: Блум Д. Указ. соч. С.(264).

⁸² Kolchin P. Unfree labor. American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1897. P.46.

⁸³ Melton E. Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia. 1750-1830 // Journal of Modern History. 62 (December 1990). P.708. За указание на эту статью благодарю А.В. Корневского.

⁸⁴ A.P.Johnson. The Original Diva: the Life and Times of Catherine II the Grate. Delray Beach: JAPSS Press, Inc., 2009. P.47-51.

Тема народных восстаний, в том числе Пугачевского, вызывала интерес у зарубежных историков России. Рассматривая Пугачевское восстание прежде всего, как выступление казаков, французский историк П. Паскаль и американский историк Д. Александер указывали на участие в нем горнозаводских рабочих и крестьян, на их бесправие и на жестокости крепостничества, и, в свою очередь, на расправы восставшего народа над «злодеями-дворянами»⁸⁵. Эти авторы глубоко раскрывали ситуацию в стране, в которой стоял со всей своей остротой крестьянский вопрос.

В комплексном исследовании истории России екатерининского времени И. де Мадариага представляет особый интерес характеристика социокультурной ситуации в стране, с анализом положения разных слоев населения, в том числе дворянства и крестьянства. Она обращала внимание на имущественное расслоение в дворянской среде, отмечая преобладание мелкопоместных дворян, из которых немного более половины имело менее двадцати крепостных душ, а 82 % дворян – менее ста душ. «Подавляющее большинство дворян жило в бедности и даже в крайней нужде», – указывала она, причем некоторые дворяне, «совсем не имея крепостных, собственноручно обрабатывали землю»⁸⁶.

И.де Мадариага отмечала, что в отношениях между помещиками и крестьянами государство «оставляло пустоту». Эту пустоту заполняли инструкции помещиков своим управляющим, и тем самым, по ее оценке, «издавали законы для своих частных владений, составляли собственные правовые своды», «отмеченные сильным влиянием петровских образцов административного управления»⁸⁷. Но вместе с тем И.де Мадариага указала на обязанности помещика, вытекавшие из его права на крепостного: «обеспечивать благополучие своих крестьян, заботиться о них в трудные времена, не допускать, чтобы они "шатались по миру"». Помещики были ответственны за уплату крестьянами подушной подати⁸⁸. И.де Мадариага

⁸⁵ Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа: ИП Галлиулин Д.А., 2010. С.116-119; Александер Д. Емельян Пугачев. Уфа: ИП Галлиулин Д.А., 2011. С.119-125.

⁸⁶ Мадариага И.де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Изд-во НЛЮ, 2002. С.139, 140.

⁸⁷ Там же. С.162.

⁸⁸ Там же. С.164.

поддержала широко распространенный в историографии взгляд на А.Н. Радищева как на революционера, поскольку, по ее словам, в его сочинении Екатерину II страшно возмутила «попытка внедрить в России французские революционные идеи о насильственном свержении существующей власти и социального строя»⁸⁹.

Исследования зарубежных историков о России эпохи Просвещения свидетельствует о значительном интересе в современной западной культуре к российскому прошлому, когда русское дворянское общество сделало новый шаг по пути европеизации. Сделанный И. де Мадариагой социальный анализ российского дворянства позволяет более глубоко и точно уяснить особенности не только экономического положения разных его слоев, но и дает основание для выявления культурных его особенностей, связанных с отношением к текущему положению в стране, к крестьянству и крепостному праву.

Таким образом, крестьянскому вопросу в эпоху Просвещения в России и отношению к нему дворянства в историографии уделялось внимание. Вместе с тем представляется значимым дальнейшее исследование вопроса о взаимовлиянии традиционной культуры российского дворянства и культуры Просвещения, поскольку такое взаимовлияние было более разносторонним, чем это подчеркивалось в историографии. Оно сказывалось даже на формировании нового культурно-исторического феномена русского просвещенного дворянина. Для понимания основ культуры просвещенного дворянства важно проследить, как теоретические воззрения по крестьянскому вопросу и по крепостному праву воплощались в вотчинной практике по управлению хозяйством. Такую практику выражали помещичьи инструкции, которые являлись не только руководством для ведения хозяйства и управления вотчиной. Инструкции были также особым феноменом культуры, перешедшим из средневековья в раннее Новое время, и принимавшихся вотчинниками по причине наличия в них рациональных основ хозяйственной деятельности. Это отвечало основам рационалистической культуры Просвещения. В то же время такие инструкции обсуждались и составили на этом

⁸⁹ Там же. С.866,.

основании существенную часть общественной мысли просвещенного дворянства. Наконец, предполагается необходимость дальнейшего углубленного исследования состояния крестьянского вопроса с учетом расслоения дворянства в России екатерининского времени. Такое расслоение было связано не только с разницей в социальном положении дворян, но и в их культуре, в особенностях воздействия на первенствующий класс русского общества глубоких и устойчивых исторических традиций, и новых идей, распространявшихся в эпоху Просвещения.

Цель исследования – комплексная характеристика отношения русского дворянства второй половины XVIII в. к крестьянству и к крестьянскому вопросу в условиях распространения в России культуры Просвещения.

Задачи исследования:

- Выяснение особенностей влияния культуры Просвещения на российское дворянство.
- Уяснение роли социокультурных процессов, происходивших в России эпохи Просвещения, в выдвигании крестьянского вопроса на ведущее место в общественных дискуссиях.
- Выявление эволюции воззрений русского общества на крестьянство от Средневековья к раннему Новому времени.
- Определение места дворянских наказов по вотчинному управлению как выражения общественной мысли дворянства второй половины XVIII в.
- Выявление роли крестьянского вопроса в эволюции культуры русского дворянства в эпоху Просвещения и в культурном расслоении дворянства.
- Выявление культурно-исторической типологии русского дворянства на основе отношения к крепостничеству и к освобождению крестьянства.

Объект исследования – крестьянский вопрос в общественной мысли и в хозяйственной практике русского дворянства эпохи Просвещения.

Предмет исследования – влияние культуры Просвещения на постановку и обсуждение крестьянского вопроса и практики социального взаимодействия помещика с крепостными людьми.

Хронологические рамки исследования соответствуют времени царствования Екатерины II, или культурно-историческому периоду, известному как русское Просвещение. В отдельных случаях рассматриваются годы царствования Павла I, поскольку в это короткое царствование положение крестьян и воззрения на крестьянский вопрос со стороны дворянства не претерпели принципиальных изменений, при том, что новый император свернул екатерининскую политику просвещенного абсолютизма. Также затрагиваются отдельные явления более раннего периода, относящегося к первой половине XVIII в, когда формировались явления в социокультурных отношениях русского общества, которые получили распространение в эпоху Просвещения в России, такие, как вотчинные инструкции.

Теоретическая основа состоит в признании роли духовной культуры в принципиальных изменениях, переживавшихся обществом и отдельными его слоями на протяжении своей истории. С.И. Тхоржевский указывал, что «исторические силы, строящие общество» требуют для своего анализа «историческую социологию». Но «историю культуры, или цивилизации» возможно изучать как «результаты исторического процесса»⁹⁰. Мысль о том, что история культуры изучает «результаты исторического процесса», справедлива. Но невозможно исключать роль культуры и как движущей силы исторического процесса. Не случайно поэтому истории идей в XX в. уделялось большое внимание. Тем более это относится к идеям эпохи Просвещения, которые ориентировались на общество, «в котором не будет тиранов и рабов и духовная свобода будет сочетаться с политической», и только тогда, справедливо отмечал М.А. Барг, «появятся неограниченные возможности для прогресса разума»⁹¹. Но на пути распространения основ новой культуры в русском дворянском обществе этого времени стояли сложности, поскольку в России, как отмечала И.П. Кулакова, «в результате ускоренной европеизации инновационный тип культуры наложился на многовековой мощный пласт культуры традиционной», и в результате «культурная

⁹⁰ Тхоржевский С.И. В.О.Ключевский как социолог и политический мыслитель // В.О.Ключевский: pro et contra, антология. СПб.: НП «Апостольский город- Невская перспектива», 2013. С.641.

⁹¹ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С.333.

рецепция вылилась в сложный (и мучительный во многих проявлениях) процесс усвоения новых норм и практик, который растянулся более чем на век»⁹².

Методологическая основа состоит в опоре на принцип историзма, предполагающий всесторонний учет особенностей общества определенного времени и определенных культурных традиций в их динамике. Методологический принцип холизма позволяет исходить из идеи единства такого объекта исторического познания, как общественная мысль, выраженная в текстах культуры определенного сообщества за определенное время. Принцип понимания человека, общества и культуры позволяет видеть антропологическую составляющую идей в произведениях публицистики, особенности видения автором определенных текстов актуальных проблем. Принцип интертекстуальности предполагает учитывать влияние текстов культуры Просвещения, оказывавших воздействие на тексты русского Просвещения, относившиеся прямо или косвенно к крестьянскому вопросу. Использование общенаучного метода логического и исторического позволяет учитывать соотношение общей логики исторического процесса, в котором пробивали себе дорогу идеи свободы и прогресса, и конкретно-исторических условий существования общества и государства в России эпохи Просвещения. Использование историко-генетического метода направляет на выявление идейных основ в текстах русских публицистов, относящихся к крестьянскому вопросу. Историко-сравнительный метод позволяет наглядно сопоставить идеи Просвещения в сознании просвещенного русского дворянина и его практику управления помещьем и отношений с крепостными. С помощью историко-типологического метода уточняются черты культурно-исторического типа русского просвещенного дворянина, соотношение в нем цельности натуры на основе традиции и острых противоречий в его общественном сознании в связи с распространением идей свободы в дискурсе Просвещения.

Гипотеза исследования – острота постановки крестьянского вопроса в России второй половины XVIII в. определялась не только характером социальных

⁹² Кулакова И.П. Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып.36. С.90.

отношений в дворянской империи. Она была вызвана прежде всего сдвигами в сфере культуры, распространением в дворянской среде по мере успехов европеизации основ просветительского дискурса с его неприятием рабства и культом свободы. Сила традиции в то же время имела прочные позиции в сознании просвещенного дворянства. Отсюда разное понимание свободы в дворянской среде, в том числе для крестьянства. Оно сказывалось не только в литературе и публицистике дворянских авторов, не только в выступлениях депутатов-дворян в Уложенной комиссии, но и в практике взаимоотношений с крепостными людьми. Культура Просвещения воспринималась в дворянской среде, как правило, неглубоко, и не распространялось на традиционные основы крепостного строя, а свободная дворянская личность не сомневалась в необходимости сохранения рабского состояния зависимых людей.

Научная новизна исследования:

- Анализ состояния крестьянского вопроса в России второй половины XVIII в. связывается в первую очередь с характером и особенностями культуры Просвещения, в которой идея свободы была одной из основополагающих, а сама свобода относилась к важнейшим культурным и социальным ценностям.
- Сложные процессы в развитии русской культуры первой половины XVIII в. и формирование русского Просвещения относилось к важнейшим факторам, повлиявшим на выдвижение крестьянского вопроса на первый план общественных дискуссий.
- Острота крестьянского вопроса и позиции сторон в ходе его обсуждения представляли собой исключительно яркое выражение культурного раскола в русском дворянском обществе эпохи Просвещения.
- Такой раскол дает возможность видеть различие на уровне культурно-исторических типов в дворянской среде, в основе которых лежат особенности культуры и отношение к крестьянскому вопросу.
- Выделен особый культурно-исторический и личностный тип российского просвещенного дворянина, сочетавшего частичное и, как правило,

неглубокое, усвоение основ культуры Просвещения с культурной традицией крепостнического дворянства со сложившимся в ней отношением к зависимым крестьянам.

- По своему отношению к крестьянству и к крепостному праву в рамках этого культурно-исторического типа выделились особые группы, что соответствовало сложности взглядов на этот вопрос в дворянской среде.
- В культуре русского просвещенного дворянства стало проявляться стремление к пониманию положения крестьянства и сочувствия к нему, при сочетании со традиционным стремлением к защите своих помещичьих интересов.

Положения, выносимые на защиту

- Культура эпохи Просвещения, содержащая критику феодализма, абсолютизма, церкви и религии, получила распространение в России, прежде всего среди дворянства. Оно положительно воспринимало просветительскую критику деспотизма и тирании. В русских условиях идея свободы как органической части Просвещения трансформировалась в идею вольности как традиционного архетипа русской культуры, с представлением о возможности вполне успешного сосуществования самодержавия с вольностью дворянства.
- Идея вольности пережила в Российской империи XVIII в. трансформацию. Зародившись в Московском государстве как народная, она была воспринята дворянством и вышла на уровень национальной идеи. После принятия Манифеста о вольности дворянства она стала государственной идеей, причем самодержавие стремилось, чтобы дворянство совмещало свою вольность с продолжением службы. Вместе с тем идея вольности сыграла свою роль в формировании крестьянского вопроса как важнейшего в общественной мысли русского Просвещения.
- Вольность дворянства нередко воспринималась помещиками как ничем не ограниченное право на тиранию своих крепостных. В дворянской среде такое представление нередко вызывало самое решительное неприятие. Многие русские помещики и иностранцы воспринимали положение крепостных в

России как рабское, что вызывало протест Екатерины II, наглядно выраженный в ее «Антидоте».

- В свете средневековой культурной традиции крестьяне рассматривались на бессубъектном уровне, в качестве объекта воздействия в своих материальных интересах господ и государства. На самом низшем уровне признание крестьянина как субъекта общественных отношений имело место в Уложении 1649 г., запрещавшем его убийство. Культура эпохи Просвещения способствовала привлечению внимания в России к положению крестьянства. В конкурсных сочинениях, объявленных Вольным экономическим обществом по инициативе Екатерины II на тему о собственности «хлебопашцев», в отдельных сочинениях появилась точка зрения о крестьянстве как о субъекте общества со своими интересами. Однако в дворянской среде преобладал взгляд на крестьянство как на объект интересов помещиков и государства.
- Выступления депутатов Уложенной комиссии наглядно показали Екатерине II неготовность по существу всех слоев русского общества к принципиальным изменениям в положении крестьянства. Практическое осуществление взглядов дворян на крепостнические основы взаимоотношений с крестьянами проявилось в вотчинных инструкциях (наказах), которые давались вотчинновладельцами своим управляющим и приказчикам. Наказы, создававшиеся в вотчинных канцеляриях, в полной мере отражали общественное мнение дворянства, некоторые из них публиковались в Трудах Вольного экономического общества. Они имеют признаки массовых источников, что свидетельствует о распространенности этого явления и об актуальности его для русского общества того времени.
- В эпоху Просвещения в России происходил своеобразный синкретизм культуры Просвещения, проникавшей в Россию с Запада, и традиционной культуры русского дворянства, готового принимать отдельные стороны Просвещения, но при этом не ставившего под сомнение свое безусловное право собственности на крепостных крестьян.

- В русской литературе того времени впервые появляется крестьянская тема. В сатирических образах, созданных Д.И. Фонвизиным и Н.И. Новиковым, резко осуждалась тиранья помещиков в отношении своих крепостных людей, образы таких помещиков были исключительно яркими и запоминающимися. В произведениях А.Н. Радищева содержалось не только осуждение крепостничества, с приведением конкретных случаев, относившихся к положению крестьян, которые путешественник видел на пути из Петербурга в Москву, но и выдвигалась революционная идея предпочтения республиканского строя средневекового Новгорода московскому самодержавию.
- Тема крестьянства и крепостного права присутствует в эпистолярных источниках, которую разные авторы писем выражали по-своему. В свете формировавшейся социальной и политической науки свое резко отрицательное отношение к крепостному праву, с указанием на экономические выгоды его отмены не только для самих крестьян, но и для общества и государства, выражал ученый, князь Д.А. Голицын. Письма свидетельствуют о разном отношении дворян к своим зависимым людям. Насколько была заметна забота о своих людях в письмах полководца А.В. Суворова, настолько жесткими были письма историка князя М.М. Щербатова.
- Письменное наследие дворянских авторов дает основание для вывода не только о социальном, но и культурном расслоении российского дворянства, с выделением отдельных культурно-исторических типов. Такое выделение позволяет видеть большинство дворянства, не затронутое культурой Просвещения, и меньшую часть, в разной степени усваивавшее эту культуру. Среди первых разделение проходит между помещиками «дикими» вроде героев комедии Д.И. Фонвизина и помещиками, культура которых находилась на уровне традиционной церковной образованности. Все эти помещики были сторонниками традиционных крепостнических отношений. Среди тех, кто усвоил в той или иной степени культуру Просвещения,

относились разные дворянские типы. Образцом дворян, поверхностно усвоившим культуру Просвещения, был герой Д.И. Фонвизина, бригадирский сын Иванушка. Среди просвещенных дворян не было сторонников крепостнической тирании. Но большинство их считало необходимым сохранение крепостного права. Лишь меньшинство вроде князя Д.А. Голицына, журналиста Н.И. Новикова, поэта и писателя А.Н. Радищева выступали против крепостничества.

Источники по данной теме относятся к типу письменных источников. Они традиционно разделяются, согласно Л.Н. Пушкареву, на документальные и повествовательные⁹³.

Среди документальных источников это прежде всего законодательство в том числе более раннего времени. Это Уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г. Эти законы позволяют видеть традиции в жизни страны, которые отличались устойчивостью, переходили на более позднее время царствования Екатерины II и оказывали влияние на разные стороны внутренней жизни и культуры русского общества на протяжении всего XVIII в. и еще более позднего времени. Законодательство царствований Петра III и Екатерины II раскрывает отношение государственной власти к дворянству, воззрений на его вольность и на значение для самодержавия дворянской службы.

К документальным источникам относятся материалы делопроизводства. В вотчинах XVIII в. формировались канцелярии и складывалась система делопроизводства, в которой начиная со времени Петра I составлялись инструкции по управлению вотчинным хозяйством. Вопрос об авторстве инструкций, как правило, не ясен, это могли быть сами вотчинники, или их управляющие. Во всяком случае, выводы об авторстве могут высказываться только на уровне гипотез. Безусловно, что автором инструкции мог быть князь М.М. Щербатов, для которого писательство было привычной сферой деятельности. Авторскими произведениями являются указы управляющим, составленные П.И. Рычковым и А.Т. Болотовым,

⁹³ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. С.267.

которые публиковались в трудах Вольного экономического общества как образцовые указы, составленные с большим знанием по существу всех сторон помещичьего хозяйства. Но, во всяком случае, даже если инструкция писалась в вотчинной канцелярии, тексты их не оставались без пристального внимания вотчинника. Такие инструкции содержатся в архивных фондах вотчинных архивов князей Щербатовых, князей Голицыных, Шереметевых, Нарышкиных, некоторые из этих инструкций в разное время были опубликованы. Это были весьма подробные документы по ведению вотчинного хозяйства с использованием крепостного труда, но в то же время в них выражалась общественная мысль дворянского общества, взгляды его на рациональные способы хозяйственной деятельности.

Документальными источниками являются разнообразные указы депутатам Уложенной комиссии от местных дворянских сообществ, а также изложения выступлений депутатов на заседаниях комиссии. В этих источниках, публиковавшихся в разных томах сборников Русского исторического общества, выражены мнения дворянства по крестьянскому вопросу. Разница в том, что в указах высказывается коллективная точка зрения местного дворянства, тогда как выступления депутатов содержали личное мнение депутатов.

Для некоторых документальных источников характерно наличие признаков нарратива. Так, для упомянутых указов П.И. Рычкова и А.Т. Болотова, характерен повествовательный текст, написанный на хорошем литературном уровне своего времени, что дает основание для отнесения их к особой литературно-публицистической форме, при сохранении этими указами роли документа.

К нарративным источникам относятся произведения европейских просветителей XVIII в. и русские повествовательные тексты. Это произведения литературы и публицистики дворянских авторов и их эпистолярное наследие.

Произведения европейских просветителей, прежде всего французских, рассматриваются с точки зрения того, как содержащиеся в них идеи распространялись в России и влияли на русское дворянское общество. Наиболее наглядным примером такого влияния было использование идей Ш. Монтескье в

сочинении «О духе законов» Екатериной II при подготовке своего наказа Уложенной комиссии⁹⁴. Особое влияние на русских современников оказывали сочинения Вольтера, с его именем было связано распространенное слово того времени «вольтерьянство»⁹⁵, которое сохранилось в русском языке и в более позднее время. Эти сочинения позволяют понять процесс распространения в России идей Просвещения и формирования феномена русского Просвещения.

Более сложно определяется место такого важнейшего источника, как «Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения» Екатерины II. Это, несомненно, произведение, относящееся к русской общественной мысли в период распространения идей Просвещения. Оно написано императрицей, связавшей себя с российским дворянством, но находившейся не вне, но внутри европейской культуры своего времени. В то же время произведение имеет черты документа, поскольку носило признаки государственного нормативного текста, обязательного для учета его положений депутатами Уложенной комиссии. Этот текст дает представление о взглядах императрицы по вопросам государственного устройства и общественных отношений, в том числе о положении крепостных крестьян.

Общественная мысль в России по крестьянскому вопросу выражалась в конкурсных сочинениях, объявленных Вольным экономическим обществом по письму Екатерины II 1765 г., где предлагалось обсудить вопрос о крестьянской собственности. Сочинения по этому вопросу печатались в трудах Вольного экономического общества. Сочинение депутата А.Я. Поленова, присланное на конкурс, содержащее резкую критику крепостного права и заслуженно оцененное В.И. Семевским как наиболее интересное, но не опубликованное Вольным экономическим обществом ввиду своей открыто антикрепостнической направленности, было опубликовано М.Т. Белявским. В подобных сочинениях, написанных русскими и иностранными авторами, содержатся наглядные свидетельства остроты крестьянского вопроса, большого интереса к его

⁹⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5. С.76.

⁹⁵ Миллюков П.Н. Указ. соч. С.397-401.

обсуждению, а также отражена борьба между разными подходами к решению этого вопроса среди дворянства в России и за рубежом.

В дворянской публицистике второй половины XVIII в. крестьянский вопрос стал занимать видное место. Резко были обозначены различия в подходах к крестьянству между такими представителями дворянской общественной мысли, как профессор С.Е. Десницкий и князь М.М. Щербатов. Произведения публицистики позволяют проследить, как их авторы обосновывали свою точку зрения, как оценивали события и ситуацию с положением крестьянства в условиях крепостного права, взгляды их на крестьянскую собственность.

Среди нарративных источников в качестве особой группы занимают свое место письма дворян. Они различаются между собой и могут быть разделены на письма более общественного и более частного содержания. К первым относятся письма ученого князя Д.А. Голицына, в которых выражено его личное отношение к крестьянскому вопросу и к крепостному праву. Особенность его писем в том, что они были предназначены не только для чтения непосредственному адресату, князю А.М. Голицыну, но и самой императрице. Это давало Д.А. Голицыну основание для прямого выдвижения своих предложений по решению крестьянского вопроса

. Но большая часть писем имеет частное содержание и дает представление о личном отношении отдельных дворян к своим крестьянам. Поскольку эти письма представляли собой распоряжения по хозяйству, то они имеют близость к хозяйственным документам. Это письма по делам своих вотчин генерала В.И. Суворова, отца полководца А.В. Суворова, собранные и опубликованные в 1904 г. архивистом Я.О. Кузнецовым. Как писал в кратком предисловии Я.О. Кузнецов, письма были найдены Д.П. Дементьевым в имении Кандалинцева Заводской волости Ветлужского уезда Костромской губернии и переданы в Костромскую архивную комиссию⁹⁶. Особую группу составляют письма управляющих, старост и крестьян В.И. Суворову, которые содержат материалы, поступавшие в

⁹⁶ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. // Труды Владимирской Архивной Ученой Комиссии. Владимир: Тип. Губ. Правления, 1904. Раздел «Материалы». С.2.

вышестоящую инстанцию, которой для вотчинной администрации был сам вотчинник.

Осмысление реалий крепостнических отношений в образах и сюжетах содержится в художественной литературе второй половины XVIII в., где, по существу, впервые на основе литературного осмысления стала раскрываться тема отношений между помещиками и крестьянами. Это были образы помещиков, выступавших ярко выраженными тиранами в отношении своих зависимых людей в журналистике Н.И. Новикова и дворян в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», образы крестьян и сюжеты из отношений между помещиками и крестьянами в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Анализ этих образов и сюжетов в историческом исследовании предполагает учет соотношения в свете философских категорий типичного и особенного. Это не случайно, поскольку интерес к подобным литературным образам возможен при несомненной их типичности, и в то же время при наличии особенностей подобного типа среди многообразных проявлений личности в российской дворянской среде, в социальных отношениях и культуре эпохи Просвещения.

Теоретическая значимость работы в выявлении причинно-следственной связи между проникавшими в Россию идеями Просвещения как феномена духовной культуры и базисными основами внутреннего строя русского общества раннего нового времени, при ведущей роли идей по отношению к этим базисным явлениям. В уяснении значения историко-типологического метода при анализе внутренней структуры российского дворянства как особой социальной структуры государства на базе анализа культурных критериев для такого выделения.

Практическая значимость работы в возможности на основе обоснованных в ней положений и выводов формирование элективов и спецкурсов по истории общественного строя, положения дворянства и крестьянства и культуры второй половины XVIII в., включения их в общие курсы отечественной истории по разделам социальных отношений и культуры русского общества.

Соответствие диссертации паспортной специальности ВАК.
Диссертация соответствует паспорту специальности 5.6.1. – Отечественная

история, ее направлениям исследований: 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности. 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов. 17. Личность в российской истории, ее персоналии. История российских элит.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре отечественной истории Средних веков и Нового времени Южного федерального университета. Основные результаты диссертационного исследования докладывались на 5 всероссийских (в том числе с международным участием) научных конференциях. Основные положения диссертации изложены в ряде научных публикаций автора, в том числе в одной статье, опубликованной в журнале, входящем в международные базы цитирования (Scopus), в четырех статьях в изданиях, включенных в перечень ВАК.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

Глава 1. Свобода и рабство в идеологии европейского Просвещения

1.1. Критика традиционных устоев общества просветителями и отношение к ней в России

Стремительное вхождение русского дворянства в систему европейской культуры, которое являлось результатом реформ Петра Великого, оценивалось в отечественной историографии в качестве явления органичного начиная с выдающегося труда С.М. Соловьева⁹⁷. Такая оценка воспринята современными историками⁹⁸. Следует иметь в виду, что распространение и восприятие в России европейской культуры в XVIII в. было явлением сложным и прошло определенные этапы. При Петре I двигателем культурной европеизации были прежде всего интересы политики государства, а охватывала она главным образом военную и техническую сторону. С середины XVIII в. европеизация стала все шире сказываться на бытовой культуре дворянского общества, межличностных отношений в дворянской среде, а также распространялась на сферу духовной культуры. При этом в качестве ее движущей силы наряду с интересами государственными, становились интересы групповые и частные. К групповым интересам в данном случае может быть отнесены интересы в том числе незначительной части дворянства, которая стремилась не только к поверхностному восприятию культуры Запада, как значительно большая часть дворянства, но и к более глубокому ее усвоению на уровне философских идей и системы ценностей.

Конечно же, вопрос о степени этого усвоения не простой. Нередко обращается внимание на весьма поверхностный характер такого усвоения. В целом такое мнение справедливо. Сами по себе идеи западного Просвещения, ставшие идеями Великой Французской буржуазной революции, были на самом деле глубже того, что отложилось от них в сознании русского просвещенного дворянства. В том числе относится это к такому наиболее яркому и видному представителю русской

⁹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.1 // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн.1. С.55.

⁹⁸ Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012. С.848.

дворянской культуры эпохи Просвещения, как князь М.М. Щербатов⁹⁹, как сама Екатерина II. Но, тем не менее, идеи европейского Просвещения стали проникать в русскую дворянскую культуру. Они становились своеобразной ее частью, претерпевая при этом определенные изменения, приобретая черты, отличные от своего оригинала.

Все это предполагает необходимость общего анализа отдельных идей европейского Просвещения, пользовавшиеся вниманием в России екатерининского времени. Эти идеи формировались и развивались в условиях острой борьбы с уходящим в прошлое миром средневековых традиций и всей средневековой культуры, а наиболее заметное их воплощение приходилось на Францию как на страну, где системный кризис старого мира выступал наиболее отчетливо. Поэтому критическое начало по отношению к прошлому, проявлявшееся еще в культуре эпохи Возрождения, в эпоху европейского Просвещения приобретало еще более заметное выражение. Острие этой критики было направлено против главных устоев старого общества, уходящих своими корнями в Средние века и в раннее Новое время. Это были церковь и даже религия, абсолютизм и феодализм. Первая из них охватывала духовную сферу жизни общества, вторая его политический строй, третья – систему общественных отношений, а в целом Просвещение представляло собой единый идейный комплекс, отрицавший средневековье и направленный на утверждение на месте старины и традиций нового мира.

Критическое отношение к церкви, заметное в культуре Просвещения, составляло основу вольномыслия в идеологии Просвещения. Оно имело свою предысторию. На критике римско-католической церкви основывалась культура Реформации. Однако такая критика церкви вовсе не означала критического отношения к религии вообще. Вызывалась подобная критика раздражением разных слоев общества противоречием между церковной проповедью смирения и реальной жизнью прелатов церкви, и особенно церковными поборами. С этих позиций вел критику римско-католической церкви М. Лютер, а причину

⁹⁹ Мякотин В.А. Дворянский публицист екатерининской эпохи (Князь М.М.Щербатов) // Мякотин В.А. Из истории русского общества. Изд. 2. СПб.: Тип. Н.Н.Клобукова, 1906. С.119-120.

Реформации во Франции по-своему раскрывал основоположник школы «Анналов» Л. Февр. Объяснял Л. Февр ее тем, что произошел переворот, но не «в мыслях» людей, а «в чувствах»¹⁰⁰ французского общества. Причина, по его мнению, состояла в том, что французское общество позднего средневековья переживало «моральный и религиозный кризис исключительной силы и глубины», который можно понять только в случае, если будут учтены «все многообразные проявления жизни столетия»¹⁰¹. В основе этой жизни Л. Февр усматривал разлад между потребностями общества и тем, что могла предложить ему римско-католическая церковь. Сложилась своего рода антитеза, суть которой состояла в том, что в обществе все еще жило «суеверие», тогда как от церкви исходила «бесплодная сухость», или предложение обществу «бездушно исполнять чисто формальные обряды». Это, по мнению Л. Февра, было не случайно. В церкви с конца XV в. господствовало «учение деградирующих богословов», основанное на положениях «выродившегося оккамизма»¹⁰². Но общество от церкви ожидало не этого. Во французском обществе жила «огромная тяга к чудесному»¹⁰³. Не удовлетворялось также желание «буржуазии, стремившейся к гармонии между своей деятельностью и верой»¹⁰⁴. Отсюда обращение части французского общества к Реформации. Результатом ее стали религиозные войны второй половины XVI в. в стране.

Л. Февр при этом решительно отрицал какое-либо влияние во французском обществе периода Реформации атеизма. В то время общество, указывал он, до этого еще не дозрело. Однако к XVIII в. положение существенно изменилось. Идеи атеизма становятся одним из существенных качественных признаков Просвещения. К наиболее ярким и литературно оформленным выражениям социальной антицерковной и даже философской антирелигиозной, атеистической мысли Просвещения относится произведение Вольтера «Обед у графа де Буленвилье». В этом произведении, созданном в 1767 г. в форме философских,

¹⁰⁰ Февр Л. Неверно поставленная проблема // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С.479.

¹⁰¹ Там же. С.491.

¹⁰² Там же. С.459.

¹⁰³ Там же. С.457.

¹⁰⁴ Там же. С.460.

исключительно острых и живых рассуждений, ставились вопросы, волновавшие образованное французское общество накануне революции. В ходе беседы, которую вели просвещенные представители первого и второго сословий, аббат, граф, графиня и гость графа господин Фрерэ, граф, обращаясь к аббату, прямо заявил, что «философия в тысячу раз спасительнее, чем ваша религия в том виде, в каком она существует с давних времен»¹⁰⁵. Господин Фрерэ сказал, что от церкви идет «самое чудовищное, самое смехотворное идолопоклонство, которое когда-либо позорило род человеческий». Христиане в его словах выступали как «новые язычники»¹⁰⁶. Христианская церковь, говорил господин Фрерэ, воздвигла «свой новый фанатизм на развалинах фанатизма древнего»¹⁰⁷. Общий вывод из этих рассуждений сделал граф де Буленвилье. Он заявлял, что «религия и разум не могут существовать одновременно». Но на этом основании возникал вопрос о дальнейшей судьбе церкви. Граф предлагал «сделать религию абсолютно зависимой от короля и гражданских властей», но указывал при этом, что такое «средство» «паллиативное», и не более того. Но более радикальный собеседник графа, господин Фрерэ, посчитал полезным для общества такое подчинение только «при условии, что король и гражданская власть будут просвещены», «сумеют быть терпимыми ко всякой религии», «предоставят им свободу в их отношениях к богу и будут сдерживать их законами только в их отношениях к людям»¹⁰⁸. Замечания графа и его собеседника весьма характерные. Критика церкви и религии с неизбежностью переходила к вопросам государственного устройства, к критике политического строя. Но в политических вопросах граф де Буленвилье в сочинении Вольтера выступал значительно менее радикально, что для него как для представителя привилегированного второго сословия в государстве было не случайно. Собеседник же его, господин Фрерэ, в этой связи скорее выражал идеал

¹⁰⁵ Вольтер. Обед у графа де Буленвилье // Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.: Academia, 1931. Т.2. Мемуары и диалоги. С.95.

¹⁰⁶ Там же. С.108.

¹⁰⁷ Там же. С.119.

¹⁰⁸ Там же. С.122.

государственного и общественного устройства, с которым выступали просветители.

Критикуя церковь и религию, Вольтер в то же время отделял себя от атеизма, смотрел на него как бы со стороны, указывал на него как на вредную крайность, допускал сопоставление его с фанатизмом. «Атеизм и фанатизм – два чудовища, способные разодрать на части и пожрать общество», – писал он в своем философском словаре. Но при этом Вольтер все-таки атеизму отдавал предпочтение перед фанатизмом. По его словам, «атеист в своем заблуждении сохраняет свой разум, вырывающий зубы из его пасти, фанатик же поражен неизлечимым безумием, наоборот, эти зубы оттачивающим»¹⁰⁹. Критика церкви и даже религии не мешала Вольтеру признать существование некой высшей силы и не призывать к разрыву общества с религией. Он указывал при этом на то, что существование бога доказывалось естественными науками. Говоря об ученых своего времени, Вольтер писал, что «чем больше они изучали природу, тем больше познавали ее творца»¹¹⁰. Более решительное отрицание религии заметно в обширном философском трактате К. Гельвеция «О человеке», где утверждалось, что «религия не есть добродетель»¹¹¹, и содержалось резкое отрицание устойчивого общественного представления о тесной и неразрывной связи между религией и «добродетелью».

Что же касается Вольтера, то его философские воззрения, относившиеся к религии, были, таким образом, весьма сложны, с некоторой долей противоречивости. Религиозное свободомыслие вплоть до склонности к атеизму не вело к отрицанию религии и бога, к переходу на позиции атеизма, к которому он относился почти так же критически, как и к церкви и к религии, особенно к ее крайностям в виде фанатизма. Идеи, высказывавшиеся выдающимся мыслителем, проникали и в Россию, которой Вольтер живо интересовался. Известны эти идеи были Екатерине II как его корреспонденту по переписке, и вместе с тем узкому

¹⁰⁹ Вольтер. Философский словарь // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С.624.

¹¹⁰ Там же. С.625.

¹¹¹ Гельвеций К.А. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1974. Т.2. С.346.

кругу просвещенных русских дворян. Насколько, однако, русское общество было готово к их восприятию? Что оно могло усвоить из этих идей, относившихся к церкви, религии и атеизму? В этом отношении, по-видимому, определенные предпосылки для позитивного их усвоения имелись.

Ко времени царствования Екатерины II авторитет православной церкви среди русского дворянства был невысок. В значительной степени может это объясняться мерами в отношении церкви при Петре I. К этому относилась ликвидация патриаршества и постепенное превращение церкви в часть государственного аппарата под началом Синода как государственного органа, наступление властей на тайну исповеди, награждения священников государственными наградами. В еще большей степени способствовало этому общее направление культуры, когда старая культура Московского государства, основанная на авторитете церкви, сменялась новой русской дворянской культурой, чисто светской. К этому же вели грубые насмешки самого царя и его окружения над церковью, особенно в акциях всешутейшего всепьянейшего сумасброднейшего собора, о которых было хорошо известно русскому обществу.

По заслуживающему внимания замечанию И. Носовича, в соборе проявилась «черта характера Петра Великого, как юмориста»¹¹². Современный исследователь Э. Зицер видит в организации собора несколько иное. «Полемический заряд петровской карнавализации власти» он относил к одной из «моделей сакрализации монарха», но уже совершенно по-иному, чем это было в Московском государстве. С помощью этого действия, зачастую открыто непристойного, его участники были «статистами и зрителями совершающегося преобразования Русского царства в Российскую империю»¹¹³. В том числе и с помощью действий, кощунственных в отношении церкви¹¹⁴, причем «Петр оспаривал представление о том, что царская власть должна быть освящена церковью и патриархом»¹¹⁵. Из круга богословов

¹¹² Носович И. Всепьянейший собор, учрежденный Петром Великим // Русская старина. 1874. Т.11. № 12. С.735.

¹¹³ Зицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: НЛЮ, 2008. С.180.

¹¹⁴ Там же. С.9, 131-132.

¹¹⁵ Там же. С.71.

вышел активный и деятельный сторонник реформ Петра I и его политики, Феофан Прокопович¹¹⁶, но для церковной среды он был не типичен. Конечно же, сохранялись положения главы первой Соборного Уложения царя Алексея Михайловича с санкциями за преступления в отношении церкви, а в 1715 г. в составе Артикула воинского была помещена «Глава первая о страхе божии»¹¹⁷. Но в данном случае смысл этой главы состоял в защите не церкви самой по себе, но положения церкви в общей системе государственного порядка в регулярной армии.

И после Петра Великого, в условиях продолжения европеизации русского общества, церковь не могла восстановить свои прежние позиции, которые она имела в Московском государстве. Это было даже несмотря на представление императрицы Елизаветы Петровны о получении ею престола по воле божьей и на ее стремление играть роль православной государыни¹¹⁸. В том же, что касается материального положения церкви, оно еще более ослабло в результате секуляризации церковных имений при Екатерине II. Отношение к священникам в период ее царствования убедительно отражают слова из ее указа о секуляризации 1762 г., приведенные историком церкви А.В. Карташевым: «Простой народ невежественен и должен быть просвещаем в духе веры и христианского благочестия... но к прискорбию, оказывается, что многие священники не только не ведают истинного пути к просвещению народному, но и будучи малограмотны, нередко простому народу служат собственным примером к повреждению»¹¹⁹.

Отсутствие пиетета по отношению к церкви среди русского дворянства эпохи Просвещения ощущалось. Сказалось это в том, что Екатерина II стремилась в Наказе Уложенной комиссии ограничить применение санкций за составы преступлений, относившихся к церкви. В пункте 74 она писала, что «между преступлениями, касающимися до закона или веры, Я не полагаю никаких других, кроме стремящихся прямо противу закона, каковы суть: прямые и явные

¹¹⁶ Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. М.: Сортатник, 1994. С.125.

¹¹⁷ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М.: Юрлит, 1986. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. С.328.

¹¹⁸ Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2002. С.97, 99; Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2014. С.288-289.

¹¹⁹ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. М.; Берлин: Директ Медиа. 2020. Т.2. С.390.

святотатства»¹²⁰. Тем самым исключалась возможность обвинения в ереси за рассуждения философского характера. И вообще, на взгляд дворян, статус лица, относящегося к церкви, был ниже дворянского. В русской литературе эпохи Просвещения это выразилось в образе семинариста Кутейкина из «Недоросля» Д.И. Фонвизина, учителя дворянского недоросля Митрофанушки, причем учителя-семинариста даже другой нанятый учитель, немец Вральман, бьет при случае «по шее»¹²¹. Образ Кутейкина позволил вместе с тем Фонвизину выразить дворянское отношение к человеку из церковной среды, подчеркнуть такую черту его характера, как стремление к стяжанию, которая особенно бросалась в глаза. За свою работу учителем у недоросля Митрофанушки он хотел получить «счетец зело не мал»¹²², хотя ничему его не выучил, правда, не по своей вине. Такую черту духовенства дворяне считали типичной, и это не прибавляло уважение их к духовенству.

В то же время в сознании русского дворянства эпохи Просвещения, вполне допускавшего критическое отношение к духовенству и к церкви, в отличие от некоторых просвещенных дворян-французов вроде вольтеровского господина Фрерэ, атеизм не получил какого-либо распространения. Наиболее видный из русских дворянских публицистов, князь М.М. Щербатов, как и Вольтер, не отрицал религии с позиций атеизма, и пытался поставить христианство в контекст культуры своего просвещенного времени. По его словам, «христианский закон не противен просвещению человеческому, потому что как он на истине основан, то изыскание всякой истины ему полезно»¹²³, – писал он в своих «Замечаниях на Большой Наказ Екатерины». На этом основании можно считать, что религиозное свободомыслие русского дворянства было весьма относительным и неглубоким. Тем не менее, даже такое религиозное свободомыслие было свидетельством сдвигов в сознании определенных слоев дворянства, о подготовленности его тем самым к

¹²⁰ Екатерина II. Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения. 30 июля 1767 г. // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.121.

¹²¹ Фонвизин Д.И. Недоросль // Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т.2. С.142.

¹²² Там же. С.175.

¹²³ Замечания Щербатова на Большой наказ Екатерины // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.54.

последующей духовной и интеллектуальной эволюции, к переменам взглядов на окружающую социальную действительность.

Другой типичной чертой Просвещения было свободомыслие политическое, неприятие тирании и деспотизма в любой их форме. Ш. Монтескье в своем «Духе законов», тщательно изученным Екатериной II¹²⁴ и известным российскому просвещенному дворянству, в качестве одной из форм правления называл монархию. Оценивал он эту форму критически постольку, поскольку, по его словам, «очень трудно достигнуть того, чтобы в монархии народ был добродетельным». Тем более, считал Монтескье, были основания для заключения «о гнусной природе придворных», о чем «говорят во всех странах», и «о чем писали историки всех времен о дворах государей». И это даже несмотря на то, что в такой форме правления «добродетельные государи встречаются нередко»¹²⁵. Внутреннюю сущность такого строя он, следовательно, не связывал с особенностями личности государя.

Как подчеркивал за последнее время М.Б. Лавринович, у Ш. Монтескье имело место «исключение добродетели из политического обихода монархии, хотя это заявление "было немедленно оспорено целым рядом современников"»¹²⁶. Ш. Монтескье вместе с тем допускал, что для монархии характерно существование понятия «чести», поскольку такое правление «предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства». В таком политическом строе, считал он, честолюбие «может быть и полезно». Оно «одушевляет этот образ правления», и «не опасно» в такой системе, так как «может быть постоянно обуздываемо». Но, в отличие от монархий, честь – это категория, вообще «неведомая в деспотических государствах». Причину Монтескье связывал с тем, что «вся сила деспота только в том, что он может лишать жизни». Поэтому в деспотических государствах «все люди рабы и поэтому не могут превозноситься ни над чем»¹²⁷, в результате чего места для чести не остается. И если в монархии выдающийся мыслитель допускал

¹²⁴ Каменский А.Б. Екатерина II // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.8.

¹²⁵ Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С.182.

¹²⁶ Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. М.: РОССПЭН, 2020. С.63.

¹²⁷ Там же. С.184.

некоторые положительные стороны, то деспотии он воспринимал резко критически. Сопоставляя все формы правления, Монтескье считал, что «для республики нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правительства нужен страх. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна»¹²⁸, – заключал он. Таким образом, политический строй в государствах Монтескье оценивал в свете морально-нравственных и оценочных категорий. Преимущество, как мыслитель просвещения в государстве, где абсолютная монархия вошла в стадию системного кризиса, он отдавал республике. Самым худшим государственным устройством он считал, таким образом, управление, основанное на деспотизме.

Для российских просвещенных дворян рассуждения Монтескье о государственном устройстве и его формах, выраженные в доступной и высокохудожественной форме, с историческими примерами, были особенно привлекательны. В условиях, когда живая коллективная память этого культурно-исторического сообщества хранила деспотические проявления во внутренней политике и в ее в конкретных действиях Петра Великого, когда можно было услышать рассказы старшего поколения о тирании при Анне Иоанновне и режиме бироновщины, когда знали о Тайной канцелярии в прошлом и о Тайной экспедиции с «домашним палачом» императрицы С.И. Шешковским в настоящем, критика французским просветителем тирании и деспотизма падала на подготовленную почву. С другой стороны, в памяти этих дворян отложились представления о событиях иного характера. Так, в их культурной памяти¹²⁹ жили сведения о Смутном времени, о бунташном веке и Степане Разине, а в живой памяти об ужасах Пугачевского восстания летом 1774 г. на правом берегу Волги, когда повстанческая тирания затронула немало помещиков, нередко вполне заслуженно. Отсюда происходили причины их симпатии к такому государственному строю, который не допускал проявлений деспотизма и тирании, но в то же время был способен не

¹²⁸ Там же. С.185.

¹²⁹ Положения о коммуникативной (живой) памяти и о культурной памяти общества см.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004. С.58-59.

допустить внутренних потрясений вроде массовых народных выступлений, в том числе с участием их крепостных людей. Сказывалась также аргументация по вопросу о государственном строе России в ходе событий «затейки верховников» 1730 г., которые также были в живой памяти поколения российских дворян эпохи Просвещения. В ходе этих событий их активный участник В.Н. Татищев высказывался в пользу того, что для таких государств, как Россия, «само- или единовластие потребно». Причины он объяснял тем, что такие государства, «Великие и пространные», были «для многих соседей завидующих» возможным направлением агрессии против России. Вторая причина состояла по мнению В.Н. Татищева, в том, что в России «народ не довольно учением просвещен и за страх, а не для благонравия или познания пользы и вреда закон хранит»¹³⁰.

Поэтому мысль о монархии в России как о желательном политическом устройстве просвещенными дворянами принималась, при том, что недостатки такой системы, на которые указывал Ш. Монтескье, они признавали. Но в этой связи важны оттенки политической мысли. Так, Екатерина II в силу уже своего положения в качестве самодержавной государыни высказывалась за самодержавие, «ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством столь великого Государства». В пользу этого утверждения она привела свои аргументы. Помимо больших размеров государства, она указывала, что «другое правление не только было бы России вредно, но и разорительно», без последующего ее объяснения. Другой причиной было, по мнению императрицы, то, что «лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим». Несомненно, что данное замечание было обращено к памяти депутатов Уложенной комиссии о событиях «затейки верховников». Но при этом императрица подчеркивала, что с деспотизмом и тиранией самодержавие не имеет ничего общего. По ее словам, «предлог самодержавного правления» «не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность», обращалась она тем самым к теории естественного права, принятой

¹³⁰ Татищев В.Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.180.

просветителями. Цель самодержавия, указывала Екатерина II, в том, чтобы «действия» «людей» «направить к самому большому получению ото всех добра»¹³¹.

Довольно решительно, с опорой на теорию общественного договора, возражал императрице князь М.М. Щербатов. Он задавался вопросом, «соответствует ли самодержавная власть такому первенствующему договору», и вообще, «можно ли тут надеяться на сохранение естественной вольности, где власть законодательная и исполнительная единой особе сообщена, которая, не быв подвергнута никаким законам, по своим изволениям, часто от своенравий и страстей происходящим, применяет права и законы и содержит подданных в таком состоянии, что они ни один час не могут быть уверены не токмо в сохранении своих имений, но и самой жизни?»¹³². Для самого князя отрицательный ответ на этот вопрос был вполне очевиден. Он по-своему перевел положение Ш. Монтескье, в котором упоминание французским просветителем о деспотическом правлении представил, как о правлении самодержавном. В его переводе говорилось, что «монаршическое правление» есть «надежда "награждений и любочестие побуждает людей к службе, а в самодержавной единый страх"»¹³³.

Тем самым М.М. Щербатов отнес самодержавие к форме правления не монархической, но к такой, которая несла в себе опасность обернуться деспотизмом и тиранией, гарантий от такого перерастания она не давала. «Замечания Щербатова» свидетельствуют, насколько вырос уровень политической мысли просвещенного российского дворянства по сравнению с недавним прошлым, когда еще в 1747 г. М.В. Ломоносов писал по случаю иллюминации в честь дня восшествия на престол Елизаветы Петровны: «Пусть мнимая других свобода угнетает, Нас рабство под Твоей державой возвышает»¹³⁴. Это не означало, что в политической мысли дворянства эпохи Просвещения критическое отношение к самодержавию утвердилось. В басне «Единовластие» А.П. Сумароков заявлял:

¹³¹ Екатерина II. Наказ комиссии. С.116.

¹³² Замечания Щербатова на Большой наказ. С.57.

¹³³ Там же. С.58.

¹³⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.:1959. Т.8. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732-1764 гг. С.195.

«Единовластие похвально, А многовластие нахально». Необходимость единовластия он объяснял на уровне бытовой повседневной культуры, и не более того. По его словам, «Где много мамушек, так там дитя без глаза». Но и при этом представление его о единовластии резко отличалось от представления М.В. Ломоносова. Если ученый находил, что «рабство» под властью императрицы «возвышает», то дворянский поэт эпохи Просвещения настоятельно подчеркивал, как бы в полемике с академиком: «Не о невольниках я это говорю, Но лишь о подданных во вольности царю»¹³⁵. И если вольность дворянская для М.В. Ломоносова, как простолюдина по происхождению, не значила ничего, то для А.П. Сумарокова это была ценность, которую необходимо было отстаивать и сохранять, совмещая ее, однако, с единовластием, или с самодержавием как с политической реальностью Российской империи. Не принимая мысль М.В. Ломоносова, он одновременно не принимал мысль М.М. Щербатова о том, что с вольностью дворянства самодержавие несовместимо.

Князь М.М. Щербатов, уже значительно позже, работая над своей «Историей Российской от древнейших времен», обращал внимание читателя на исключительно яркое проявление самодержавной тирании в русской истории. Его он видел в опричнине Ивана Грозного, и в качестве наиболее показательного примера тирании самодержца приводил опричный погром Новгорода в 1570 г. Как историк, князь писал, что не известно, «какие он (Иван Грозный – Е.Г.) имел причины тигрскую ярость противу подданных своих употребить, и истребя многие тысячи людей, ослабить собственное свое Государство»¹³⁶. Неясность причин для историка было, считал М.М. Щербатов, показателем того, что имел место произвол самодержавной власти. Еще до Н.М. Карамзина М.М. Щербатов описал «неслыханные жестокости, учиненные им в Новгороде»¹³⁷, как бы предупреждая своего читателя-соотечественника об опасности со стороны самодержавия в случае перерастания его в тиранию, причем гарантий от возможности такого перерастания

¹³⁵ Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Сов. Писатель, 1957. С.245.

¹³⁶ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1789. Т.5. Ч.2. С.227.

¹³⁷ Там же. С.272.

самодержавие, по его мнению, не давало. Следовательно, для критики самодержавия М.М. Щербатов имел основания не только в политической теории, но и в русской истории.

К концу жизни М.М. Щербатов осмыслил события истории не только Московского государства, но и Российской империи начиная с Петра I. Он сделал вывод, что самодержавие как форма правления не смогла предотвратить упадка нравов, и даже само этому способствовало. Как справедливо подчеркивала М.И. Нисковская, на мысль о «повреждении нравов» его натолкнул перевод трактата «О должностях» такого популярного среди просветителей римского мыслителя, как Цицерон¹³⁸, а, возможно, и «Югуртинская война» Саллюстия Криспа. Упадок нравов в государстве начиная с царствования Петра I, по мнению М.М. Щербатова, был прямым следствием самодержавного строя и выражался через «сладострастие». Заключалось оно в том, что только государь может дать «способы исполнить свое сладострастие». Учитывая это, дворянин, находящийся на службе, стремится «угождать во всем государю, льстить его страстям и побуждать его награждать его»¹³⁹.

Как политический мыслитель Щербатов находился на уровне идей европейского Просвещения. Имелись при этом причины того, что политические идеи просветителей усваивались русскими просвещенными дворянами достаточно легко. Объяснялось это близостью политических ситуаций в Российской империи эпохи Просвещения и во Франции накануне революции. Так, в России было самодержавие. Во Франции самодержавия не было, но она была классической страной абсолютизма раннего нового времени, в которой абсолютизм переживал стадию своего системного кризиса¹⁴⁰. Что же касается социальной составляющей идей европейского Просвещения, то для русских дворян они были куда менее приемлемы. Объяснялось это прежде всего наличием в России крепостного права,

¹³⁸ Нисковская М.И. Рецепция античности в историко-публицистическом наследии М.М. Щербатова. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2018. С.102.

¹³⁹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Щербатов М.М. Избранные труды. С.416.

¹⁴⁰ Н.И. Кареев в этой связи справедливо отмечал: «Французский абсолютизм оказался неприспособленным к требованиям времени вследствие своей связи со старым феодально-аристократическим строем и вследствие своей косности». См.: Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI-XVII веков. М.: Гос. публ. б-ка России, 2009. С.279.

тогда как к основным идеям Просвещения относилась защита «прав человека и гражданина».

Уже обращалось внимание на разные точки зрения князя М.М. Щербатова и поэта А.П. Сумарокова по поводу возможности сосуществования единовластия, или самодержавия, с вольностью дворянства. Этим двум очень хорошо образованным и просвещенным дворянам давала ответ совершенно необразованная помещица, госпожа Простакова и ее не менее темный и непросвещенный брат, помещик Скотинин, из «Недоросля» Д.И. Фонвизина. «Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?», – задавал вопрос Скотинин, не сомневавшийся в дворянской вольности, распространявшейся на право «поколотить слугу»; «да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?», – спрашивала, в свою очередь Простакова. На что чиновник Правдин, прибывший для взятия имения Простаковых в опеку, отвечал, что «тиранствовать никто не волен»¹⁴¹. Для непросвещенных дворян вроде Простаковых и Скотинина вопрос о государственном строе значения не имел, но дворянскую вольность они ценили и понимали, как безусловное право на тиранию в отношении своих крепостных, и это, как они понимали, «право», составляло для них и для их социокультурной среды несомненную ценность.

1.2. Рабство, свобода и крестьянство в культуре европейского и русского Просвещения

Герои комедии Д.И. Фонвизина, типичные провинциальные помещики, бесконечно далекие от культуры Просвещения, о «вольности» вспомнили не случайно. Идея вольности относилась к архетипам русской культуры. Под ней понималось освобождение от каких-либо обязанностей и наделение правом жить и действовать по своему усмотрению, или вольно. Не случайно манифест Петра III от 18 февраля 1762 г. упоминал о «даровании вольности российскому

¹⁴¹ Фонвизин Д.И. Недоросль. С.172.

дворянству»¹⁴². Вольность понималась не только как освобождение от обязательной службы и право жить в своем поместье, но и как особые права в отношении зависимых людей, своих крепостных крестьян.

В истории общественной мысли существует понятие об определенном соотношении между философскими категориями вольности и свободы. Между ними имеются существенные черты сходства. Во всяком случае, в обеих категориях предусматривается, что человек и его судьба зависят прежде всего от него самого, что он сам делает в разных ситуациях свободный (вольный) выбор, в зависимости от утвердившейся в его сознании системы ценностей, от его собственного интереса. Также предусматривается, что обе категории имеют ограничения. Но при этом между этими понятиями имеются весьма существенные различия. Вольность допускает ограничение другой волей, имеющей более широкие возможности для своей практической реализации, в том числе возможность воздействия на иную волю, причем при опоре на насилие. Свобода признает сознательное ограничение тем, что она не затрагивает свободу другой личности¹⁴³. Воля, таким образом, связана с бессознательным началом в личности и в культуре, с индивидуальным и коллективным. Свобода, напротив, опирается на сознательное начало в личности человека. «Свободу градуирует закон. Волю градуирует сила и власть, которой наделен субъект действия»¹⁴⁴, – так определяли О.С. Егорова и О.А. Кириллова смысловые различия этих понятий. Они отмечали, что вообще «социомодальный концепт "воля" изначален и чрезвычайно характерен для русского традиционного сознания»¹⁴⁵.

Так понималась свобода в философской мысли Просвещения. Один из идеологов Просвещения накануне Великой Французской буржуазной революции, П. Гольбах, писал в своем труде «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного», в этой связи: «Свобода – это возможность делать

¹⁴² ПСЗ. Т.15. № 11444.

¹⁴³ См.: Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Т.1 (Гуманитарные науки). С.162.

¹⁴⁴ Там же. С.164.

¹⁴⁵ Там же.

ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества. При объединении в общество каждый индивид отказался от некоторой доли своей естественной свободы, которая могла бы нанести ущерб свободе других индивидов». Эти положения, высказанные П. Гольбахом, имеют полное соответствия с популярными в раннее Новое время теориями естественного права и общественного договора. Свобода человека также, таким образом, вытекала из общественного договора. Но человек, как прекрасно понимали мыслители Просвещения, не совершенен. В частности, далеко не все и не всегда способны признавать ограничения своей свободы свободой другого. На этот счет П. Гольбах указывал: «Злоупотребление свободой, вредное обществу, называется распущенностью»¹⁴⁶, дополняя, таким образом, категорию свободы понятием распущенности. Но категория воли подобного ограничения не имеет. Также, в соответствии с теорией естественного права, П. Гольбах подчеркивал в другом своем сочинении, посвященном вопросам политической философии, «Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления», что «принуждать человека к отказу от естественной свободы, не обеспечивая ему за это каких-то реальных преимуществ, есть насилие, несправедливость, тирания»¹⁴⁷.

Характерно при этом, что французские просветители, рассуждая о политических свободах и о свободе человека, не выделяли особо вопрос о положении крестьянства. По-видимому, для этого имелись определенные причины. Во Франции не был таким острым, как в странах к востоку от Эльбы, крестьянский вопрос, поскольку падение крепостного права во Франции произошло еще в третьей четверти XIV в., после Жакерии 1358 г. Кроме того, мыслители Просвещения представляли интересы прежде всего третьего сословия, городской буржуазии, для которой на первом плане были вопросы общих политических и гражданских свобод, которые не могла обеспечить

¹⁴⁶ Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступ. Статьей Х.М. Момджяна. Пер. с франц. М.: Соцэргиз, 1963. Т.1. С.173.

¹⁴⁷ Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступ. Статьей Х.М. Момджяна. Пер. с франц. М.: Соцэргиз, 1963. Т.2. С.224.

существовавшая перед революцией политическая система абсолютной монархии и социальная структура с двумя первыми привилегированными сословиями.

Вероятно, сказывалось также отношение городского слоя к крестьянству, которое сложилось еще в Средние века. Выдающийся медиевист, представитель школы «Анналов» Ж. Ле Гофф со ссылкой на другого известного медиевиста, Ф. Грауса, не случайно замечал, что «крестьяне не только эксплуатировались феодальным обществом, но еще и высмеивались литературой и искусством»¹⁴⁸. Даже в то время, когда в средневековой интеллектуальной культуре схоластика стала сменяться гуманизмом, образы крестьян в литературе менялись мало. Как отмечал Ж. Ле Гофф, как и в глубоком средневековье, «литература ... отводит ему (т.е. крестьянину – Е.Г.) место в своем тератологическом bestiarii»¹⁴⁹. Это было частью средневековой культуры формировавшегося бюргерства, которая по причине своей прочности и устойчивости в сознании городских слоев населения совершенно органично перешла в культуру третьего сословия раннего нового времени. Не случайно поэтому в сочинениях просветителей Франции много говорится о свободе и правах человека и гражданина, но не выделяются особо крестьяне.

Обратить внимание на крестьян и их положение дала основание одному из представителей французского Просвещения, аббату Ж. Шаппу д'Отерошу поездка в Россию. Совершалась она с чисто научной целью, которой было астрономическое наблюдение за явлением, прохождением Венеры через диск Солнца, которое особенно хорошо просматривается вблизи Тобольска. Следовательно, европейскую часть империи ему приходилось полностью проезжать с запада на восток, а затем обратно. Путешествие аббата в Тобольск, состоявшееся в 1761 г., было описано им в книге, напечатанной на очень высоком уровне книгоиздательского искусства в 1768 г. в Париже. Свое путешествие с подробной характеристикой страны он давал в первой части книги. Элен Каррер

¹⁴⁸ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С.279.

¹⁴⁹ Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада / \Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. С.84.

д'Анкосс, современный исследователь труда Ж. Шаппа д'Отероша и ответа на него Екатерины II, указывает, что в сочинении аббата прослеживается традиция иностранных сочинений о России более раннего времени. Так, писала она, аббат, как и писавший за сто с лишним лет до него немецкий ученый Адам Олеарий, «интересовался не только политической системой и правителями, но и простыми людьми». Его сочинение тем самым могло существенно дополнить рассуждения Вольтера, который «изо всех сил стремился понять Петра и значимость его преобразований», но при этом «мало внимания уделял тому "человеческому материалу", который великий государь стремился преобразовать». Она отмечала, что вопрос, «мучивший Ж. Шаппа д'Отероша – это натура русского человека». И при этом аббат, по оценке Э. Каррер д'Анкосс, был «скрупулезным исследователем»¹⁵⁰. Такая направленность интереса аббата в большей мере соответствовала не столько культуре Просвещения, сколько являлось преддверием следующей стадии в развитии культуры, стадии романтизма. В самом деле, в культуре Просвещения и соответствовавшего ей классицизма на первом плане был интерес к государству и к выдающимся историческим личностям, к их разуму и воле, тогда как культура романтизма и связанного с ней литературного сентиментализма ставила в центр своего исследовательского внимания простого человека из народа. Но при такой направленности интереса внимание путешественника, наблюдателя и исследователя из Франции оказалось сосредоточено на крестьянстве, составлявшем огромное большинство населения России раннего нового времени как страны крестьянской.

Говоря о положении крестьян, французский ученый показывал его в связи с общей структурой населения государства. В этом государстве, по его словам, все его жители несли «чудовищное ярмо рабства», в том числе и дворяне¹⁵¹. Такое утверждение соответствовало традиционному представлению о положении населения России вообще еще со времени Московского государства. Так, еще Д.

¹⁵⁰ Каррер д'Анкосс Э. Предисловие // Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О.Павловской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С.25.

¹⁵¹ Шапп д'Отерош Ж. Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году // Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. С.119.

Флетчер отмечал в конце XVI в.: «Правление у них (у русских – Е.Г.) чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя, и, сверх того, самым явным и варварским образом»¹⁵². А. Олеарий, побывавший в Московском государстве при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, писал о русских: «Рабами и крепостными являются все они»¹⁵³. Отсюда, наблюдая такое положение, писал он, «не можешь не причислить их (т.е. русских – Е.Г.) к варварам»¹⁵⁴. Но сам находящийся, таким образом, в рабстве самодержавной власти русский дворянин, писал Ж. Шапп д'Отерош, «утешение находит в притеснении простого люда, каковой, в свою очередь, служит рабом знати либо государю и воеводам, правящим от его имени»¹⁵⁵. «Будучи рабами самодержавного деспота, они к собственным рабам и ко всем нижестоящим относятся с еще большей суровостью»¹⁵⁶, – уточнял он несколько ниже.

Как последователь теории естественного права, аббат отмечал, делая вывод из своих наблюдений за жизнью в России: «Рабство лишило русских всех исконных прав, дарованных природой». И далее он особо останавливался на положении крепостных крестьян. Он писал, что «человек в России превращен в товар, его продают и покупают за бесценок, зачастую отбирают у матери детей, дабы сбыть их какому-нибудь распутнику»¹⁵⁷. Замечание совершенно справедливое. О фактах торговли крепостными людьми, которой занимались русские помещики, было очень хорошо известно, и аббат, сообщая об этом, был совершенно прав.

Рабское положение русских крепостных, отмечал Ж. Шапп д'Отерош, влияло на характер народа, причем самым негативным образом. Он приводил интересное сравнение характера русских и польских крепостных. «Русский раб и раб польский», – писал он, – «разнятся друг с другом во всем. Первый с небрежением относится к земледелию, как правило, не имеет моральных устоев, умен и коварен». Польский раб, «напротив, трудится на земле с великой охотой, благоденствен и

¹⁵² Флетчер Д. О государстве Русском. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. С.25.

¹⁵³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. С.181.

¹⁵⁴ Там же. С.168.

¹⁵⁵ Шапп д'Отерош Ж. Указ. Соч. С.119.

¹⁵⁶ Там же. С.141.

¹⁵⁷ Там же. С.164.

глуп». Глупость, по его мнению, состоит в благонравном примирении со своим положением. Очень скоро, через двенадцать-тринадцать лет после путешествия аббата, события восстания под предводительством Пугачева и расправы восставших крестьян с дворянами подтвердят правоту данной им характеристики. В свою очередь, подчеркивал аббат, характер народа предопределял результаты хозяйственной деятельности и картину нравов. «У русского же раба нет ни клочка земли», – объяснял он, – «вот и причина его равнодушия к земледелию». Поэтому «он ищет развлечений, любит водку, но и то, и другое ему не всегда доступно». Ради того, чтобы «заполучить желаемое, он вынужден идти на воровство и всяческие злодеяния, а страх перед наказанием делает его умным и хитрым»¹⁵⁸. Замечание о нравах крестьян очень краткое. Но оно согласуется с описанием картины нравов верхов русского общества начиная со времени царствования Петра Великого, когда описывавший эти нравы князь М.М. Щербатов говорил об их «повреждении» как о непрерывном процессе, от царствования к царствованию.

Отсюда итог наблюдений Ж. Шаппа д'Отероша, которому таким образом раскрывалась «натура русского человека», и он всячески стремился постичь. «От такой жизни», – заключал он, – «русские сделались жестокими варварами, превратились в животных, а хозяева почитают своим долгом охаживать их железным скипетром, пока они тащат ярмо рабства»¹⁵⁹.

Выход в свет такого произведения глубоко затронул Екатерину II, которая поспешила дать на него самый решительный ответ. В 1770 г. такой ответ вышел в свет под названием «Антидот», или «Противоядие», без указания имени автора. Императрица заявляла о стремлении продолжить разбор сочинения аббата о России, но продолжения не последовало¹⁶⁰. Незначительная часть «Антидота» посвящена ответу, который касается темы крестьянства. Императрица, отвечая аббату, указывала, что в России есть «сеньоры», «кто налагает повинности слишком тяжкие» на крестьян. Но такие «сеньоры», указывала она, есть в разных

¹⁵⁸ Там же. С.163.

¹⁵⁹ Там же. С.164.

¹⁶⁰ Каррер д'Анкосс Э. Предисловие. С.42.

странах Европы. В то же время в России, по ее словам, «есть весьма богатые помещичьи крестьяне», и этим «доказывается», что «господа не отнимают у них того, что им удается приобрести». О наличии у крестьян важных для их положения прав императрица также писала, отмечая, что «крестьянину позволено записываться в города мещанином, уплачивая известную сумму». После этого он ничего не был должен помещику, «кроме простой уплаты крестьянского оброка». Размеры оброка, писала Екатерина II, устанавливаются по договору с помещиком, причем возможно, что крестьянин вообще, «с согласия помещика», «выкупается на волю за известную сумму». Речь в данном случае шла о так называемых «капиталистских» крестьянах, плативших помещику большие оброки.

Явно ушла Екатерина II от ответа на слова Ж. Шаппа д'Отероша о торговле людьми в России. Императрица свела все к тому, что при продаже помещиком своего имения «с ним продают и крестьян, его обрабатывающих», но «то же самое делается во всей Европе»¹⁶¹. Аббат определенно писал о другом, о широко известных русскому обществу того времени случаях продажи помещиками своих людей без всякой связи с продажей имений. Но императрица не пожелала давать ответ на эту часть сочинения своего оппонента. Согласно общему выводу императрицы, «русский крестьянин во сто крат счастливее и достаточнее, чем ваш, французский». Объясняла она это тем, что «русский крестьянин знает, сколько податей следует ему платить», и вообще, в России «на народ налагают повинности лишь в той мере, в какой он может их нести». Несомненно, что подобное утверждение требовало доказательств, но Екатерина II их не давала, и не могла их дать.

Значительно более справедливыми следует признать слова императрицы о положении французских крестьян. По ее словам, «у вас есть провинции, где люди принуждены питаться каштанами, и даже не разумеют названия всех своих повинностей – столько их возложено на них»¹⁶². В самом деле, тяжелое положение крестьян было одной из социальных предпосылок революции во Франции,

¹⁶¹ Екатерина II. Антидот // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. С.312.

¹⁶² Там же. С.243.

особенно за время перед революцией¹⁶³, и Екатерина II была в этом отношении совершенно права. Конечно же, из этого нисколько не следовало, что положение крестьян в России, где крепостное право достигло как раз при Екатерине II своего наивысшего развития, было лучше, чем положение крестьян во Франции.

Таким образом, философская категория свободы, одна из системообразующих в идеологии французского Просвещения, относилась к свободе «человека и гражданина» вообще, без выделения каких-либо общественных классов. Крестьянство в такой крестьянской стране, как Франция, мыслителями Просвещения особо не выделялось. Обратить внимание на положение крестьян в просветительской мысли Франции заставило знакомство с реалиями крепостного права России, которые были с такой большой силой и выразительностью описаны аббатом Ж. Шаппом д'Отерошом, что это описание вызвало гнев Екатерины II и стремление ее дать ответ аббату. В ответе она точно и остроумно указала на бедность французских крестьян, что накануне революции действительно имело место, но убедительно опровергнуть то, что писал аббат о положении крестьян в России, она не смогла.

Впрочем, в своих комментариях на книгу правоведа Ф.Г. Штрубе де Пирмонта императрица соглашалась со словами автора, что крепостной «не может ничего делать по добродетели; а господин приобретает [при обращении] с рабами своими разного рода дурные привычки и нечувствительно привыкает к пренебрежению всеми нравственными качествами»¹⁶⁴. По существу, Екатерина II была согласна с тем, что отношение на почве крепостного права ведет к морально-

¹⁶³ Как отмечала за последнее время Н.В. Трубникова, Э. Лабрусс учитывал «неразрывную связь экономических факторов и их социально-политического контекста». Он делал вывод, согласно которому «революционные потрясения» 1789-1794 гг. «являлись восстанием нищих», поскольку имел место «экономический кризис, усиленный неурожаем, который вызвал рост цен на зерновые». См.: Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. С.121, 123. Несомненно, что такой экономический кризис сказывался на экономическом положении не только городской бедноты, из рядов которой во время революции выходили санкюлоты, но и крестьян, экономическое положение которых и без того было непростым. В. Адо прямо указывал на то, что перед революцией «как показал Э. Лябрусс, увеличивались доходы крупных привилегированных землевладельцев; между тем они почти полностью ускользали от фиска. Доходы же подавляющей массы крестьян падали. Тем не менее, в условиях феодально-сословного характера налогообложения именно крестьяне несли его основную тяжесть». См.: Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1971. С.38.

¹⁶⁴ Екатерина II. Заметки Екатерины II на книгу Штрубе де Пирмонта «*Letters Russiennes*» // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С.54.

нравственному разложению всего русского общества, как крепостных, так и дворян.

1.3. Идея вольности как предпосылка выдвижения крестьянского вопроса в сознании русского общества

Идейные предпосылки выдвижения крестьянского вопроса как исключительно значимого в общественном сознании и общественных дискуссиях эпохи Просвещения в России формировались прежде всего под влиянием распространения в стране западной культуры в ходе европеизации страны. Менее заметны для историков оказались идейные предпосылки, имевшие исторические корни в традиционной русской культуре. К таким предпосылкам относилась идея вольности и ее эволюция, которая прослеживается на протяжении XVIII в.

По своему происхождению вольность в русской культуре являлась идеей народной и обладала несомненной ценностью. Наиболее заметное и яркое проявление ее имело место в массовом народном движении под предводительством Степана Разина¹⁶⁵. В этой связи название романа В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» об этом восстании в полной мере отражает народные устремления, проявившиеся в ходе этих событий.

То же самое прослеживается в восстании под предводительством Е.И. Пугачева. Так, упоминание о жаловании «вечною вольностию», «всякою вольностию», «вольностию и свободою» содержится в разных манифестах и именных указах современника фонвизинских помещиков, Е.И. Пугачева как самодержавного императора Петра Третьего. Оно было обращено к солдатам, и жителям крепостей, к крестьянам и к казакам¹⁶⁶. Обещание вольности при этом сочеталось в некоторых пугачевских документах с обращением к «моим верноподданным рабам», как, например, в манифесте от 25 ноября 1773 г.¹⁶⁷, но

¹⁶⁵ Соловьев В.М. Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. С.205.

¹⁶⁶ Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774 гг. М.: Наука, 1975. С.25, 29, 31, 33, 35, 37, 41, 47 и другие

¹⁶⁷ Там же. С.35.

какого-либо логического противоречия между жалованием «вечною вольностию» и обращением как к рабам современники, в том числе и принимавшие участие в восстании, не замечали. И если для просвещенного дворянина рабское положение по отношению к самодержавной власти было неприемлемо, если князь М.М. Щербатов ощущал себя вполне свободной личностью, то для людей из народа, к которым обращался пугачевский манифест, рабство по отношению к императору и вольность вполне могли сочетаться. Но при этом понятие о вольности содержало в себе мысль о том, что в нем не было ограничений на проявление своей воли по отношению к другому, к тому, кто мог оказаться во власти человека, наделенного волей. Такое представление порождало широкое распространение кровавых расправ с теми, кто оказывался во власти повстанцев и в ком они видели своих врагов. По поводу форм расправы проявлявших свою вольность повстанцев при Пугачеве, подробно писал за последнее время В.Я. Мауль¹⁶⁸.

Но вольность не была идеей, утвердившейся в сознании служилого класса России XVII – первой четверти XVIII вв. Это не случайно, поскольку этот класс, как его титулованные верхи, так и мелкота из числа служилых людей по отечеству, было погружено в свою повседневную жизнь, которую составляли обязанности по службе и стремление поддержать на необходимом уровне свое материальное бытие за счет эксплуатации барщинного или оброчного хозяйства. Но особые, чрезвычайные тяготы времени преобразований Петра Великого, новые необычные ранее служебные обязанности, наконец, культурно-бытовые перемены, вводившиеся в жизнь срочно и самыми грубыми методами, вызывали недовольство своим положением, а «служба и наука нелегко давалась шляхетству»¹⁶⁹, как с полным на то основанием писал Д.А. Корсаков. Наиболее четко стремление к воле было высказано в начале 1730 г. на заседании Верховного тайного совета, когда князь Д.М. Голицын при обсуждении возможной кандидатуры на престол после смерти Петра II заявил, что следует «полегчить, чтобы воли себе прибавить»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Мауль В.Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: сб. ист.-лит. произв. М.: Дрофа, 2007. С.365-393.

¹⁶⁹ Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1880. С.Х.

¹⁷⁰ Там же. С.5.

В событиях 1730 г. дворянство (шляхетство) поддержало самодержавие императрицы Анны Иоанновны, опасаясь знатных олигархов¹⁷¹. Такая поддержка преопределила уступки, на которые шла власть в это царствование. Уже 4 марта 1730 г. по требованиям дворянства специальным манифестом был упразднен Верховный тайный совет и восстановлен Правительствующий Сенат¹⁷². 9 декабря 1730 г. по воле шляхетства был отменен неудобный для дворянских семей указ Петра I от 1714 г. о единонаследии¹⁷³. По замечанию В.О. Ключевского, еще в ходе петровских реформ, когда в дворянство входили выслужившиеся разночинцы, «худея генеалогически, правящий класс непомерно добрел политически». И постепенно ситуация складывалась так, что «в XVIII в. это дворянство само пытается править обществом посредством правительства»¹⁷⁴.

Однако при всем стремлении монархии удовлетворять интересы дворянства самодержавие не упускало власть, а формирование государства, названного Е.В. Анисимовым как «Дворянская империя», предполагавшая вольность дворянства, происходило медленно и постепенно. Дворянству удалось не допустить установления олигархической власти знатных родов Долгоруковых и Голицыных, которой они опасались. Но волю, о стремлении к которой прямо заявлял князь Д.М. Голицын, дворянство от императрицы Анны Иоанновны не получило. Не случайно в 1731 г. усиливается карательная структура, когда по именному указу Сенату от 24 марта дела бывшего Преображенского приказа были переданы приближенному императрицы генералу А.И. Ушакову¹⁷⁵, а по сенатскому указу от 6 апреля ведомство генерала Ушакова получало наименование Канцелярии тайных розыскных дел¹⁷⁶. Согласно сложившемуся мнению, в царствование Анны Иоанновны существовал режим бироновщины, осуществлявший кровавые репрессии, в том числе в отношении дворянства. В этой связи И.В. Курукин указывал, что из 128 судебных процессов этого царствования 126 было

¹⁷¹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: НРИИ, 2013. С.217, 218.

¹⁷² Полное собрание законов Российской империи. Т.8. 1728-1732. С.253-254.

¹⁷³ Там же. С.345-347.

¹⁷⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т.3. С.9.

¹⁷⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т.8. С.404-405.

¹⁷⁶ Там же. С.448-449.

«дворянских», а из числа осужденных треть была дворянами. Но репрессии носили далеко не только политический характер, немало было дел по имущественным и уголовным преступлениям¹⁷⁷.

Едва ли в этой связи можно говорить о сколько-нибудь существенных изменениях в положении дворянства по сравнению со временем царствования Петра Великого. Прикрепление к службе служилого класса населения, к которому относились дворяне, полностью сохранялось. Менялись после «затейки верховников» настроения в самой дворянской среде. Д.А. Корсаков справедливо отмечал: «Шляхетство, получив при Анне Иоанновне некоторые льготы, все более и более удаляется от того значения, которое желало получить себе в 1730 г.»¹⁷⁸ Однако идея вольности в его сознании сохранялась. На этом основании можно говорить, что подобная идея, которая в истории российского общества и его культуры была первоначально народной, выходила на уровень национальной, поскольку заняла свое место в сознании наиболее образованного и культурного слоя общества.

Вместе с тем эта идея имела в Российской империи свои особенности. Хорошо известно, что желавшие вольности для себя дворяне не собирались ни в коем случае отказываться от такого положения своих крепостных, при котором они имели основания считать их рабами. Но, мало того, дворянство не возражало против собственного рабского положения в отношении самодержца или самодержицы, а представление о видных представителях знати как о рабах звучало в таком важнейшем государственном документе, как императорский манифест. В Манифесте Анны Иоанновны от 14 апреля 1730 г. с обвинением князей Долгоруких в гибели императора Петра II о князе Василии Лукьяновиче Долгорукове говорилось, что он, «не боясь бога и страшного суда, и пренебрегая должность честного и верного раба, дерзнул нас весьма вымышленными и от себя самого токмо составными делами безбожно оболгать»¹⁷⁹. Таким образом, ни знатность

¹⁷⁷ Курукин И.В. Указ. соч. С.245.

¹⁷⁸ Корсаков Д.А. Указ. соч. С.302.

¹⁷⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.8. С.265.

происхождения, которая шла от Рюрика, ни общественное положение и дипломатическая служба при Петре I не уберегли князя Долгорукова от положения «раба» по отношению к императорской власти. Не спасли и от последующей казни в 1739 г., по существу за активное участие в стремлении верховников ограничить самодержавную власть¹⁸⁰.

Колоссальное напряжение страны эпохи преобразований в первой четверти XVIII в., а также закрепощение всех слоев населения, в том числе дворянства, общество уже принять не могло и ожидало от государственной власти иного. При Елизавете Петровне дворянские ожидания были направлены в сторону не усиления закрепощения службой, не того, чтобы исправно исполнять «должность честного и верного раба». И, по-видимому, прав был американский исследователь Р. Уортман, который прямо и с полным на то основанием указывал: «Ни Елизавета, ни ее окружение не тосковали по яростному и безжалостному динамизму царствования Петра. Дворяне вспоминали о нем с уважением, но мысль о новой петровской эре внушала им ужас»¹⁸¹. Стремление их к воле, которое столь четко выразил идейный глава верховников 1730 г. князь Д.М. Голицын, сохранялось.

Стремление дворянства к вольности, к ослаблению над ним государственной власти, основанной на принципе обязательности государственной службы становилось для самодержавия все более очевидным. Не менее очевидным было усиление дворянских позиций, которое проявлялось в ходе дворцовых переворотов, где дворяне, прежде всего офицеры, выражали свою позицию в форме поддержки определенной кандидатуры на престол. В то же время было очевидно сохранение исторической роли служилого класса Российской империи как первенствующего в стране и как опоры царской власти. Эти обстоятельства заставляли монархию пойти дворянству на уступку и законодательно оформить положение, к которому оно стремилось после Петра Великого, или предоставить ему вольность.

¹⁸⁰ Павленко Н.И. Вокруг трона. М.: Мысль, 1999. С.531-533.

¹⁸¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. С.149.

Поэтому очень скоро после вступления на престол императора Петра III, 18 февраля 1762 г., был издан Манифест о вольности дворянства. Еще со времени государственной школы в русской историографии обращалось внимание на особое значение этого законодательного акта, с которого государство, обеспечившее свою внешнюю безопасность, смогло начать раскрепощение сословий, и начинало это раскрепощение с высшего сословия. По оценке А.И. Нарезного, «самодержавие даровало вольности дворянству», и тем самым «явилось начало внедрения принципа свободы в России»¹⁸². Иное по своему значению последствие манифеста видел В.О. Ключевский. По его словам, «отягощение по вине закона 18 февраля 1762 г. еще увеличивалось для крепостных несправедливостью, неравномерным распределением тягостей». Далее он писал, что возникал вопрос, «под каким предлогом и при отмене обязательной службы дворян их крепостные продолжали кормить их своим обязательным трудом»¹⁸³. Таким образом, в историографии отмечены противоречивые последствия данного манифеста.

В тексте Манифеста содержится обоснование необходимости его принятия. «Мы с удовольствием видим, – писалось в Манифесте от имени императора, – ... благородные мысли вкоренили в сердцах всех истинных России патриотов беспредельную к Нам верность и любовь, великое усердие и отменную к Нашей службе ревность, а потому и не находим Мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребность была». На этом основании торжественно провозглашалось, что «Мы ... отныне и впредь на вечныя времена и в потомственные роды жалуем всему Российскому благородному Дворянству вольность и свободу, кои могут службу продолжать как в Нашей Империи, так и в прочих Европейских союзных Нам Державах». При этом в Манифесте выражалась надежда, что «благородное Российское Дворянство, чувствуя наши к ним и потомкам их щедроты, ... побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступить, и честным и неззорным

¹⁸² Нарезный А.И. Борис Николаевич Чичерин // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: РОССПЭН, 2010. С.29.

¹⁸³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.4 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Соцэкгиз, 1958. С.334.

образом оную по крайней возможности продолжать». Содержалось в то же время своего рода предупреждение тем из дворян, кто «в лености и праздности все время препровождать будут», а особенно «детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употребят». Таких дворян, «яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем Нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем»¹⁸⁴. Таким образом, против «нерадивых» дворян Манифест не предусматривал каких-либо мер государственного принуждения. Но предполагал то, что может быть еще худшим для них, которым могло быть осуждение со стороны местных дворянских обществ. И, таким образом, императорская власть рассчитывала на поддержку общественного мнения. И при этом не ошиблась. Дворян, отлынивавших от службы, общество не одобряло.

Идея вольности вошла, таким образом, в важнейший государственный документ, которым являлись императорские манифесты. Она закрепилась, что нашло отражение в другом важнейшем документе, которым была Жалованная грамота дворянству Екатерины II от 14 апреля 1785 г. В заключительной ее части говорилось о том, что «Мы сию нашу жалованную грамоту на права, вольности и преимущества» жалуем «благородному Нам вернolibезному подданному Российскому Дворянству»¹⁸⁵. Следовательно, идея воли вышла на уровень государственной в Российской империи со времени Манифеста о вольности дворянства 1762 г. Но, вместе с тем, как справедливо подчеркивала Е.Н. Марасинова, «дарованная дворянству свобода от обязательного характера государственной службы, провозглашенная в Манифесте и подтвержденная в Жалованной грамоте, на деле не приветствовалась властью, что проявилось в целенаправленном ограничении возможностей получить отставку, и в явном идеологическом отрицании отстранения от дел»¹⁸⁶.

Следовательно, положение идеи вольности как государственной идеи в русском политическом сознании после 1762 г. оказалось сложным и

¹⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т.15. С.912.

¹⁸⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т.22. С.358.

¹⁸⁶ Марасинова Е.Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II // Российская история. 2007. № 4. С.28.

противоречивым. С одной стороны, она была принята государством, представляла собой уступку дворянству и отражала укрепление его положения в государстве и обществе. С другой, самодержавие всячески подчеркивало, что прямое понимание смысла этой идеи не одобрялось. И в этом отношении позиция государства поддерживалась самим дворянским обществом, для которого важно было повышение своего общественного статуса, когда дворянин уже не тот, кто исполняет «должность честного и верного раба», но свободная личность, служба которой вольная, но не принудительная, как это было со времени Московского государства и при Петре I.

Но официальное признание вольности дворянства имело для государства и для самих дворян последствие, которое едва ли ожидалось. О крестьянских настроениях наглядно свидетельствовало произведение народной письменной литературы, стихотворение «Плач холопов», опубликованное в 1895 г. Н.С. Тихонравовым. Это была, по его словам, «рукописная литература среднего сословия», которая «затрагивала вопросы, которых не смела касаться подцензурная печатная литература». Согласно Н.С. Тихонравову, стихотворение было создано «около 1767 г.»¹⁸⁷ «Пройди всю вселенную – нет такова житья мерзкова!»¹⁸⁸, – писал народный поэт. «За что нам мучиться и на что век тужить?», – спрашивал он. И вообще, «Лучше нам жить в темных лесах, Нежели быть у сих тиранах (т.е. у помещиков – Е.Г.) в глазах», которые нас «как бы ржа железо, едят»¹⁸⁹. Отсюда следовал вывод: (надо, чтобы мы) «сделали б между собою дружбу, Всякую неправду стали б выводить И злых господ корень переводить»¹⁹⁰. Крестьянские чувства, ненависть к дворянству выражены в стихотворении с исключительной яркостью. Не удивительно, что такие настроения проявились в действиях восставших крестьян во время восстания под предводительством Е.И. Пугачева на правом берегу Волги, на исходе восстания, когда было перебито множество

¹⁸⁷ Плач холопов прошлого века. С предисловием Н.С. Тихонравова // Почин. Сборник Общества любителей российской словесности за 1895 год. М., 1895. Первый отдел. С.9-10.

¹⁸⁸ Там же. С.11.

¹⁸⁹ Там же. С.12.

¹⁹⁰ Там же. С.13.

помещиков. С избавлением от помещиков народ связывал, как следует из содержания стихотворения, свою вольность. На какой-то законодательный акт о крестьянской вольности от самодержавной власти расчета в стихотворении не заметно. И только по именному указу от 20 февраля 1803 г. о праве помещика отпускать крестьян «на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных»¹⁹¹ идея воли прямо связывалась с крестьянами.

Таким образом, идея вольности в русской культуре занимала свое место и прошла ко второй половине XVIII в. заметную эволюцию. Со времени Московского государства это была народная идея. Тяготы военной и статской службы при Петре Великом вызвали стремление к вольности среди дворянства, что наиболее отчетливо было выражено князем Д.М. Голицыным в 1730 г. Произошла эволюция идеи вольности, превращения ее из идеи народной в идею национальную, поскольку она распространилась в сознании наиболее культурного слоя общества, которым являлась дворянство. Со времени Манифеста о вольности дворянства 1762 г. она вышла на уровень государственной идеи, и нашла свое выражение в государственных документах. С неизбежностью вольность дворянства создавала условия для дальнейшего распространения в обществе этой идеи и возникновения идеи вольности народа, которым было прежде всего крестьянство. Скоро, в 1803 г., идея крестьянской вольности выразилась в государственной политике по отношению к крестьянству указом Александра I о вольных хлебопашцах.

Выводы по главе

Культура эпохи Просвещения получила распространение в России и имела среди дворянства своих сторонников. Вместе с тем в сознании положительно ее воспринявших дворян и их интеллектуального авангарда, известного в качестве русских просветителей, она имела свои особенности. Характерное для них критическое отношение к церкви и к духовенству не переросло в атеизм.

¹⁹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.27. С.462.

Своеобразно была принята ими основополагающая просветительская идея свободы, в рамках которой, однако, свобода отдельных слоев населения, в том числе крестьянства, не выделялась. Просвещенные русские дворяне положительно восприняли критику деспотизма и тирании. Однако идея свободы трансформировалась в их сознании в идею вольности, органичной для русской традиционной культуры. Эта идея, возникшая как народная, начиная с XVIII в. стала распространяться в дворянском сознании и постепенно прочно утвердилась в нем, причем, в ходе продолжавшейся на протяжении столетия европеизации культуры, она стала выходить на общественный уровень во всем своем своеобразии. Большинство дворянства вполне допускала свою вольность при существовании самодержавия, однако русские дворянские мыслители указывали на принципиальное отличие самодержавия от тирании и деспотизма. Вольность при этом понималась как освобождение от службы и возможность жить в своем поместье, но также как сохранение в руках дворянства особых прав в отношении зависимых людей. По мере того, как идея вольности распространялась в сознании наиболее просвещенной части общества, которой было дворянство, она выходила в России на уровень не только народной, но и национальной идеи.

По мере усиления позиций дворянства самодержавие признало дворянскую вольность по Манифесту Петра III, и подтвердило ее по Жалованной грамоте дворянству Екатерины II. С утверждением идеи вольности в важнейших государственных документах она вышла на уровень государственной идеи.

Признание правительством дворянской вольности выдвигало вопрос о дальнейшем ее продвижении в обществе и распространении ее на крестьянство. Официальное распространение ее на крестьянство выразилось в 1803 г. в указе Александра I о вольных хлебопашцах.

Глава 2. Крестьянский вопрос и взаимоотношения дворянства с крестьянами в крепостном хозяйстве: теория и практики

2.1. Крестьянская тема в сочинениях русских авторов первой половины XVIII в.

Европеизация русского общества в период перехода от Московского государства к Российской империи представляла собой исключительно сложный процесс, сочетавший устоявшиеся за длительное время традиции и внедрение в разные сферы внутренней жизни новых явлений. Такое сочетание имело место в том числе в сфере общественного сознания, и, в частности, в восприятии в нем социальных явлений и отношения к общественным слоям, и, среди них, к самому многочисленному в стране, которым было крестьянство. За длительный период времени общественное сознание претерпевало определенную и строго направленную динамику. Так, в Московском государстве отношение к крестьянству в полной мере соответствовало средневековой традиции, сутью которой было представление о нем как об объекте, или как об инструменте, который был приспособлен для нужд государства, оборонных и финансовых, а также для обеспечения материальных интересов помещиков и вотчинников. Аналогичное отношение было и при Петре I. Тем более, что реформы и особенно их военная составляющая предполагали сохранение за крестьянством его традиционного места в регулярном государстве, которое выстраивалось первым российским императором, поскольку такое государство требовало огромных средств, что отразилось в проекте нового уложения Петра I 1720-1725 гг.¹⁹² Но в аграрной стране с традиционным укладом эти средства можно было взять только с крестьянства.

Такое положение крестьянства порождало, однако, предпосылки для особого внимания публицистики к крестьянству, к условиям его жизни и даже к его культурному уровню. Между тем, с наступлением эпохи Просвещения и в связи с

¹⁹² Маньков А.Г. Крепостное право и дворянство в проекте уложения 1720-1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1975. С.159-170.

распространением просветительских идей в Российской империи второй половины XVIII в. создавались условия для изменения отношения к крестьянству. С одной стороны, при сохранении вотчинного мышления среди дворянства взгляд на крестьян как на объект, реально обеспечивавший материальное положение помещиков, в дворянской среде сохранялся. Но, с другой стороны, проникновение идей Просвещения вело к возникновению принципиально нового отношения к крестьянству, то есть уже не только как к объекту воздействия со стороны государства и вотчинновладельцев, но и, впервые, как к одному из субъектов русского общества. Конечно, такая новая линия в русском общественном сознании не была еще в эпоху Просвещения господствующей и даже сколько-нибудь влиятельной. Но она оказалась перспективной. И уже в начале XIX в., в условиях культуры романтизма и распространения ее в России, с ее особым вниманием к народу, его истории и культуре, создались условия для утверждения крестьянской темы в российском общественном дискурсе, а крестьянства в качестве несомненного субъекта внутренней жизни государства. Тем более способствовала этому «гроза двенадцатого года» и активное участие крестьянства в борьбе с наполеоновскими войсками.

К наиболее наглядным и убедительным традиционным, средневековым, феодальным выражениям отношения к крестьянству относится уставная грамота митрополита Киприана Константинову монастырю 1391 г. о крестьянских повинностях. В ней крестьянство рассматривается как рабочая сила и как плательщик ренты, призванный обслуживать феодала, которым в данном случае был монастырь. Крестьянам приписывалось по грамоте «церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игумнов жребий весь ролы орать взгоном, и сеяти, и пожати, и свести, сено косити десятинами и в двор ввести, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати, а на велик день и на петров день приходят к игумену, что у кого в руках, а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти, и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить, а лен дасть игумен в села, и они прядут сежи и дели неводные наряжают, а дают из сел

все люди на праздник яловицу». Само по себе понятие традиционного общества основано на учете роли в жизни такого общества традиции, следования старине. Поэтому в грамоте содержалось упоминание о том, что «по пошлине по старой» положена от крестьян в виде оброка «яловица на праздник (так – Е.Г.)». И, как и другие грамоты, данная митрополичья грамота также закладывала свою традицию в отношении монастыря как вотчинника, поскольку митрополит «сю грамоту велел есмь положить в церкви игумену и людем, а никоторый игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет, аще ли вынесет, не буди не нем милости божиа и моего благословения»¹⁹³.

Средневековая традиция с исключительной четкостью утверждала отличия «мира труда», к которому принадлежали крестьяне, от «мира молитвы и мира войны»¹⁹⁴, к которому относилось духовенство и светские землевладельцы, закрепляла за крестьянством не только его общественное место, но и представление о нем в обществе. Оно также определяло за крестьянством место своеобразного социально-исторического объекта, служащего в интересах государства и землевладельцев.

Через два с половиной столетия после этой грамоты митрополита Киприана, в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. крестьянству была посвящена особая одиннадцатая глава, состоявшая из 34 статей. Место крестьян в качестве объекта в ней не изменилось. Так, в статье 9 предусматривалось, что люди, которые были «за кем написаны» в переписных книгах за 154 и 155 годы (1647 и 1648 гг.) и бежали, то их «з женами и з детьми, и со всеми животы, и с хлебом стоячим и молоченым», должны были «отдавать из бегов тем людем, из-за кого они выбежат». Вотчинникам и помещикам при этом статья предписывала «чюжих крестьян не принимать, и за собою не держать»¹⁹⁵. На представление власти о положении крестьян в обществе указывает статья 30 из этой главы. Речь в ней идет, однако, не о крестьянах, но о помещиках и вотчинниках. От них требовалось «крестьян своих

¹⁹³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч.1. С.180.

¹⁹⁴ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. С.75.

¹⁹⁵ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М.: Юрлит, 1985. Т.3. Акты Земских соборов. С.153.

с поместных своих земель на вотчинные свои земли не сводити, и тем самым своих поместий не пустошити»¹⁹⁶. Тем самым положение статьи 30 отражало стремление государства сохранить крестьян на поместных землях, которые имели статус собственности помещика лишь условной. Эти земли поэтому могли при определенных обстоятельствах играть роль земельного фонда в руках государства, который шел на поместные дачи и который соответствовал стремлению его укреплять за счет помещиков свои военные силы. Крестьяне, таким образом, рассматривались в качестве объекта как для государства, так и для вотчинников и помещиков. Такому положению не препятствовало то, что, как справедливо отмечал советский историк А.Г. Маньков, за крестьянами признавалась определенная юридическая субъектность, и за их убийство полагалась ответственность по закону, установленному еще боярским приговором 1625 г.¹⁹⁷ Но такая субъектность была крайне ограниченной.

Предпосылку становления субъектности социального слоя составляет понимание и признание его специфических интересов. Такое понимание и признание прослеживается в общественной мысли Московского государства второй половины XVII в. Своеобразно прослеживается такое понимание в поэме Симеона Полоцкого «Ветроград многоцветный». Не упоминая напрямую отношений между помещиками и крестьянами, автор по-своему их воспроизвел в привычных для средневекового мышления образах пастыря и овец. Все они исполняли, писал Симеон, свой «долг». «Пастыри», по его словам, «пред овцами ходят, овцы на паству благую возводят», они также должны «стаду подданных, на пажит водити». Также свою паству «пастыр от волк защищает», и поэтому «во дни и в нощи мало усыпает». За все это, в свою очередь, «овцы млеко пастыря питают и на одежды волну (т.е. шерсть – Е.Г.) свою дают». Пастырь при этом, подчеркивал Симеон, должен соблюдать умеренность в своих потребностях. И если он «стрижет волну, а не тело живое режет», то тем самым «хранит цело», то есть сохраняют свое стадо. Также, писал поэт, должны поступать все «державци», от которых зависят

¹⁹⁶ Там же. С.156.

¹⁹⁷ Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л.: Наука. 1980. С.100-101.

их «подданные». Но, к своему сожалению, Симеон Полоцкий среди них находил немало людей, «развращенных зело», которые «Режут днесь волну, и кожу, и тело». И тогда «защиту» от «скудости бедных людей» мог дать только «врачу вышний», под которым Симеон подразумевал бога. За это «люди» его «милость» «прославляют» и «в звании своем честно пребывают»¹⁹⁸. Конечно, Симеон Полоцкий мог иметь в виду не только отношения между помещиком и крестьянами, но и между государем и подданными. Но, во всяком случае, даже если поэт имел в виду государя и подданных, то это также прямо касалось крестьян, так как крестьяне выступали в роли не только зависимых людей от своего господина, но и подданных своего государя, которому шли платившиеся ими подати. Поэтому и в данном случае заметен учет интересов крестьян как особого слоя населения страны.

Французский дипломат Ф. де ла Невилль, посетивший Московское государство в 1689 г., сообщал о намерении фаворита царевны Софьи князя В.В. Голицына освободить крестьян с предоставлением им земли, с которой они должны были платить подать. По словам В.О. Ключевского, этот проект предусматривал порядок, согласно которому помещики вместо эксплуатации крестьян и их труда должны были получать средства от казны. Как указывал сам де Невилль, писал В.О. Ключевский, он, однако, сообщал далеко не обо всем, что знал. Согласно В.О. Ключевскому, подобные проекты освобождения крестьян от крепостной зависимости возникали не в конце XVII в., но значительно позже, не ранее, чем через полтора века после князя В.В. Голицына¹⁹⁹, то есть в период буржуазных реформ. По мнению же Г.В. Плеханова, у князя В.В. Голицына речь вовсе не шла об освобождении крестьян вообще, но только о сравнительно немногочисленных крестьянах дворцовых волостей²⁰⁰. Он сомневался, таким образом, в наличии у фаворита царевны Софьи подобного проекта, или в том, что в нем предусматривалось освобождение крестьян. Но, во всяком случае, даже в

¹⁹⁸ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С.12-13.

¹⁹⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. С.354.

²⁰⁰ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.20. С.311.

сведениях об этом проекте от Ф. де ла Невилля заметно, что крестьяне не выступали в качестве субъекта, в интересах которого проводилась бы реформа. Крестьяне были объектом, направленным на решение в интересах государства финансовых вопросов, с учетом военных ориентиров налоговой политики при первых царях из династии Романовых и военно-фискального характера Московского государства как государства раннего нового времени, развивавшегося на пути к «военно-бюрократическому абсолютизму»²⁰¹.

Аналогичные мотивы предопределили внимание к крестьянству в общественной мысли первой половины XVIII в. В сочинении экономиста и мыслителя петровского времени И.Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» содержится специальная глава 7 «О крестьянстве» (так! – Е.Г.). Сама по себе тема скудости и богатства была поэтому в центре его характеристики крестьянства. «Крестьянское житие скудостно», – так Посошков оценивал общее состояние крестьян, которое он очень хорошо знал. Он выделял несколько причин такого состояния. В качестве первой из них Посошков указывал на «их лености», а также на то, что их «скудости» происходят «от небрежения их», то есть самих крестьян. Но он отметил и другие причины. Это, по его словам, происходило «от неразсмотрения правителей» и «от помещичья насилия»²⁰². Признавая, таким образом, факты «насилия» над крестьянами со стороны помещиков, объясняя это тем, что «есть такие безчеловечные дворяня»²⁰³, Посошков считал необходимым, что «ради охранения крестьяньскаго от помещиков их, надлежит и в помещичьих поборех учинить по земле ж, и чтоб болши положенного окладу отънют на крестьян своих не накладывали»²⁰⁴. Посошков как исключительно осведомленный о крестьянской жизни современник понимал, что всякие попытки ограничить крестьянскую эксплуатацию, привести ее в какие-то нормы, могли встретить существенные трудности. Поэтому он считал необходимым даже ввести такую

²⁰¹ Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVII-XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. С.103; Нефедов С.А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2023. № 12. С.55.

²⁰² Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С.166.

²⁰³ Там же. С.177.

²⁰⁴ Там же. С.181.

оригинальную меру против помещиков, налагавших на крестьян незаконные поборы, как право крестьянского доноса «судьям», причем «того крестьянина, кой доведет, дать воля, да за довод пятьдесят рублей денег», то есть за донос предлагал давать существенное материальное поощрение. Напротив, крестьян, терпевших незаконные поборы и не доносивших на помещиков, налагавших на них такие поборы, Посошков предлагал «бить кнутом, колико ударов уложено будет»²⁰⁵. Хорошо также зная судебские нравы и практику российского «шемякина суда», Посошков предусматривал наказание для судей, которые «по доношению крестьянскому о винности помещиковой сыскивать не станет», то за это «тот судья не токмо своих пожитков, но и живота своего лишится»²⁰⁶.

Меры Посошкова в защиту крестьян, которых эксплуатировали «безчеловечные дворяня», явно отличались своей радикальностью. Однако при всем этом рациональный экономист петровского времени имел в виду не столько защиту экономических интересов крестьян, сколько защиту государственного интереса, на пути которого стояли незаконные поборы помещиков с крестьян. Не случайно в этой связи он напоминал помещикам: «Крестьянам помещики не вековые владельцы». Зная это, указывал Посошков, помещики «не весьма их и берегут». На самом деле «прямой им владетель всероссийский самодержец», тогда как помещики, по словам Посошкова, крестьянами «владеют временно»²⁰⁷. Таким образом, и в рассуждениях Посошкова крестьяне оставались, по традиции, объектом, и прежде всего объектом интересов казны. Когда с них помещики незаконно брали лишние поборы, то они вредили тем самым не только самим крестьянам, но и прежде всего государству, которому из-за этого крестьяне не могли уплачивать подать в положенном размере, или затруднялись ее выплачивать. Заметно резко негативное отношение Посошкова к дворянству, что не удивительно для него как для простолюдина.

²⁰⁵ Там же. С.182.

²⁰⁶ Там же. С.183.

²⁰⁷ Там же. С.178.

Бессубъектность крестьянства в представлениях Посошкова особенно наглядно заметна в его рассуждениях по поводу того, что «крестьянству чинитца великое разорение от разбойников». Ответственность за борьбу с разбойниками Посошков возлагал на самих крестьян. В ситуации, когда на какого-то крестьянина нападут разбойники, а другие крестьяне «соседа своего от разбойников не выручают», он предлагал за это «всех тех соседей бить кнутом, а то, что пограбят разбойники, за их невыручкою, то доправить на них, соседях, сугубо»²⁰⁸. Между тем, борьба с разбойниками и вообще с уголовными преступлениями относится к функциям государства. Но в данном случае государство освобождало себя от выполнения такой функции, и возлагало ее выполнение на население, в данном случае на крестьян. Однако обязательства крестьян перед государством, заключавшиеся в первую очередь в уплате податей, а также в выполнении рекрутской повинности, полностью сохранялись. Но тем самым Посошков не только утверждал бессубъектность крестьян. Он вместе с тем предлагал меру, подрывавшую основы теории общественного договора, на базе которой строилось в раннее Новое время представление о государстве, согласно которому не только народ имеет обязанности перед государством, но и государство обязано выполнять свои функции.

Дворянский публицист, писатель и историк В.Н. Татищев в своих «Кратких экономических и до деревни следующих записках» проявлял себя как очень опытный и знающий свое хозяйство помещик. Крестьянам он уделял в них значительное внимание, однако такое внимание проявлялось у него наравне со всем остальным, что относилось к ведению хозяйства, то есть к земледелию и скотоводству. Так, в разделе «О школах, рукоделье и мастерстве» Татищев предусматривал необходимость обучения крестьянских «ребят от 5 до 10 лет», «как мужеского, так и женского полу». Причем в этом возрасте их требовалось «учить грамоте и писать», а в возрасте 10-15 лет «учить разным художествам: кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бить,

²⁰⁸ Там же. С.170.

войлоки валять, портному, сапожному, и всему тому подобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит, дабы ни один без рукоделья не был». Татищев объяснял выгоды такого обучения для самих крестьян, которые, «особливо зимою», благодаря своему обучению «могут без тяжелой работы получить свои интересы»²⁰⁹. Однако совершенно очевидно, что Татищев как помещик преследовал при этом в первую очередь свои вотчинные интересы. Это видно из перечня специальностей, которым должны были обучаться крестьянские дети. Такой перечень свидетельствует об обучении их к работе в условиях многоотраслевого вотчинного хозяйства. Это было характерно для натурального хозяйства при феодальном строе, когда каждая вотчина или поместье представляла собой замкнутую экономическую систему, способную производить на месте все необходимое для жизни в условиях крайне ограниченных потребностей человека, вышедшего из средневекового миропорядка. Поэтому крестьяне рассматривались Татищевым не как субъект хозяйственной и общественной жизни, но как объект удовлетворения своих вотчинных интересов. О первенствующем значении для Татищева вотчинных интересов по сравнению с крестьянскими свидетельствует его прямое указание «старосте и приказчику»: «Работу ж производить, сделав сперва помещичью, а потом принуждать крестьян свою»²¹⁰. Отсюда также, в соответствии с основами феодальной системы, когда, по словам К. Маркса, «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размером их ренты, а числом подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»²¹¹. Не случайно поэтому Татищев стремился удержать людей в своем поместье. Он требовал: «Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием». Объяснял он такой запрет тем, что «от того крестьяне в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданое, и тем

²⁰⁹ Татищев В.Н. Краткие экономические и до деревни следующие записки // Татищев В.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.255.

²¹⁰ Там же. С.258.

²¹¹ Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат. 1952. Т.1. С.722. (794 с.: ил.)

богатятся чужие деревни»²¹². Совершенно очевидно, что Татищев как помещик понимал, насколько зависит благосостояние его и его поместья от количества людей, и тем самым своих крестьян он рассматривал не как самостоятельный общественный субъект, но как объект владельческих интересов автора этого сочинения.

М.В. Ломоносов в своей записке графу П.И. Шувалову от 1 ноября 1761 г. выразил самую серьезную озабоченность незначительным приростом населения в Российской империи. В числе причин такого явления он указал, помимо всего прочего, на стремление людей к уходу за пределы государства. «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем самым лишается подданных Российская корона», писал М.В. Ломоносов. Другую причину он связывал с положением крестьян в стране: «Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов». По его мнению, для прекращения таких уходов «кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству»²¹³. Конечно, М.В. Ломоносов предлагал облегчить положение крестьян. Но относилось это, во-первых, к жителям приграничной полосы. Во-вторых, уменьшение рекрутских наборов в этой полосе ученый предлагал компенсировать увеличением наборов в других частях государства. И, самое главное, причиной его предложения в данном письме было вовсе не забота о крестьянстве, но забота о государственном интересе, для которого важно было обеспечить условия для увеличения численности населения. Таким образом, крестьянство с точки зрения М.В. Ломоносова, представляло собой объект, с помощью которого обеспечивались интересы государства как реального исторического субъекта.

Таким образом, крестьяне в свете средневековой феодальной традиции не рассматривались как самостоятельный общественный и исторический субъект, но

²¹² Татищев В.Н. Указ. соч. С.259.

²¹³ Ломоносов М.В. (О сохранении и размножении русского народа) // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.6. С.401-402. (С.381-403)

как объект, на который были направлены все действия государственной власти и феодалов-землевладельцев. Такое положение крестьянства выступало на уровне исторической традиции, которая перешла в раннее Новое время. При наличии в Московском государстве XVII в. элементарной юридической субъектности зависимых крестьян, убийство которых запрещал закон, крестьяне в целом оставались бессубъектным слоем населения. На такое положение крестьян в обществе указывалось в сочинениях первой половины XVIII в., написанных как авторами-дворянами, так и авторами, не принадлежавшими к дворянству. Положение их в качестве объекта осуществления интересов помещиков и государства в полной мере выразилось в этих сочинениях.

2.2. Крестьянский вопрос в трудах Вольного экономического общества

Европеизация России, прежде всего дворянства, как важнейший метод политики Петра I, в целом положительно и с интересом воспринятая высшим классом российского общества, предопределяла новую ориентацию его социокультурных интересов. Новые потребности дворянства, связанные с культурой западноевропейских стран, вызвали необходимость новых расходов и их возрастания по сравнению с допетровской стариной. Таким образом, формировался новый толчок для развертывания товарно-денежных отношений, что было связано с потребностями дворянства в деньгах. Однако возраставшие материальные интересы дворянства, определявшиеся новыми явлениями и процессами в российской жизни, не означали появления новых способов материального обеспечения этих потребностей. Способы эти оставались традиционными, это были военная и чиновничья служба и феодальная земельная рента, получаемая от крестьян в своих поместьях и вотчинах. Не удивительно поэтому, что в период после Петра I помещики стали усиленно искать способы повышения доходности своих имений. Отсюда появление целого ряда дворянских сочинений, в которых обращалось внимание на крестьянство. В общем обзоре этих сочинений, которые давал за последнее время А.Р. Мустафин, заметно, что

выделяется несколько периодов, когда крестьянская тема вызывала повышенный интерес. В частности, внимание к ней связывалось с неурожаем в стране 1735 г., а в дальнейшем поисками способов роста доходных статей казны за счет изменений податной системы с помощью частичного перераспределения ее тяжести с крестьян на другие податные состояния страны²¹⁴.

Экономические интересы дворянства и осознание их на уровне культуры своего времени просвещенной его частью предопределило образование в 1765 г. «Императорского вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства». В историографии отмечалось, что появление этого общества происходило в полном соответствии с социокультурной ситуацией в Российской империи второй половины XVIII в. и содержало ряд наглядных признаков культуры нового времени. К ним относились особое внимание общественности к экономическим вопросам, сама возможность выражения общественной активности и способности к объединению, заявление о вольном, то есть негосударственном характере этого объединения. Также к таким признакам относится способность к постановке актуальных и острых вопросов общественной жизни, которые затрагивали самые основы хозяйственной, а отчасти и политической системы, в условиях которой существовала Российская империя. Кроме того, одобрение инициативы по образованию Вольного экономического общества Екатериной II представляло собой показатель стремления власти к общей и постепенной либерализации внутренней жизни в стране, к повышению роли общества в жизни государства²¹⁵. Как справедливо указывал Н.И. Павленко, образование этого общества было выражением политики просвещенного абсолютизма, которую начинала проводить Екатерина II²¹⁶. Не только, однако, новая ситуация в культуре предопределяла появление Вольного экономического общества как выражения общественной активности в дворянской среде. Не в меньшей мере определялась она общей экономической ситуацией в стране,

²¹⁴ Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. Т.2. С.307, 322-323.

²¹⁵ Очерки русской культуры XVIII века: Ч.3: Наука. Общественная мысль. М.: Изд-во МГУ, 1988. С.191-193.

²¹⁶ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. С.101.

заклучавшейся в противоречии между стремлением государства к сосредоточению в своих руках необходимых средств, прежде всего на военные цели, и трудностями со сбором с народа подушной подати ввиду материальной недостаточности значительной части крестьян как основного контингента налогоплательщиков. Следовательно, государственная власть также стремилась уяснить мнение общества, в первую очередь дворян как душевладельцев крестьян, на крестьянскую собственность, на благосостояние крестьян и на возможность в условиях существовавшего их крепостного состояния исправно и в необходимом по закону размере уплачивать подушную подать.

Согласно плану работы общества, представленному при его основании, провозглашалось его демократическое устройство. В основе его были положены принципы добровольности, выборности президента с переизбранием через четыре месяца, не допускались «споры о рангах и старшинстве». Предусматривалась, что «сочинения», «издаваемые в пользу народную», могли публиковаться после одобрения «большинством голосов». Но при этом публикации подлежали только такие сочинения, которые «наиболее приличествуют состоянию здешнего государства». Общество подчеркивало практическую направленность своей деятельности и заявляло, что «никакие спекулятивные и тому подобные сочинения принимаемы не будут»²¹⁷. Тем самым было заявлено об отказе от рассмотрения актуальных в эпоху Просвещения вопросов экономической теории и общественно-политической жизни, о стремлении ограничиться только рассмотрением вопросов, относящихся к ведению хозяйства. При этом вопрос о положении крестьянства не имел для общества первостепенное значение. Это наглядно видно из анкеты, обращенной к губернаторам, для исследования общего состояния крестьянского хозяйства, подготовленной членом общества, юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел вице-президентом, статским советником Т.И. Клингштетом. Из 65 вопросов анкеты к крестьянам за пределами чисто хозяйственных вопросов можно отнести лишь 7. К ним относился 17-й («Сколько

²¹⁷ План ВЭО // Труды ВЭО. СПб., 1765. Ч.1. Без указания страниц.

помещицъему крестьянину в год дается свободных дней на себя работать? И сколько дней должен работать на господина?»), 57-й («Кроме земледелия имеют ли тамошние жители другие промыслы?»), 58-й («Весьма желательно иметь точное и подробное описание обыкновенного тамошняго крестьянского жития ежемесячно через целой год, то есть: в чем он каждой месяц обыкновенно упражняется; в земледелии, или в других каких промыслах, на пример: когда он пашет, сеет, жнет; что делает в осенние и зимние месяцы и проч.?»), 59-й («какою обыкновенно работою бабы упражняются, особливо в зимнее время?»), 61-й («Заставляют ли прясть девочек 10-ти и 11-ти летних, или их в праздности оставляют?»), 63-й («Имеют ли по большей части крестьяне в тамошних местах довольное пропитание, или бедны; и что бедности их причиною?»), 65-й («Желательно сверх того иметь краткое описание о нравах тамошних жителей: трудолюбивы ли они и прилежны ль? Не имеют ли чего особенного в обычае и в употреблении? Кроме обыкновенных больших праздников, не празднуют ли еще каких в году дней? В какое где время есть в обыкновении разные веселости? Много ль человек уходят из дому работать в посторонние места, или большее число прилежат к домашнему земледелию и промыслам? Чем обыкновенно питается простой народ? Какие ординарные болезни случаются в тамошних местах, и не употребляют ли там каких домашних лекарств с пользою? Хорошо ль народ располагается; много ли семьянистых людей, и долго ли обыкновенно там люди живут?»)²¹⁸ Тем не менее, понимание учеными дворянами того, что научное исследование вопросов повышения доходности сельского хозяйства имеет связь с изучением крестьянства и его положения, в этих вопросах прослеживается.

Поэтому среди материалов, печатавшихся в Трудах общества, явное преобладание имели статьи, относившиеся к вопросам ведения хозяйства, к земледелию и промыслам. Статей, в которых так или иначе затрагивались вопросы социальной значимости, было немного. Среди таких статей определенное касательство к взаимоотношениям помещиков с крестьянами имела статья

²¹⁸ Там же. С.182,189,190,191,192,193.

«Дружеские советы благородным сельским жителям, в двух отделениях состоящие: из оных первое о Добродетели и Пороках, второе о Земледелии и Домостроительстве», без указания автора. Статья прямо была обращена к «благородным», то есть к дворянам. «Прямая должность господина есть та, чтоб быть в благочестии примером, а в исполнении добродетели первым», - писал этот автор. И далее он выдвигал целую программу того, как следует поступать, чтобы быть таким «примером». Это означало щедрость и милость «к подвластным своим», предпочтительно было наказывать при необходимости их «без жестокосердия», но при этом «рассуждая о слабости естества человеческого», и «недостатки исправлять со смирением». Также «облегчать их тягостные труды», и, наконец, «от всяких междоусобных ссор отвращать, и собственным своим примером побуждать к миру и к тишине». И только после того, как «благородным» удастся успешно завершить исполнение своих обязанностей по отношению «к подвластным своим», «а не прежде, можно прямо и без пристрастия рассматривать свои собственные дела»²¹⁹. Какого-либо реального преобразования в положении принадлежавших «благородным» господам крестьян в статье не предусматривалось. Благополучие крестьян ставилось в зависимость от отношения к ним господина. Но по отношению к господину в статье предъявлялись определенные требования, в соответствии с особенностями культуры Просвещения. Заключались они в упоминании «о Добродетели и Пороках». Сами по себе это были категории этики, не известные из русских источников периода Московского государства и петровского времени, но распространившиеся в эпоху Просвещения, вместе с идеями гуманизма и «прав человека и гражданина», причем признание их соответствовало добродетели, тогда как нарушение их относилось к пороку. Такие идеи не противоречили дворянской культуре эпохи Просвещения и допускались Вольным экономическим обществом.

Как справедливо подчеркивал М.Т. Белявский, Вольное экономическое общество «состояло из титулованной придворной знати, нескольких "помещиков-

²¹⁹ Труды ВЭО. СПб., 1767. Ч.6. С.7.

практиков" и академиков-иностранцев». Оно, по его оценке, «занимало весьма реакционные позиции», поскольку «ставило своей целью отыскание путей повышения доходности помещичьих имений»²²⁰. Таким образом, уже в самом создании этого общества проявлялось противоречие между формой, порожденной прогрессивными тенденциями эпохи Просвещения, и реакционным содержанием общей деятельности общества, направленного в конечном счете на поиск обеспечения в новых условиях экономических интересов помещиков. Как советский историк, М.Т. Белявский верно указал на классовую сторону заинтересованности дворянства в изучении экономических вопросов. Но, помимо этой, несомненно имевшей место социальной стороны, наглядно прослеживалась политическая сторона, относящаяся к основанию общества и выразившаяся в заинтересованности государства в создании условий для обеспечения несения крестьянством наложенного на них податного гнета.

Толчком к рассмотрению в обществе крестьянского вопроса явилось, как отмечал В.И. Семевский, письмо Екатерины II, написанное в конце 1765 г. В нем она подчеркивала исключительную важность земледелия для государства как отрасли хозяйства и указывала, что если «где земледелие в уничтожении или незначительно производится», то «не может быть там ни искусного рукоделия, ни твердо основанной торговли». При этом причину плохого состояния земледелия императрица определяла таким образом, что в конечном счете все сводилось к несвободе крестьян, поскольку, по ее словам, «всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, чего опасаться может, что другой у него отымет». В этой связи В.И. Семевский считал, что Екатерина II тем самым «обращала внимание на самый главный, коренной вопрос нашего сельского хозяйства»²²¹. Перед обществом она ставила проблему и формулировала ее так: «осталось мне просить вас решить: в чем состоит или состоять должно для твердого распространения земледельчества имение и наследие хлебопашцев?» По оценке

²²⁰ Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М.: Изд-во МГУ, 1965. С.281.

²²¹ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т.1. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб., 1888. С.46.

В.И. Семевского, императрицей перед Вольным экономическим обществом «была поставлена в высшей степени важная задача»²²². Данная оценка определялась тем, что в такой постановке вопроса ставилась проблема крестьянской собственности, которая неизбежно вела к другой проблеме российского общества, которая уже, в свою очередь, относилась к существованию крепостного права. Но подобное положение в письме Екатерины II, писал В.И.Семевский, «не могло не тревожить крепостников»²²³. В новом письме императрицы в общество от 1 ноября 1766 г. предлагалось провести конкурс работ на тему о крестьянской собственности, а также отпускаясь 1000 червонцев для награждения за решение по теме поставленных конкурсом задач²²⁴, и общество такой конкурс объявило.

Общие тенденции в культуре эпохи Просвещения, пронизанные духом свободы, не могли, однако, не сказаться на проявлении в деятельности общества тенденций, которые шли вразрез с консервативными устремлениями основателей общества. Во всяком случае, ясно выраженное намерение придать обществу не просто характер социокультурного явления, но и научный характер предопределяло привлечение известных ученых из-за рубежа. Дворянский характер общества от этого нисколько не менялся. Таким ученым был выдающийся математик, физик и философ Леонард Эйлер и его брат, математик, физик и астроном Иоганн Альбрехт Эйлер. При принятии Л. Эйлера и И.А. Эйлера в общество 6 ноября 1766 г. они произнесли речь на немецком языке, которая была переведена на русский язык. Русский перевод был опубликован М.Т. Белявским. Высоко оценив задачу, поставленную перед обществом Екатериной II, отметив важность ее решения, ученые отметили, что «наслаждаются совершенным благополучием» только те страны, где «крестьянину не токмо совершенное владение над его как движимым, так и недвижимым имением, но и полная власть в том ему дана». Но страны, где «единое поощрение ко всем полезным предприятиям, истребляется посредством внедренного рабства», «совсем в ином

²²² Там же. С.47.

²²³ Там же. С.48.

²²⁴ Там же. С.47. 48.

состоянии находятся». Ученые при этом не останавливались только на теме крестьянской собственности, но и затронули вопрос о крестьянской вольности, особенно болезненный для дворянства, в том числе и для членов Вольного экономического общества. Они признавали, что необходимо «рабское состояние переменить в вольность», для того, «чтобы его (крестьянина – Е.Г.) прилежание к полезнейшим предприятиям добровольно возбудить можно было». Но при этом, по словам немецких ученых, «толь велики и почти непреоборимы те затруднения, которые тотчас окажутся, естли в такой земле, в которой крестьянин в рабстве жить, а дворянин неограниченную власть или господство над ними оказывать приобик»²²⁵. Речь Л. Эйлера и И.А. Эйлера была очень краткой. Однако в ней заметно четко выраженная мысль о преимуществах крестьянской свободы по сравнению с рабством и указание на сложности перехода в России к новой системе общественных отношений при отмене крепостного состояния крестьян. Между тем, однако, ученые и мыслители не смогли, конечно же, добиться понимания большинства членов Вольного экономического общества, состоявшего в значительной степени из помещиков-крепостников. Как указывал М.Т. Белявский, при голосовании в обществе о публикации на русском языке работы французского ученого Беарде де Лабея, которая выиграла первую премию, академики Л. Эйлер и И.А. Эйлер высказывались за ее публикацию, однако большинство членов общества выступило против²²⁶. Сам по себе факт произнесения краткой, но совершенно определенной по своему содержанию речи академиками и отношение к их предложению большинства членов общества свидетельствовало о несовместимости объединенных в рамках этого общества двух социокультурных сред. Академики представляли среду, сложившуюся в культуре европейского Просвещения с ее признанием главного просветительского принципа «прав человека и гражданина», тогда как русское дворянское крепостническое

²²⁵ Белявский М.Т. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766-1768 годах // Археографический ежегодник за 1958 год, Под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С.403.

²²⁶ Там же. С.389. Как отмечал В.И. Семевский, соотношение голосов было иным. За публикацию высказалось 12 членов общества, в том числе сама императрица, а против 15. См.: Семевский В.И. Указ. соч. С.55. По настоянию Екатерины II работа, тем не менее, была опубликована.

большинство в этом обществе, готовое охотно усваивать некоторые стороны просветительской культуры, не могло принять главенствующую идею Просвещения, идею прав личности с распространением ее на крестьян. Это не случайно, поскольку личности в своих крестьянах дворяне-крепостники не могли видеть в устоявшемся в течение жизни ряда дворянских и крестьянских поколений вотчинном быту, и не хотели воспринимать своих крестьян в качестве субъекта общественных и межличностных отношений.

Что касается труда правоведа из Ахена Беарде де Лабея, то он, в духе культуры Просвещения, видел крестьян одновременно и «во образе человек, и во образе земледельцев»²²⁷, оба эти образа были характерны для сознания мыслителей эпохи Просвещения. Крестьянскую собственность он связывал с личным освобождением, и указывал, что «прежде, чем дать рабу какое имение, необходимо сделать его свободным»²²⁸. Аргументация Беарде де Лабея опиралась при этом на мысль об отсутствии подготовки у крестьян к жизни в условиях личной свободы, поскольку такой крестьянин, «когда бы оставлен был следовать своим страстям, не познав наперед новых своих должностей»²²⁹. Для эпохи Просвещения мысль была не случайной. Если свобода составляла одну из основополагающих идей этого времени, то другую идею составляло собственно просвещение общества, и мысль о том, что только на единстве этих двух составных частей вообще может строиться общество. Мысль о непросвещенности крестьян, не готовых к свободе по разным причинам, в том числе по присущей им лени как следствию непросвещенности, о необходимости господского надзора за ними, в полной мере разделялась в дворянской среде. Не удивительно, что публикацию такого труда поддержали не только академики Л.Эйлер и И.А.Эйлер, но и Екатерина II.

Идеолог просвещенного абсолютизма Вольтер в своем сочинении, поданном на объявленный обществом конкурс, как указывал В.И.Семевский, высказывал мнение, что землевладельцам выгоднее раздать земли крестьянам небольшими

²²⁷ Труды ВЭО. СПб., 1768. Ч.8. С.8.

²²⁸ Там же. С.12.

²²⁹ Там же. С.38.

участками, чем использовать рабский труд. Но вопрос об освобождении крестьян, считал французский мыслитель, должен решать сам землевладелец, государство вмешиваться в решение этого вопроса не должно. При этом, как отмечал В.И.Семевский, Вольтер не настаивал на предоставлении крестьянам земельной собственности. Более того, считал он, крестьяне не обязательно должны быть богатыми. «Нужны люди, у которых не было бы ничего кроме их рук и доброй воли», – писал он, и крестьянской собственности не придавал большого, таким образом, значения. И, самое главное для Вольтера, «даже и они (крестьяне – Е.Г.), хотя и кажутся пасынками фортуны, будут участвовать в благополучии других»²³⁰, то есть «других» – значит своих владельцев и государства. Такая мысль вполне устраивала российских крепостников. Для Вольтера, таким образом, крестьяне выступали лишь объектом для удовлетворения экономических интересов своих землевладельцев и государства, они не были для него общественным субъектом со своими интересами. Возможно, что в таком отношении мыслителя к крестьянству сказались определенные традиции французской интеллектуальной культуры еще со времени средневековья, когда низкий общественный статус крестьян воспринимался как норма.

Не все, однако, французские авторы конкурсных работ оставались в плену этой традиции. В.И. Семевский не случайно выделял сочинение другого французского автора, Граслена, получившее премию и право на публикацию своей работы. Вопрос о крестьянской собственности на землю этот автор стремился решать на основании «свойств человека и непреложных законов природы». По его мнению, передача земли в собственность тем, кто ее обрабатывает, выгодна всему обществу, но другие члены общества, не относившиеся к крестьянству, также пользуются плодами земли, возникающими благодаря ее производительности как следствию труда земледельца-собственника. Земледельцы обменивают излишки своей продукции на результаты труда других людей, занятых в других отраслях. Власть, по мнению Граслена, должна обеспечивать личность и земельную

²³⁰ Семевский В.И. Указ. соч. С.62.

собственность земледельца в интересах всего общества. При этом он решительно отрицал рабство и право собственности на землю для тех, кто эту землю не обрабатывает. По-видимому, причина согласия общества на публикацию подобной статьи была не вполне ясна самому В.И. Семевскому, утверждавшему, что работа Граслена была напечатана постольку, поскольку она была «слишком отвлеченная», и поэтому была «мало понятна не только всему русскому обществу, но, быть может, и тем, кто решал вопрос о ее напечатании». По мнению В.И. Семевского, по сравнению с другими работами, присланными на конкурс в общество, это «произведение самое замечательное по своим идеям»²³¹. Очевидно, что на выводах, сформулированных Грасленом, сказывались основные положения физиократов и основоположника этого направления экономической мысли Ф. Кенэ об исключительной роли в производстве земледелия, при недооценке значимости в общественном производстве «бесплодного класса», не относившегося к земледелию²³². Эта теория носила в то время прогрессивный характер, была распространена во Франции накануне революции, и ее разделял генерал-контролер финансов при Людовике XVI А.Р.Ж. Тюрго. Несомненно, что в работе Граслена крестьянин рассматривался как личность и как субъект экономических и социальных отношений, причем, в соответствии с теорией физиократов, как субъект первостепенной значимости. Впрочем, влияние идей физиократов заметно и в письме в общество Екатерины II с предложением о рассмотрении темы, и в сочинениях некоторых других авторов.

В.И. Семевский приводил пример весьма консервативного по своему характеру сочинения, присланного на конкурс в общество неизвестным дворянином из Лифляндской губернии. Этот, по словам В.И. Семевского, «неизвестный лифляндец» готов был освободить крестьян «коронных имений». Но он решительно выступал против освобождения крестьян, принадлежавших частным владельцам. Этот лифляндец писал, что если государь освобождает

²³¹ Там же. С.64-66.

²³² Клюкин П.Н. Поворот к физиократической метафизике (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф.Кенэ) // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С.13. (с.13-42)

частновладельческих крестьян, то «он обижает таким образом самых знатных своих подданных, которые смотрят на крепостное население, как на свою бесспорную собственность, так как это право даровано им или подтверждено привилегиями прежних государей». Кроме того, по его мнению, свободный работник годится для фабрик. Но в земледелии, где работают крестьяне, которые «грубы, непослушны и ленивы», а для работы «не нужно большого ума», нужны «телесная сила, трудолюбие и послушание, а все это можно иметь и без свободы». Рабство, писал этот автор, играет положительную роль, если оно «согласуется со справедливостью и христианством»²³³. Крестьянин для этого представителя остзейских графов и баронов оставался объектом эксплуатации и господских экономических интересов.

Из всех конкурсных сочинений В.И. Семевский признавал наиболее интересным труд правоведа А.Я. Поленова. Как отмечал историк экономической науки в России Л.Д. Широкоград, А.Я. Поленов учился в Страсбургском и Геттингенском университетах и в целом находился «под огромным воздействием более зрелой немецкой науки»²³⁴. Этот автор резко критически отзывался о крестьянской несвободе. По словам А.Я. Поленова, «от лишенного всех прав человечества и тем в конечном уныние приведенного человека ничего лучшего ожидать не должно»²³⁵. Он приводил ряд примеров самого негативного влияния рабства на исторические общества, от античного времени до современной и соседней Польши, и провел исторический анализ процесса возникновения рабства. Сделав этот исторический анализ, А.Я. Поленов обратил внимание на нынешнее положение крестьян в Российской империи, под общим заголовком «Бедственное состояние наших крестьян». При этом он указал на морально-нравственную сторону не только сохранения крепостного права, но и самого общества, которое это состояние терпит и вообще допускает сохранение рабства во времена Просвещения. Он прямо писал: «Крестьяне по самой справедливости заслуживают,

²³³ Семевский В.И. Указ. соч. С.72, 73.

²³⁴ Широкоград Л.Д. Влияние немецкой экономической науки на формирование политической экономики в России в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2004. Вып.3 № 21. С.6, 12.

²³⁵ Белявский М.Т. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса. С.416.

чтоб иметь о них всевозможное попечение». Это не случайно, так как «сколь много должны мы быть обязаны таким людям, которые, будучи готовы на защищение отечества, проливают за него свою кровь, которые, избавляя прочих от тяжких трудов и беспокойств, питают их изобильно, которые, не имея сами почти ничего, снабдевают других так щедро, которые, во все время своей жизни, не видя сами для себя никакой отрады, единственно упражняются в приумножении посторонней пользы; одним словом, наша жизнь, наша безопасность, все наши выгоды состоят в их власти, и неразрушимым союзом совокуплены с их состоянием». И резко высказывал упреки дворянству, поскольку «мы (т.е. дворяне – Е.Г.), ежели искренне признаться, позабыв все сии великие благодеяния, вместо почтения платим презрением, вместо благодарения воздаем обиды, вместо попечения ничего, кроме разорения, не видно»²³⁶. Таким образом, проблема крестьянской несвободы была прямо поставлена А.Я. Поленовым в плоскость ценностных отношений, и в такой постановке есть основание видеть в нем предшественника А.Н. Радищева и мыслителей начала XIX в., декабристов и А.С. Пушкина в ранний период его творчества. На теорию естественного права опирается положение А.Я. Поленова, согласно которому он отрицал правомерность того, что на практике происходило для крестьян «лишение соединенных с человечеством прав»²³⁷. Решительной критике подверг А.Я. Поленов практику торговли людьми. «Сие должно быть неотменно уничтожить и нимало не смотреть, какие бы кто ни представлял причины», – требовал он. Допускал такую продажу он только в случае, если только «кто намерен продавать, то должен продавать все вместе, и землю и людей, а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями». Но, чтоб сделать более приемлемыми доводы в пользу запрета продажи людей для крепостников, не готовых принимать во внимание чувства людей, зависимых от них, он привел

²³⁶ Там же. С.419.

²³⁷ Там же.

экономический довод, заявляя, что «от сей продажи порознь переводится народ и земледелие в ужасный приходит упадок!»²³⁸.

В качестве мер по первоочередному преобразованию крестьянской жизни А.Я. Поленов предлагал крестьянское воспитание, крестьянскую земельную собственность «с надлежащим ограничением», меры для «защиты крестьян от личных судов» и «о предосторожностях при сей перемене»²³⁹. Воспитание на первое место было поставлено не случайно. Идеология Просвещения воспитанию уделяла исключительное внимание. В произведении К.А. Гельвеция «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» прямо провозглашалось: «Воспитание всемогуще»²⁴⁰. Французский мыслитель писал, что все особенности человека зависят от его воспитания. Эту мысль А.Я. Поленов считал справедливой и в отношении крестьян. Как дворянин, хорошо зная особенности жизни в деревне, он не идеализировал народ и указывал на такие его качества, как «невежество, суеверие, невоздержание, леность, легкомыслие»²⁴¹. В качестве воспитательных мер он предлагал обучение крестьянских детей, воспитатели которых могли быть учителя или дьячки, а главным их качеством должно быть, по его мнению, «непорочное житье», которое могло служить примером, поскольку пример «может больше действия произвести, нежели высокие рассуждения, превышающие простых людей понятия»²⁴². Далее, для «сохранения здравия» А.Я. Поленов советовал «завести лекарей в больших деревнях» и держать аптеку с «недорогими и немногими, но необходимо нужными лекарствами»²⁴³. Также ради «народной безопасности» он считал необходимым «полицию содержать в полной силе не токмо в городах, но и в деревнях». Но, зная полицию, он указывал, что «трудность состоит в приискании способных и исправных в своей должности людей»²⁴⁴. Но, самое главное, что предлагал А.Я. Поленов, было наделение крестьян землей для «сеяния хлеба и паствы скота», с правом «владеть оною наследственным образом»,

²³⁸ Там же. С.420.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Гельвеций К.А. Указ. соч. С.504.

²⁴¹ Белявский М.Т. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса. С.421.

²⁴² Там же. С.422.

²⁴³ Там же. С.423.

²⁴⁴ Там же. С.424.

«пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности». Но если крестьянин не будет этого делать, то землю у него следовало забрать и передать другому. Но сделать это А.Я. Поленов считал возможным только в том случае, если такое «дело» «будет рассмотрено в приличном суде». Права крестьян на землю должны быть, по предложению А.Я. Поленова, ограниченными. Крестьянин не получал права продажи или залога земли, раздела ее по наследству, а всю землю должен был передавать по праву майората только старшему сыну²⁴⁵. Но «полную власть и волю» он предлагал дать крестьянину в отношении его движимого имущества²⁴⁶. По существу, меры, предлагавшиеся А.Я. Поленовым по отношению к крестьянской собственности, напоминали меры по отношению к дворянской собственности по указу о единонаследии Петра I 1714 г., где также основой права на наследования был майорат. Работу крестьянина «в пользу господина» А.Я. Поленов предлагал ограничить одним днем в неделю, а все остальные дни недели крестьянин должен был работать на себя²⁴⁷. Это означало значительное улучшение положения крестьян по сравнению с размерами барщинных работ, которые были распространены в вотчинах и поместьях русских дворян. Для крестьян А.Я. Поленов предлагал ввести особые суды. Деревенские суды должны были решать самые незначительные дела. Более крупные дела или дела между крестьянином и господином должны были решать «высшие крестьянские суды», во главе которых могли стоять только те, кто хорошо знает законы. В роли апелляции выступать должны были земские суды, в которых также определялось присутствие знающих законы лиц²⁴⁸. И, наконец, представляя сложности проведения в жизнь своего проекта, А.Я. Поленов предусматривал, что он должен был вводиться постепенно. Сочинение А.Я. Поленова наглядно свидетельствует о восприятии автором крестьянина как важного субъекта не только в жизни определенного вотчинного хозяйства, но и в общественной жизни в целом, как о личности, создающей своим

²⁴⁵ Там же. С.425.

²⁴⁶ Там же. С.427.

²⁴⁷ Там же. С.428.

²⁴⁸ Там же. С.429.

трудом экономическую основу существования общества и государства, и исключительно важной для их существования.

Как отмечал М.Т. Белявский, конкурсное сочинение А.Я. Поленова не могло быть положительно воспринято в обществе. Конкурсная комиссия указывала на «сильные и по здешнему состоянию неприличные выражения», которые имелись в ней. Автору было предложено отредактировать сочинение, после чего оно могло быть отнесено ко «второму классу», но без права печатания. По мнению М.Т. Белявского, для общества оказывалось неприемлемы не отдельные выражения работы А.Я. Поленова, но в целом ее направленность и все ее содержание. При редактировании работы и подготовке новой, второй ее редакции, указывал М.Т. Белявский, удалено было все, что касалось тяжелого положения крестьян в России, также удалены были часть о происхождении рабства и отдельные части о собственности и движимом имуществе крестьян, о податях и о крестьянских судах²⁴⁹. Но и после редакторской работы, в значительной мере изменившей ее содержание и заложенные в конкурсном сочинении внутренние смыслы, труд А.Я. Поленова так и не был опубликован.

Таким образом, Вольное экономическое общество было создано в условиях культуры эпохи Просвещения, благоприятных для проявления общественной активности. Форма Вольного общества, соответствовавшая тому времени, была использована высшим дворянством Российской империи для поисков научного обоснования способов ведения крепостнического хозяйства и получения доходов от него. Тем не менее, экономические, социальные и культурные условия времени заставляли дворянство обратить внимание на положение крестьян и развернуть обсуждение этого вопроса. На страницах трудов общества наиболее острым проблемам крестьянства и страны вообще, относящихся к крепостному состоянию крестьян и их собственности, не уделялось сколько-нибудь значительного внимания, несмотря на объявленный по инициативе Екатерины II конкурс сочинений по теме «имение и наследие хлебопашцев», опубликовать наиболее

²⁴⁹ Там же. С.399.

острые работы из тех, которые авторы присылали на конкурс, общество не решалось. Тем не менее, среди мнений, высказывавшихся в конкурсных сочинениях, четко обозначились две точки зрения. Преобладала точка зрения охранительная, обосновывавшая необходимость по разным причинам сохранения существовавших отношений и исходившая из воззрений на крестьян как на объект, существующий для обеспечения экономических интересов вотчинников и помещиков и уплаты подушной подати государству. Культура Просвещения в то же время предполагала распространение нового взгляда на крестьян, как на социокультурный субъект со своими интересами. Наиболее четко такую точку зрения выражали академики Л. Эйлер и И.А. Эйлер, французский автор Граслен и русский ученый юрист А.Я. Поленов. Обществом, состоявшим из дворянской знати и чиновников высшего и среднего уровня, идея субъектности крестьян была, однако, чужда, и в публикациях общества данная идея, высказывавшаяся в духе культуры Просвещения, не получила отражения и не была принята. Противоречие между прогрессивной формой и консервативным содержанием Вольного экономического общества в вопросе о крестьянстве было выражено очень определенно.

2.3. Крестьянский вопрос в обсуждениях Уложенной комиссии

Об исключительной значимости крестьянского вопроса свидетельствовало не только обсуждение его в конкурсных сочинениях, которые присылались в Вольное экономическое общество, но и внимание к этому вопросу на заседаниях Уложенной комиссии, созванной в 1767 г. Тем более, что в разных слоях русского общества, отражением которого была Уложенная комиссия, по замечанию В.О. Ключевского, «на крепостное право смотрели не как на правовой вопрос, а как на добычу, в которой, как в пойманном медведе, все классы общества: и купечество, и приказно-служащие, и казаки, и даже черносотенные крестьяне – спешили урвать

свою долю»²⁵⁰. Также В.О. Ключевский обращал внимание на то, что в обществе не делалось различие между крепостными крестьянами и рабами, и такой взгляд, распространенный не только в обществе вообще, но и среди депутатов комиссии, Екатерину II «возмушал»²⁵¹.

Такое возмущение императрицы нашло выражение в ее Наказе Уложенной комиссии, который она стала готовить еще с 1765 г., когда возникло и начало свою работу Вольное экономическое общество. В историографии сложились разные, по существу противоположные точки зрения по вопросу об отношении Екатерины II к крепостному праву. Одна из них идет от А.С. Пушкина, видевшего в ней «Гартюфа в юбке и в короне», которая «уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т.е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию»²⁵². Близкой была точка зрения А.А. Кизеветтера. «Ученица просветительской философии XVIII-го столетия, Екатерина мечтала перестроить всю русскую действительность на началах разума и свободы», – писал он. Но итогом ее царствования стало «привилегированное положение дворянства и порабощение крестьянства»²⁵³. По мнению Г.В. Плеханова, Екатерина II, имея в виду отношения между помещиками и крестьянами, «первоначально не прочь была изменить эти отношения в пользу крестьян». Но очень быстро отказалась от этого. Как личность «крайне практичная и не менее эгоистичная», она решила, что «неблагоразумно было бы принимать такие меры, которые возбудили бы великое неудовольствие сословия, фактически державшего в своих руках судьбу всей страны»²⁵⁴. Не только на стремление Екатерины II к освобождению крепостных крестьян, но и на понимание ею трудностей на этом пути указывал М.К. Любавский. Он писал, что «Екатерина далеко заносилась в своих мечтах, она мечтала об освобождении крестьян, но не быстрым и крутом, а медленном и постепенном». В качестве предпосылки она

²⁵⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5. С.101.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Пушкин А.С. О русской истории XVIII века // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т.7. С.164, 165.

²⁵³ Кизеветтер А.А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1904. С.24.

²⁵⁴ Плеханов Г.В. Указ. соч. С.260.

считала необходимым обеспечить «имущественные права крестьян», чтобы они «не разорялись», и «могли бы накопить имущество для своего выкупа»²⁵⁵. На сложность для императрицы вопроса о крепостном праве косвенно указывала И. де Мадариага. По ее словам, в главе 11 своего Наказа она «коснулась деликатной проблемы крепостного права и неволи»²⁵⁶. Сложность состояла в том, что эта проблема выходила одновременно и на уровень исключительной экономической и общественной значимости, и на уровень осознания того, что тем самым затрагиваются интересы правящего класса в условиях, когда, по словам В.О. Ключевского, «в XVIII в. это дворянство само пытается править обществом посредством правительства»²⁵⁷. В советской историографии указывалось, что в Наказе Екатерины II содержались «некоторые наиболее умеренные взгляды просветительской философии того времени»²⁵⁸, но при этом императрица понимала, что ей «надо было угодить возвысившему ее дворянству»²⁵⁹. Стремление выйти за рамки классовой характеристики в понимании Екатерины II и ее Наказа стало проявляться в современной историографии. Как указывал М.А. Рахматуллин, императрица со своими самыми негативными оценками рабства выяснила, что в России «для освобождения крепостных почва была совершенно не подготовлена». «Разочарованная и обескураженная, но прагматичная Екатерина», по его словам, это поняла и направила усилия на просвещение общества, политическое и нравственное²⁶⁰. Согласно А.Б. Каменскому, отношение Екатерины II к крепостному праву определялось тем, что оно «противоречит базовым представлениям Просвещения о правах личности», а также тем, что, по словам самой императрицы, «великий двигатель земледелия – свобода и собственность»²⁶¹. Еще одной стороной ее воззрений было восприятие «народа как духовно нищего и даже дикого», и такое представление «не было чисто русским

²⁵⁵ Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб.: Лань, 2001. С.74,75.

²⁵⁶ Мадариага И.де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Изд-во НЛЮ, 2002. С.258.

²⁵⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч.3. С.9.

²⁵⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С.276.

²⁵⁹ Там же. С.272.

²⁶⁰ Рахматуллин М.А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С.21.

²⁶¹ Каменский А.Б. Екатерина Вторая. С.27.

явлением, но своего рода общим местом Просвещения»²⁶². Для ликвидации крепостничества она видела «эволюционный путь», «в полном соответствии с Монтескье»²⁶³. Поэтому, подчеркивал А.Б. Каменский, Екатерина II сделала вывод, что «новое законодательство», которое Уложенная комиссия была призвана разработать, «должно быть основано на уже существующих законах и обычаях с учетом особенностей страны и ее истории». Такой взгляд на законодательство соответствовал в полной мере воззрениям Ш. Монтескье²⁶⁴. Но в то же время он соответствовал в еще большей мере не культуре «века Просвещения», но основам культуры более позднего периода в развитии европейской культуры, которая сложилась в начале XIX в. в период романтизма²⁶⁵.

Таким образом, Наказ Екатерины II Уложенной комиссии привлекал внимание историков, и это было не случайно по ряду причин. Это, во-первых, по причине отражения в нем остроты проблем, накопившихся в государстве. Во-вторых, сама личность императрицы и ее положение в русском обществе, по-разному оценивались в историографии. В-третьих, это также сложное сочетание в Наказе разных сторон внутренней жизни русского общества и отдельных его слоев, нашедшее отражение в этом документе. И, наконец, это то, что Наказ затрагивал одну из проблем внутренней жизни Российской империи, которая выходила во второй половине XVIII в. на первый план, проблему крестьянства и крепостного права. По существу, в решении этого вопроса в Наказе выразился сложный комплекс разных факторов, влиявших на него, политических, социальных, экономических и культурных. В этой связи представляется важным уяснить их соотношение и место фактора культуры русского Просвещения в постановке Екатериной II крестьянского вопроса. Следует иметь в виду замечание в этой связи Д. Хоскинга, что в Новое время «в России "культурное строительство" происходило главным образом на зарубежной основе»²⁶⁶. Эта справедливая мысль

²⁶² Там же. С.30.

²⁶³ Там же. С.31.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С.85.

²⁶⁶ Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск: Русич, 2001. С.302.

может быть дополнена тем, что в ходе данного процесса имело место столкновение культур при исключительной сложности их взаимодействия. В данном случае традиционной русской дворянской культуры, основы которой уходили во времена Московского государства, и новой европейской культуры Просвещения, носителем которой была Екатерина II, и отдельные черты которой дворянство было готово принять. В этой связи уяснение такого взаимодействия и столкновения дает возможность понять внутренние смыслы Наказа и перспективы дальнейшего развития общественной мысли в Российской империи по вопросу о крестьянстве и о крепостном праве.

Таким образом, из Наказа, который является документальным выражением и общественно-политических воззрений императрицы, и учета ею особенностей русского общества, уровня его культурного и нравственного развития, прежде всего дворянства, видно, что она к постановке наиболее острого вопроса о крестьянстве и крепостном праве, осознавая себя в качестве носителя иной культуры, чем русская дворянская культура, подходила с видимой осторожностью. Выразилось это в опоре Екатерины II на положения, с которыми крепостническому дворянству было достаточно сложно спорить. Так, в первом пункте своего Наказа Екатерина II ссылалась на то, что «Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно». Уже это короткое положение допускало разные смыслы, особенно такие понятия, как «друг другу» (вопрос – кому), «добро» (возможно самое широкое толкование), и, тем более, «сколько возможно» (насколько?). Но, во всяком случае, этот пункт допускал, что все это могло относиться не только к отношениям внутри дворянской среды, но и в отношении к крестьянам. По существу, Екатерина II тем самым стремилась распространить в дворянском сознании понятие о крестьянине как о человеке, которому также можно и нужно «делати ... добро». То же самое относилось к пункту третьему, согласно которому следовало «всякого согражданина особо видеть охраняемого законами». Внушалась тем самым мысль о крестьянине как о согражданине, которого охраняет закон «ото всех, сему правилу противных предприятий». То есть говорилось о защите законом «согражданина» от произвола, или о защите от произвола в

отношении крестьян со стороны помещиков. Подкреплялись эти пункты пунктом шестым, согласно которому «Россия есть Европейская Держава»²⁶⁷, что уже предопределяло мысль о защите всякого человека в государстве в соответствии с образом Европы в сознании просветителей, в отличии от образа деспотического государства, связывавшегося с Азией. С этим пунктом соединялись положения главы 11, в которой первый пункт (по общей нумерации 250-й) содержал заявление о гражданском обществе, но таком, которое требует «известного порядка», состоящего в том, что одни «правят и повелевают», а другие «повинуются». При этом в Наказе определялась степень «всякого рода покорности», которая «больше или меньше облегчительна, смотря на состояние служащих». Это положение также допускало разные толкования, и особенно словосочетание «состояние служащих». Оно могло относиться прежде всего к дворянству, призванному служить государству, и подчеркивало власть монархии над ним. По-видимому, это положение играло роль напоминания, что вопрос о рабстве, который ставился в последующих статьях, должна решать императорская власть, а дворянство должно было находиться в состоянии «покорности» и принимать все, что будет решено сверху. Для времени дворцовых переворотов мысль достаточно смелая, определявшаяся тем, что ко времени чтения Наказа в Уложенной комиссии Екатерина II уже почувствовала некоторую устойчивость своего положения.

Не вполне определенно были выражены смыслы статей, относившихся к рабству. Несомненно, что Екатерина II, в полном соответствии с культурой Просвещения, подвергала рабство уничтожающей критике. В статье 254 она требовала, чтобы «законы гражданские» «злоупотребления рабства отвращали». В статье прямо заявлялось: «Несчастливо то правление, в котором принуждены устанавливать жестокие законы». В качестве положительного примера Екатериной II приводился закон Петра I 1722 г., согласно которому «безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов», или над подобными помещиками устанавливалось опекуновство. Положительно оценивался закон «Афинян», когда

²⁶⁷ Екатерина II. Наказ комиссии. С.115.

«строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо». Напротив, в качестве негативного примера жестокости рабства приводились порядки в Спарте и в Риме (статьи 257, 258). Но полностью рабство в Наказе не отрицалось. По статье 253 допускалась «крайняя необходимость», которая может привести к «учинению» рабства. Делалась оговорка, что такое возможно «не для собственной корысти (помещика – Е.Г.), но для пользы Государственной», с признанием, что «и та едва не весьма ли редко бывает». При этом в статье 260 прямо указывалось: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных». Тем самым дворянству гарантировалось то, что государственного акта об отмене крепостного состояния не будет. Но может быть принят закон с целью «учредить нечто полезное для собственного рабов имущества»²⁶⁸.

Таким образом, в Наказе резко критическое отношение к рабству, которое подразумевалось, как выражение сущности крепостного состояния крестьян, сочеталось с признанием невозможности для государственной власти пойти на его ликвидацию. По существу, Екатерина II, когда уяснила резко негативное отношение дворянства к отмене крепостного права, не отказалась от идеи свободы как просветительской ценности, усвоенной ею. Но направила она свои усилия на выполнение другой функции абсолютной монархии и на осуществление другой просветительской ценности, которой было воспитание общества, изменение его сознания. Своим Наказом Екатерина II стремилась приучить дворян, а также другие слои русского общества, к мысли о сущностной порочности рабства, о недопустимости этого архаичного явления в просвещенном государстве.

Дворянство, однако, думало о сохранении и четком законодательном оформлении своих прав и привилегий и особого положения в государстве, частью которого было право на землевладение и на крепостных людей. Такого закрепления требовали в своем наказе для «сочинения Нового Уложения» дворяне Московской губернии. Они хотели четкого разъяснения этих прав и преимуществ, а также указания на то, кто может ими пользоваться, «как поступать в дворянское

²⁶⁸ Там же. С.148.

достоинство всемилостивейше в оное самодержавной властью жалуемым»²⁶⁹. Аналогичная мысль о необходимости пожалования дворянских прав и преимуществ от монархической власти содержалась в наказе дворян Волоколамского уезда²⁷⁰. В наказе дворян Костромского уезда непосредственно затрагивался вопрос о крепостных крестьянах. В нем содержалось прошение, что «выданные дворянских жен приданья девки за мужних дворовых людей и крестьян, равным образом и мужния девки за приданных людей же и крестьян, по смерти того или той, оставались тем крепки, кому мужья их следуют»²⁷¹. Данный пункт наказа очень показателен, из него видно, насколько прочно крепостнические порядки были укоренены в жизни и быту помещиков, и крестьян.

О дворянской уверенности в своем положении по отношению к монархии свидетельствует предложение из наказа дворян Клинского уезда, «чтобы подушный сбор с одних только крестьян ... всемилостивейше сложить», с возможностью «замен той земледельцев подушной суммы, наложить или прибавить цены на вино, на пиво, на чай, на кофе, на сахар, на виноградная вина, на табак, на карты, на дуги и кареты, на псовую охоту, на платье с золотом и серебром, и другия служащая для роскоши обстоятельства материй»²⁷². Снижение подушной подати означало расширение для помещиков возможностей по взиманию с крестьян своей владельческой ренты, а предложение провинциальных клинских дворян взимать повышенные сборы на роскошь должно было коснуться прежде всего столичной аристократии. Скромнее была в этом отношении просьба в наказе от дворян Михайловского уезда, чтобы с их крестьян «окроме подушного платежа ... мелочных поборов впредь дела не иметь»²⁷³. Аналогичная просьба об отмене подушного платежа с крестьян содержалась в наказе дворян Веневского уезда. Объяснялось это тем, что «в платеже умершие, слепые, дряхлые, увечные и малолетние». Взамен предлагалось подать «положить на землю, с четвертей и

²⁶⁹ Сборник РИО. СПб., 1869. Т.4. С.227.

²⁷⁰ Там же. С.242.

²⁷¹ Там же. С.252.

²⁷² Там же. С.264,265. Аналогичное прошение содержалось в наказе судиславского дворянства. Там же. С.283.

²⁷³ Там же. С.274.

десятин; и так крестьянам никакой тягости не будет, а сбору казенной суммы недоимки никогда быть не может»²⁷⁴. Несомненно, что веневские дворяне прежде всего думали о том, что освобождение от подушной подати позволит им легче взимать ренту. Но, возможно, что в качестве скрытого смысла их предложения было стремление усилить в положении своих крестьян признак рабской зависимости, поскольку, как справедливо указывал В.О. Ключевский, «крепостной человек ... не раб, ... а ревизская душа, государственное лицо»²⁷⁵. В положении крестьянина ликвидация зависимости от государства означала усиление зависимости владельческой.

В наказе дворян Ярославского уезда своему депутату князю М.М. Щербатову содержалось стремление заставить крестьян заниматься земледелием путем установления такой нормы, в соответствии с которой крестьянин побуждался возвращаться к земледелию от «жития его в городе», где он занимался разными работами. В наказе говорилось, что положение «крестьян земледельцев» должно быть «почтеннее и благоденственнее», чем других крестьян²⁷⁶. Помимо соображений о развитии земледелия, князь учитывал, что на земледельческой работе крестьяне менее самостоятельны и больше зависят от помещика, чем в случае отхода даже с разрешения помещика и работе в городе.

В ряде наказов проявляется в полной мере отношение помещиков к крестьянам как к своему имуществу, наравне с имуществом недвижимым и движимым. Особенно это заметно в наказе дворян Коломенского уезда своему депутату М.К. Скавронскому. В наказе указывалось на случаи, когда отдельные дворяне, «проча своих людей (дворовых – Е.Г.) и крестьян, как мужья в род жен своих, так и жены в род мужей, также и в другия посторонния фамилии, продают и закладывают людей и крестьян умышленно, чтобы остались те проданные или заложенные люди, или крестьяне по тем купчим и закладным за теми людьми, для кого те умышленныя закладныя и купчия сделаны, без выкупа». При этом дворян

²⁷⁴ Там же. С.344.

²⁷⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч.5. С.100.

²⁷⁶ Сборник РИО. Т.4. С.311.

беспокоило то, что в результате подобных практик «многим дворянским фамилиям упадок чинится». Поэтому коломенские дворяне просили этих проданных и заложенных людей и крестьян «отдавать на выкуп тех продавцов и закладчиков ближним родственникам, ... чрез что дворянам одному против другаго обиды быть не может»²⁷⁷. Забота о дворянах и о дворянской корпорации в целом проявляется в наказе очень, таким образом, заметно. Но то, что дворовые люди и крестьяне выступают как объект купли-продажи и залога, составителей наказа несколько не беспокоило, считалось устоявшейся нормой. То же самое относится к зависимости крестьян от барской прихоти. Одной из форм такой зависимости стало появление у отдельных дворян «излишних дворовых людей бесполезных». На это указывалось в наказе дворянства Дмитровского уезда. При этом обращалось внимание на невыгоды такого расточительства для самих дворян, поскольку «дворового человека самого надлежит кормить, а еще содержание его часто стоит вдвое и втрое против пищи»²⁷⁸. Поэтому в наказе дворянам советовали не иметь лишних дворовых людей. Известно при этом, что такие люди все время находились под господским наблюдением, и их положение было нередко еще тяжелее, чем крестьян, занимавшихся земледельческим трудом или промыслами.

Наказ дворян Вере́йского уезда отразил остроту отношений между помещиками и крестьянами, которая в отдельных случаях приводила к убийству помещика. В этом наказе сообщалось, что «взяв безпричинную злость, люди (дворовые – Е.Г.) и крестьяне против своих господ, а особливо против тех, которые, не терпя их плутовства и злодеяния, от того стараются их отвращать, убивают своих господ до смерти». Причину они видели в том, что «за такие их злодеяния не только смертной казни, ниже пристрастных расспросов ... чинить не велено». Видя в подобных случаях прямую связь с крестьянскими побегам, верейские дворяне просили в своем наказе усилить борьбу с беглыми²⁷⁹. Опасения дворян было не случайно. О подобных случаях знала Екатерина II, когда заметила поэту

²⁷⁷ Там же. С.333.

²⁷⁸ Сборник РИО. СПб., 1871. Т.8. С.507.

²⁷⁹ Там же. С.374.

А.П. Сумарокову, что помещики «"бывают отчасти зарезаны от своих" крестьян»²⁸⁰. В этой связи граф Н.И. Панин требовал от императрицы восстановления смертной казни для убивших помещика крестьян, отмененной торжественно Екатериной II, а Сенат в 1767 г. считал необходимым рассматривать крестьян, не защитивших своего господина от убийц, наравне с убийцами²⁸¹.

На сложность преобразования такого общества и внедрения в него мысли о его переустройстве на новых, некрепостнических основах указывали выступления депутатов. На заседании от 27 августа депутат от ярославского дворянства князь М.М. Щербатов заявил о необходимости, «дабы все сословия в Российской империи были между собою разделены, и чтобы каждое из них знанием своих прав содействовало общему благополучию»²⁸². Это заявление было не только слишком общее. Оно свидетельствовало о нежелании дворянства, мнение которого выражал князь, что-либо принципиально менять в основах общественных отношений, сложившихся в Российской империи к тому времени. Особое право дворян «владения деревнями» князь М.М. Щербатов в выступлении от 12 сентября обосновывал выгодой этого владения для государства, поскольку тем самым дворянину «есть первый способ содержать себя во всех местах, куда отечество заблагорассудит его употребить»²⁸³, или направить на службу.

В некоторых выступлениях звучала критика дворянства по отношению к крестьянам. На заседании от 29 апреля депутат от города Углича И.Сухопрудский заявил, что причина крестьянских побегов связана и с крестьянами, и с помещиками. У крестьян это «своевольство и привычка к порокам», у помещиков – «разные удручения и жестокость»²⁸⁴. На заседании 5 мая депутат от дворянства города Верея Г. Степанов указал, что причиной побегов может быть «суровый поступок некоторых владельцев», и предлагал над такими владельцами в

²⁸⁰ История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях в 12 т. Первая серия. Т.1-6. М.: Наука, 1967. Т.3. С.455.

²⁸¹ Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. В 3 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Т.1. С.351.

²⁸² Там же. С.97.

²⁸³ Там же. С.152.

²⁸⁴ Сборник РИО. СПб., 1881. Т.32. С.41, 42.

соответствии со статьей 256 Наказа учинить опекунство²⁸⁵. Еще более резко о практиках отношений между крестьянами и помещиками высказался на заседании в тот же день депутат от дворянства Козловского уезда Г. Коробьин. По его словам, некоторые помещики «с крестьян берут против обыкновенного подати (он имел в виду не подати, которые платятся государству, но размеры ренты – Е.Г.)». Некоторые дворяне, «набрав много долга», «отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывают одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты», то есть отдают своих людей в счет долга. Но хуже всего поступали те помещики, говорил Г. Коробьин, «кои, увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания». От этого, предупреждал козловский депутат, «и целому государству немалая предлежит опасность». Не удивительно поэтому, что «крестьяне, не стерпя более отягощения, принужденными себя находят оставить дом свой и помещика», или пускаются в бега. В соответствии со статьями 261 и 295 Наказа он заявил, что «надобно предписать законом нечто для собственного рабов имущества»²⁸⁶. В пользу этого Г. Коробьин указывал: «Крестьянин же, зная, что он может иметь у себя нечто из своего собственного, старательные труды к трудам прилагать будет»²⁸⁷. Против предложения Г. Коробьина высказался на заседании 12 мая депутат от дворянства от города Зарайска М. Кондырев, считавший, что «если ограничить крестьян с помещиками, то можно подать повод к злоупотреблению»²⁸⁸. Тем самым он высказался против вмешательства государства в отношения между помещиками и крепостными. При этом депутат от дворянства города Обоянь М. Глазов, выступая против предложения Г. Коробьина, указал, что этому депутату вообще «не препоручено от своего общества того представлять»²⁸⁹. На заседании 13 мая тверской депутат от дворянства В. Неклюдов, выступая против предложения Г. Коробьина, сказал, что «от той власти, которую ныне помещики

²⁸⁵ Там же. С.54.

²⁸⁶ Там же. С.54, 55.

²⁸⁷ Там же. С.409.

²⁸⁸ Там же. С.61.

²⁸⁹ Там же.

над крестьянами имеют, никогда никакого не чувствовала Россия вреда»²⁹⁰. Некоторые противоречия просматриваются в рассуждениях депутата А. Похвиснева. Он, с одной стороны, признает, что неограниченная власть помещиков «сначала клонится ... к обременению крестьян и к разрушению самого государства». Но, «следуя здравому разуму, сия власть безопасна, особливо по причине любви российского народа к своему отечеству». Для предохранения крестьян от произвола помещиков он согласился с депутатом Г. Степановым о необходимости опеки над такими помещиками²⁹¹. Депутат М.М. Щербатов на заседании 22 мая заявил о «неудобствах, могущих произойти от позволения крестьянам пользоваться собственностью, соединенного с содержанием их в полной власти своего помещика», а также согласился на назначение опекунов для «безрассудных помещиков»²⁹². На необходимость ограничения барщинных работ для крестьян указал депутат от шляхетства Екатеринбургской провинции Я. Козельский. По его предложению, крестьянину должно было даваться «два дня на исправление в государственных податях, другие два дня на содержание помещика, а два дня на исправление собственных его нужд». Это позволит крестьянам лучше вести свое хозяйство, и будет удобно самим помещикам, причем «как человеколюбивым, так и удручающим крестьян своих»²⁹³. Заметно, как при обсуждении вопроса о взаимоотношениях с крестьянами большинство дворянских депутатов решительно защищало собственные корпоративные интересы. В то же время депутаты признавали необходимость взятия под опеку отдельных помещиков.

О необходимости крепостных и их покупки для купцов высказался на заседании от 11 октября депутат из Шуи Д. Воинов. По его словам, «для избежания многих затруднений, встречаемых купечеством, позволить оному покупать работников и работниц, назначив для каждой гильдии определенное тех и других

²⁹⁰ Там же. С.66.

²⁹¹ Там же. С.71.

²⁹² Там же. С.85.

²⁹³ Там же. С.88.

число»²⁹⁴. Решительно против этого предложения выступил депутат от дворянства Кромского уезда А. Похвиснев. О противодействии дворян купеческому стремлению иметь крепостных в историографии говорилось. Но в данном случае важно обратить внимание на одну из причин такого стремления. А. Похвиснев увидел в этом поползновение купцов в сторону получения некоторых дворянских прав, и заявлял, что и без покупки крепостных купечество может, «не мешаясь в права дворянства, ... размножить свои торги к славе Российской империи»²⁹⁵. На заседании от 15 октября М.М. Щербатов добавил к этому соображения гуманистического характера. «Обратим взоры наши на человечество и устыдимся об одном помышлении дойти до такой суровости, чтобы равный нам по природе сравнен был со скотами и поодиночке был продаваем»²⁹⁶, – с пафосом провозглашал князь-вотчинник и душевладелец. Такое заявление сделало бы честь мыслителю эпохи Просвещения. Но разве М.М. Щербатов не знал, что купля-продажа людей распространена среди дворянства, интересы которого он защищал? И в его собственной практике взаимоотношений с крестьянами были разные случаи, когда он выступал и как защитник своих людей, и как их весьма жесткий господин²⁹⁷. Но данная речь показывает знакомство его с идеями Просвещения, с мыслью о природном равенстве людей, но вместе с тем о готовности его защищать свое представление о сословном разделении общества и особых правах дворянства.

Таким образом, обсуждение крестьянского вопроса, выходявшего в царствование Екатерины II на уровень наиболее актуального вопроса жизни общества и государства, наглядно выявило не просто разные точки зрения. На заседаниях Уложенной комиссии в связи с поставленной перед ней целью выработки нового уложения произошла встреча двух культур и, хотя и в несколько скрытой форме, весьма острая полемика между ними. Резкая критика рабства в наказе императрицы как выражения культуры европейского Просвещения не

²⁹⁴ Сборник РИО. Т.8. С.84, 85.

²⁹⁵ Там же. С.104.

²⁹⁶ Там же. С.108.

²⁹⁷ См.: Гриценко К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. С.63-65. Едва ли правильна некоторая идеализация этой, несомненно, выдающейся личности русского Просвещения. См.: Калинина С.Г. Михаил Михайлович Щербатов // Щербатов М.М. Избранные труды. М., 2010. С.18-19.

только не встретила понимания депутатов от дворянства и купечества, но даже осталась за пределами вербального дискурса. Для депутатов необходимость сохранения крепостнических отношений составляла несомненную экономическую и социальную очевидность и вышла на уровень социокультурной ценности. Полная неготовность российского общества к признанию несовместимости рабства, в образе которого оно представляло крепостное право, и культуры нового времени с признанием прав «человека и гражданина» заставила Екатерину II отойти от попытки поставить просветительский идеал ликвидации рабства в Российской империи на повестку дня и сделать своей целью осуществление другого просветительского идеала, который состоял во всемерном просвещении общества, которое, как уяснила просвещенная императрица, потребует длительного времени и больших усилий. В ходе заседаний Уложенной комиссии был сделан шаг на пути к своеобразного синкретизма культуры Просвещения и традиционной русской дворянской культуры в форме русского Просвещения, в рамках которого просветительский идеал свободы сочетался с терпимостью к крепостному праву при признании положения о необходимости культурной подготовки раба к свободе. В результате такого синкретизма Екатерина II провозглашается депутатами Уложенной комиссии Екатериной Великой и становится дворянской императрицей, а российское дворянство вступало в свой золотой век.

2.4. Организация крепостного хозяйства по вотчинным инструкциям

Письменные проекты и устные рассуждения дворян в Вольном экономическом обществе и в Уложенной комиссии носили в большей мере теоретический характер с элементами публицистики, хотя и с оглядкой на практику хозяйственной деятельности и взаимоотношений с подвластными людьми. Что же касается хозяйственной практики, то основы ее вырабатывались в вотчинных канцеляриях и закреплялись в специально создававшихся для целей управления вотчинных инструкциях, которые вотчинновладелец составлял для управляющих хозяйством. По сведениям, собранным В.А. Александровым, такие вотчинные

инструкции не были для времени царствования Екатерины II каким-то новым явлением. Такие документы начинали составляться еще в царствование Петра I²⁹⁸, а последние составлялись уже при Николае I, в условиях постепенно развивавшегося по мере развития рыночных отношений в Российской империи кризиса крепостнического строя. Таким образом, подобные документы имели черты универсальности и были приспособлены к разным уровням развития общественных и экономических отношений. Но обязательным условием было существование частного многоотраслевого хозяйства с использованием в нем принудительного труда.

Это не случайно, поскольку они имели общий культурно-исторический прообраз, уходящий не только в средневековье, причем в раннее, но и в античную древность. К наиболее ранним прообразам подобных текстов относится сочинение Марка Порция Катона «Земледелие» от первой половины II в. до н.э.²⁹⁹. Утилитарно-хозяйский подход выражен в этом сочинении очень определенно, раб рассматривается в нем не как человек, но как средство производства.

В раннем средневековье идея владельческого интереса нашла свое воплощение в Капитулярии о виллах, который принято связывать с императором Карлом Великим, созданном примерно в 800 г. В отличие от Римской республики, где жил Катон, в это время господствовало натуральное хозяйство. А.П. Левандовский верно в этой связи указывал, что «великий император ... не понимал значения денег в хозяйстве», «придирчиво требовал их, заботливо собирал и ... подобно "скупому рыцарю" складывал в свои сундуки»³⁰⁰. Тем не менее, в данной инструкции проявлялась своеобразная рациональность того времени. Она состояла в четком определении цели хозяйства, заключавшейся в том, чтобы «поместья наши, коим мы определили обслуживать наши нужды, всецело служили нам, а не другим людям»³⁰¹. Несмотря на очень большую хронологическую разницу, между

²⁹⁸ Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука. 1976. С.50.

²⁹⁹ Катон М.П. Земледелие. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С.9. 11.

³⁰⁰ Левандовский А.П. Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» средневековья. М.% Алгоритм, 2013. С.136.

³⁰¹ Хрестоматия по истории средних веков. М.: Учпедгиз, 1949. Т.1. С.147.

сочинением Катона и Капитулярием о виллах имеется сходство по тематике и структуре. В обоих текстах имеются прямые общие наставления управляющим и указания по проведению конкретных работ. Отличие между ними в том, что в Капитулярии несравненно более мягкое отношение к зависимым людям, чем у Катона.

В.А. Александров определил вотчинные инструкции как особый «тип источника»³⁰². Если принять эти источники за особый тип, то в соответствии с тем, как делил тип письменных источников Л.Н. Пушкарев «на два рода – делопроизводственные (документальные) и повествовательные»³⁰³, то и этот тип может быть также разделен на два аналогичных рода. В одном преобладает повествовательная форма выражения мысли, другой же представляет собой в чистом виде документ. Два вышеупомянутых источника, «Земледелие» Катона и Капитулярий о виллах в силу своей направленности и цели создания подходят под общий «тип» инструкции. Но при этом сочинение Катона написано в более литературном стиле, тогда как Капитулярий в полной мере представляет собой документ делопроизводства. Между этими формами выражения мысли об управлении хозяйством различия также в том, что литературная форма рассчитана на определенный круг общества, с которым автор делится своим опытом управления подобным хозяйством, тогда как делопроизводственный документ рассчитан на внутривладельческое использование. В нем владелец хозяйства уже не делится своим опытом, но дает прямую директиву по руководству этим хозяйством. Отсюда обе формы по-разному относятся к общественной мысли своего времени. Так, если литературная форма прямо примыкает к ней, составляя ее определенный сегмент, то документальная форма имеет к ней косвенное отношение. Она напрямую к ней не примыкает, но в ней в полной мере учитывается общественная мысль, относящаяся к ведению хозяйства и управлению им, отношению с работающими в нем зависимыми людьми.

³⁰² Александров В.А. Указ. соч. С.48. Л.Н. Пушкарев видел в типе источников нечто иное, различие между источниками «с точки зрения кодирования в них информации». См.: Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С.192.

³⁰³ Пушкарев Указ. соч. С.256.

Документальный род инструкций прослеживается в русском средневековье. Наиболее заметным его выражением является упоминавшаяся грамота 1391 г. митрополита Киприана Владимирскому Царевоконстантиновскому монастырю с четкой росписью крестьянских повинностей на монастырь. Со ссылкой на труд А.А. Новосельского «Вотчинник и его хозяйство в XVII в.» (М.; Л., 1929) В.А. Александров указывал на вотчинные документы XVII в., относящиеся к ведению хозяйства, но имеющие ряд недостатков, поскольку в них «нет расчленения на главы и статьи, нет стройности, стремления к регламентации». И вообще, «они далеко не охватывают всех сторон жизни вотчины, всех сторон управления и хозяйства»³⁰⁴.

Более четкими подобные вотчинные документы становятся при Петре I. Ранний образец такого документа представляет собой инструкция бывшего думного дьяка А.А. Вiniusа крестьянам вотчины в московском уезде 1709 г., опубликованной А.И. Андреевым. По оценке А.И. Андреева, инструкция сохранилась «в плохой современной копии в одном из сборников Эрмитажного собрания отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде»³⁰⁵. В инструкции, адресованной «прикащикам и старостам»³⁰⁶, расписаны разные крестьянские работы в вотчинах на весь год, месяц за месяцем. А.И. Андреев обратил внимание на жестокость эксплуатации крестьян, которым «разрешалось работать на себя не более двух дней в неделю, а заслушание они подвергались телесным наказаниям»³⁰⁷. Замечание совершенно верное. К этому можно добавить, что «прикащикам и старостам» велено было следить за личной жизнью крестьян, с указанием на то, чтобы «без отпускных не женились. А отпускные осматривать», причем, «кто ослушается, быть в наказанье»³⁰⁸. Еще одной заметной чертой документа является глубокое, доскональное знание вотчинником своего хозяйства и хозяйственных работ,

³⁰⁴ Александров В.А. Указ. соч. С.48, 49.

³⁰⁵ Андреев А.И. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. // Исторический архив. М., 1953. Т.8. С.269-270.

³⁰⁶ Там же. С.270.

³⁰⁷ Там же. С.269.

³⁰⁸ Там же. С.271.

причем тех, которые ведутся в соответствии с сезонами. С этим знанием связано недовольство вотчинника А.А. Винуса крестьянами, из-за которых «поздаются (т.е. опаздывают – Е.Г.) те севы (проводить вовремя – Е.Г.) от крестьянской лености: спят и завтракают долго, а на работу ходят мало пред полуднем, оттого в те дни, когда на меня работают, их работа останавливается на долгие дни». На себя им, согласно инструкции, разрешалось работать в «пяток и субботу», а «воскресный день им для святости, никакой им работы не работать». Причем надо было «заставить их, крестьян, чтобы ходили в церковь и богу молились и дома отдыхали»³⁰⁹. Вотчинник, во всяком случае, видел связь между плохой работой крестьян в господском хозяйстве и нехваткой времени для работы на себя. Но менять в недельном ритме работ он ничего не собирался.

Текст наказа отличался четкостью, был пронизан внутренней логикой, которая соответствовала логике сезонных работ, и был вполне доступен для понимания. Тем самым был сделан шаг по пути выработки формуляра подобных документов, составляемых в вотчинных канцеляриях. Дальнейшее развитие формуляра инструкций происходило в последние годы царствования Петра I. Это заметно в двух инструкциях, опубликованных в том же номере «Исторического архива» И.Ф. Петровской. Это указы гофмаршала Петра I Д.А. Шепелева 1718 г. и князя А.М. Черкасского 1719 г.

Наказ Д.А. Шепелева «приказному человеку нашему Ивану Балашеву» в село Глинки включал 25 пунктов. Обращает на себя внимание, что в этой инструкции проявилась существенная особенность петровского времени. Первым и вторым пунктом в нее было включено то, что относится к выполнению повинностей перед государством. Так, в первом пункте приказному указывалось «всякие подати велеть с крестьян збирать и на указные сроки платить по вся годы бездоимочно». Вторым пунктом указывалось «отдавать в драгуны и в салдаты, в матрозы и в рекруты с вышеписанного селца годных в службу людей», причем «явно и тайно подлогу никакова не чинить и не корыстоватца», причем этих людей «отправить

³⁰⁹ Там же. С.273, 274.

как мочно наскоро, а просрочки бы и доимки ни в чем не было»³¹⁰. Приказный делался ответственным за поддержание внутреннего порядка в вотчине. Инструкция напоминала о запрете принимать беглых. Вотчинник также напоминал приказному об ответственности: «Аще же дерзнешь что учинить не против государева указу и сего нашего повеления, то яко сущий злодей безо всякого милосердия отдан будешь к суду и воспримешь по делом своим месть, каков повелевает о том учинить государев указ по усмотрению вины, да с тебя ж и со всей вотчины взят будет штраф немалой неотложно»³¹¹.

Подробно расписывался порядок крестьянских работ в земледелии, скотоводстве и птицеводстве. Все подлежало строгому учету, урожай должен был записываться в «помесячно и по числам в ужинные книги», и «присылать к тому же всему подлинную ведомость»³¹². Учет крестьянского населения шел наравне с учетом продукции сельского хозяйства. Вотчинник требовал, «сколько в год будет сфадеб (так – Е.Г.), записывать имянно в книги». Но и, конечно же, был совершенно определенно выражен денежный интерес вотчинника. Приказный должен был «брать по полтине з жениха и с невесты», а также «коликое число и за что взято будет каких денег, и то писать имянно ж в приходную книгу погодно с числами. И такие книги присылать за своими руками для щету куды повелено будет»³¹³.

Инструкция отражала своеобразную владельческую заботу о своих крестьянах. По словам документа, «росправа», то есть судебное разбирательство, должна была вестись «между крестьян» по законам и «самою сущюю правдою, другу не дружа, а недруги не мстя, без мотчания», причем строго требовалось «сира и убога не презирать и пришельца не обидеть»³¹⁴. Выражалась забота и о духовной стороне крестьянской жизни. Приказный должен был наблюдать, чтобы крестьяне по воскресеньям ходили в церковь, и известия об этом иметь «от приходских священников». Если кто-то не ходил «простотою или леностью», то «таким людям

³¹⁰ Петровская И.Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Исторический архив. Т.8. С.231.

³¹¹ Там же. С.232.

³¹² Там же. С.233.

³¹³ Там же. С.234-235.

³¹⁴ Там же. С.235, 236.

чинить наказание: бить батоги на мирском сходе нещадно, снем рубахи», и к этому налагать «штраф». И если кто-то «явитца в росколе, или в каком еретичестве, или в волшебстве, чародействе», то их «держат за крепким караулом и отсылать куда надлежит». Если же кто-то «скажет за собою государево слово и дело, и таких ловить, и, оковав руки и ноги, отсылать куды царского величества указ повелевает»³¹⁵.

Еще более четко расписаны положения в наказе князя А.М. Черкасского приказчику села Марково Московского уезда. Он имеет более сложную структуру, в соответствии с некоторыми юридическими документами XVII-XVIII вв., начиная с Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., когда документ был разделен на главы, которые, в свою очередь, делятся на статьи, или пункты. Как указывала И.Ф. Петровская, положения этого наказа распространялись на другие вотчины князей Черкасских, располагавшиеся в Московской, Владимирской, Нижегородской, Воронежской губерниях. По ее предположению, автором было неизвестное лицо, поставленное во главе управления всеми вотчинами князей Черкасских³¹⁶. По своему содержанию наставления Д.А. Шепелева и князя А.М. Черкасского весьма близки между собой. Различается в этих наказах порядок расстановки тематических узлов. Первая глава наказа князя А.М. Черкасского называлась «О росписке новому приказному с прежним», а вторая глава «О хранении и починке строения». В такой тематической расстановке заметен особый интерес управляющего всеми вотчинами князей Черкасских, для которого важнее всего была правильная передача управления отдельной вотчиной между старым и вновь назначенным управляющим, а также сохранение и поддержание в порядке строений в вотчине. То же самое, первостепенные интересы общего управляющего были заметны в выдвигании конкретных вопросов отношения с крестьянами, в главе третьей «О смотре над крестьяны» и главе четвертой «О суде». И только пятая глава была «О зборе податей». В такой структуре имеется своя логика. Уплата податей, которая была важнейшей задачей вотчинной администрации, была

³¹⁵ Там же. С.237, 238.

³¹⁶ Там же. С.223, 224.

возможна при правильных назначениях и сменах приказных, при сохранении строений и заботе о них, при правильном «смотре над крестьяны» и недопущении побегов, и при правильной организации вотчинного суда. В двух последних главах, девятой («О пашне, о сене и о хлебе государя нашего»), и десятой («О дворах конских и птичьих и скотных») поставлены вопросы непосредственно о хозяйстве.

Что касается главы третьей, посвященной крестьянам, то в ней обращает на себя внимание статья 13, согласно которой сами крестьяне «востребуют» «купить у кого из помещиков из крестьян в работу», то есть инициатива в покупке крепостных могла исходить от самих крестьян. В таком случае наказ требовал покупать «по настоящему», то есть по всем правилам, причем крепости чтобы присылались «к Москве, оставя список в вотчине з запискою». В нескольких статьях описывался случай, если «из вотчины побегут крестьяне» (статьи 14-17). Заметно, что в наказе выражено стремление стимулировать их возвращение. В случае возвращения из первого побега требовалось «их пожитки возвращать им все в целости без утраты». И лишь за второй побег беглому крестьянину следовало «чинить по взятъе из города наказанье»³¹⁷. Наказ также отражал право вмешательства вотчинной администрации в личную жизнь крестьян. В статье 19 говорилось, чтобы «из вотчины государя нашего (князя А.М. Черкасского – Е.Г.) в замужество вдов и девок в посторонние вотчины и в города не выпускать, и отпускных не давать»³¹⁸.

В качестве объекта, предназначенного для удовлетворения своих владельческих интересов, рассматривали крестьян своего имения все дворяне, от которых исходили указы приказчикам, в том числе видный государственный деятель России второй четверти XVIII в. А.П. Волынский в своей инструкции дворецкому Ивану Немчинову 1724 г. В этом документе внутреннего вотчинного управления А.П. Волынский представил требование к дворецкому как к главе вотчинной администрации и к крестьянам, за которыми должны были следить

³¹⁷ Там же. С.251, 252.

³¹⁸ Там же. С.252, 253.

должностные лица вотчинной администрации. Помещик А.П. Волынский считал необходимым организацию обучения крестьянских детей разным специальностям, но все это обучение должно было проводиться для вотчинных хозяйственных потребностей³¹⁹. Предусматривалось, чтобы «престарелые», а также «сироты» «без призрения не бродили», причем чтобы сироты работали, «всяк по своей возможности и по силе». Но если обнаружится, что эти люди «бродят для того только, чтобы туне есть хлеб, а не работать», то «таких насильно к работе принуждать и наказывать»³²⁰. По его словам, «одиноких и безтяглых холостых робят» следовало «брать на мой двор» и задавать им «всякую крестьянскую работу». Некоторых из них по инструкции требовалось «держат и для того, если случится побор в солдаты, то вместо того, что у крестьян детей брать с тягла, отдавать их в солдаты». Но от дворецкого Волынский требовал, чтобы «сие содержать секретно, дабы они не ведали»³²¹. Тем самым Волынский рассматривал своих людей с точки зрения значимости для своих хозяйственных интересов и стремился не отдавать в рекруты своих тяглых, более ценных для него крестьян. Следовательно, для Волынского, как и для других помещиков, от которых исходили наказания, крестьяне были не целью их мероприятий и не социальным субъектом, но объектом, существовавшим для обеспечения дворянских владельческих интересов.

В вотчинных инструкциях прослеживаются количественные и качественные признаки массовых источников³²². Как указывал В.А. Александров, имеется не менее пятидесяти инструкций с разными вариантами, а, возможно, и более³²³. Качественная сторона просматривается также уже в инструкциях первой половины XVIII в. Появление их является ординарным явлением того времени, когда

³¹⁹ Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях, как содержать и при том прилежно смотреть, чтоб в добром здорвьи были. СПб., 1881. С.3.

³²⁰ Там же. С.17.

³²¹ Там же. С.18.

³²² Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979. С.6; Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. С.7; Лубский А.В., Пронштейн А.П. Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1981. М.: Наука, 1982. С.6; Источниковедение: учеб. пособие: отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд-во ВШЭ, 2015. С.226.

³²³ Александров В.А. Указ. соч. С.51.

дворяне-вотчинники стремились к рационализации своего хозяйства. Они в то же время отражают повседневную сторону жизни и повседневного быта вотчины, а также воззрения дворянства на свои хозяйственные практики, находившие выражение в дворянской общественной мысли. К содержанию их относятся признаки однородности, аналогичности и повторяемости. Также проявлялось тяготение к стандартизации, при отсутствии единого общепринятого формуляра.

К несколько более позднему времени, к 1742 г., относятся упоминавшиеся «записки» В.Н. Татищева. Они принадлежат к другому, чем указы более ранних вотчинников, А.А. Виниуса, Д.А. Шепелева и князя А.М. Черкасского, роду подобных источников, к повествовательному. Они имеют литературную форму и рассчитаны на постороннего читателя, а не только на приказчиков и управляющих татищевскими вотчинами.

Как и указы и инструкции первой половины столетия, аналогичные документы второй его половины пронизаны идеей ведения рационального вотчинного хозяйства. Тем более она характерна для эпохи Просвещения в России, когда возрастала экономическая и общественная роль денег в условиях развития товарно-денежных отношений. Указам и инструкциям стало уделяться большое внимание. Некоторые из них публиковались в трудах Вольного экономического общества, которое объявило в июне 1768 г. конкурс на сочинение «для деревенского управителя или прикащика»³²⁴.

В указах и инструкциях как первой, так и второй половины XVIII в. заметно очень хорошее знание вотчинниками или их администрацией хозяйственной жизни и крестьянских работ, устройства крестьянского хозяйства и вообще разных сторон хозяйственной деятельности. Такое знание всегда являлось типичной чертой подобных документов. На такое знание указывает, например, наличие в наставлении князя М.М. Щербатова «прикащику» Осипу Звереву исключительно подробной росписи технологии «строения поварни с приспешенною избою», с размерами необходимых для этого бревен и порядком заготовки их в лесу.

³²⁴ Труды ВЭО. Ч.13. СПб., 1769. С.120.

Вотчинник давал указание по строительству печей и очагов, по оплате за работы, в том числе крестьянам, «которые будут употреблены в сии работы»³²⁵. То же самое относится к росписи князем точных норм выдачи сена лошадям «за нынешнимъ неурожаем»³²⁶. Прекрасную осведомленность о ритме крестьянской жизни проявил помещик Н. Римский-Корсаков, в своем наставлении главному управителю Ф.А. Зауру. Он отмечал, что «крестьяне села Федоровскаго з деревнями имеют большую прибыль, в зимнее время возють некоторые товары, на берегу реки Волги лежащие, такъ же и весною, нагружая разной товаръ на барки, которые идутъ в Петербургъ». Тем самым могут «оне дома получать лехко деньги для заплаты казенныхъ податей и господскаго оброка, но более они пропивают, нежели о себе думаютъ»³²⁷.

Следующим характерным признаком вотчинных инструкций является упоминание в них документов, составлявшихся в делопроизводстве, которое велось в вотчинных канцеляриях. Разнообразные документы, составлявшиеся в вотчинной канцелярии, упомянуты в инструкции П.Б. Шереметева приказчику 1764 г. Среди документов, которые вотчинник требовал от приказчика составлять, упоминались такие, как «вотчинные всякие крепости з годомъ, месяцомъ и числомъ», описание церкви, а также «прикащичьей дворъ, и протчее всякое мое строенье описать имянно порознь»³²⁸. Требовалось переписывать «подворно всякихъ крестьянъ мужескъ и женскъ полъ», со значительными подробностями. При этом вотчинник требовал организовать присылку «росписныхъ книгъ в Москву»³²⁹. По всем «денежнымъ приходнымъ и расходнымъ и всякимъ зборамъ» «для щету книгъ» требовалось «велеть выбирать повсегодно вотчинныхъ на сходахъ с мирского посменного приговору добрыхъ людей надлежащее число», причем «из первостатейныхъ крестьянъ добрыхъ и совестныхъ людей»³³⁰. Таким образом, допускалось попадание крестьян на нижнюю ступень вотчинной

³²⁵ РГАДА. Ф.1289 (Князей Щербатовых). Оп.1. Д.373 (Наставление приказчику Осипу Звереву). Л.1-2 об.

³²⁶ Там же. Л.2 об.

³²⁷ РГАДА. Ф.1272 (Нарышкиных). Оп.2. Д.28. Л.33 об.

³²⁸ РГАДА. Ф.1287 (Шереметевы). Оп.2. Д.1304. Л.1.

³²⁹ Там же. Л.1 об., 2.

³³⁰ Там же. Л.4.

администрации, что само по себе было показателем большого объема вотчинного делопроизводства, для которого требовались люди. В наставлении Н. Римского-Корсакова главному управителю Зауру упоминались приходные и расходные книги, подворная опись, а «бурмистру» указывалось «зделать реестръ беднымъ и нерадивымъ крестьянамъ, которые свою землю не пашутъ и не сеютъ, а отдаютъ в наемъ»³³¹. Приказчику села Веретинского надлежало следить, чтобы «хранение дель, при земской имеющихся, прикащику иметь в особомъ присмотре и уважении, дабы оные были въ целости и надлежащемъ порядке», причем «въ полной подчиненности прикащика» были «пищики», но не из «выборныхъ»³³². Так рациональные основы философии Просвещения превращались в своеобразную вотчинную рациональность, одной из сторон которой было стремление к письменному учету всей внутренней жизни вотчины. Особенно четко были указаны обязанности управителя или приказчика при ведении письменных документов в наказе члена Вольного экономического общества генерал-майора барона Вольфа. Он не только указал пять книг, которые должен был вести управляющий, но и привел образцы их ведения³³³.

Также на рациональных основах строились взаимоотношения вотчинника с зависимыми людьми. Проявлялось это, в частности, в наказаниях за разные провинности. Так, еще Катон писал, что рабы могли выходить на работу в оковах. Ничего подобного в вотчинных наказах и инструкциях не было. Однако свои наказания имелись. Так. Н. Римский-Корсаков давал указание главному управителю Зауру, чтобы «наказать» крестьян за невыход на господский сенокос, или будут «плохо косить»³³⁴. Допускалось наказание в материальной форме. Приказчику О. Звереву князем М.М. Щербатовым было в наставлении указано, что крестьяне украли лес, приготовленный для строительства. Князь писал: «Вместо

³³¹ РГАДА. Ф.1272 (Нарышкиных). Оп.2. Д.28. Л.34.

³³² РГАДА. Ф.1263 (Голицыны). Оп.10. Д.1418. Л.1, 1 об.

³³³ Труды ВЭО. СПб., 1769. Ч.12. С.33.

³³⁴ РГАДА. Ф.1272 (Нарышкиных). Оп.2. Д.28. Л.33 об.

краденного лесу крестьянами повелено имъ купить 15-аршиннаго лесу со стороны»³³⁵.

В полном соответствии с дворянским общественным мнением и с реалиями раннего нового времени, перешедшими из средневековья, за владельцем-вотчинником признавалось право наказания своих людей, в том числе в форме заключения их в вотчинную тюрьму. Такой тюрьмой располагал князь М.М. Щербатов. В наставлении О. Звереву приводятся сведения об одном из заключенных такой тюрьмы, Спиридоне Скудине. Князь требовал в наставлении его «содержать скована, и давать две ко[пейки] на пропитание». Если же дело подойдет к его «неистованию», «приказщикъ долженъ для усмирения и другую цепь на него накладывать, пока протрезвится»³³⁶. В инструкции П.Б. Шереметева 1764 г. приказчику в село Павлово статья 42 так и называлась «О наказании крестьян». В то же время, зная нравы управителей, вотчинник старался не допустить применения ими крайних, неоправданных мер в отношении крестьян. Он требовал, чтобы «за малые вины наказанием большимъ не отягощать», «за большия вины для взятковъ не снаравливать, делать правильно». При этом «под карауломъ долгое время крестьянъ не держать, и из своихъ рукъ крестьянъ ничемъ не бить»³³⁷. В наставлении приказчику села Веретинского князь Голицын требовал, чтобы он «воровъ» наказывал «отдачею ... въ рекруты или другими средствами»³³⁸. Свою систему наказаний расписал для крестьян Б.П. Шереметев за невоздержание «от пьянства, от дурныхъ и безчинных поступокъ». Так, крестьян «среднихъ и меньшестатейных ... наказывать штрафами и телеснымъ наказаниемъ». Те же, кто «от того не уймутца, будут отданы для поселения в Нерчинскъ». Но «первостатейных» крестьян, замеченных «в излишнихъ мотовствахъ и раскошахъ, от чего приходятъ в неоплатные долги», следовало только лишь «призвавъ в судную избу, увещевать словами»³³⁹. Общие данные о наказаниях крестьян

³³⁵ РГАДА. Ф.1289 (Князей Щербатовых). Оп.1. Д.373. Л.2 об.

³³⁶ Там же. Л.3 об.

³³⁷ РГАДА. Ф.1287 (Шереметевы). Оп.2. Д.1304. Л.9, 9 об.

³³⁸ РГАДА. Ф.1263 (Голицыных). Оп.10. Д.1418. Л.3 об.

³³⁹ РГАДА. Ф.1287 (Шереметевы). Оп.2. Д.1304. Л.20 об.

помещичьим судом в принадлежавшем Шереметеву селе Иваново за период с 1790 по 1809 гг. давал Д. Блум. Всего «было осуждено ... 109 человек», из них большинство были «закоренелыми правонарушителями»³⁴⁰. Американский историк привел статистику правонарушений. По его данным, полностью преобладали случаи пьянства, 552 случая. Другие правонарушения: «хулиганство» - 107 дел, подозрения в краже – 51 дело, непослушание должностным лицам – 45 дел, ночные отлучки – 39 дел, неповиновение родителям – 25 дел, симуляция – 20 дел, бегство и прогулы – 7 дел, неуплата барских повинностей – 5 дел³⁴¹. Сам по себе перечень подобных дел наглядно, как представляется, свидетельствует об объеме власти помещика над крестьянами, о конкретных проявлениях крепостной зависимости.

Причина недостаточности крестьян, по мнению помещика Н. Римского-Корсакова, заключалась в них самих, и от этого «выходить недоимка въ оброчной сумме». По его описанию в наставлении, когда в городе Руза по праздникам или по субботам бывают торги, «мои крестьяне» оттуда «никогда не приезжают домой не пьяные, а такъ напьются, что жены ихъ правятъ лошадьми»³⁴². В качестве наказания рассматривалась отдача в рекруты в наказе барона Вольфа. От управляющего барон требовал наказывать крестьян «смотря по вине», а целью наказания считал «в пример другим». По понедельникам управляющий должен был собирать «старост и работников для решения жалоб, для наказания виноватых, и для оказания всякому правосудия». «При себе одном» наказывать крестьян «на теле» запрещалось, только «при старостах»³⁴³.

Рациональные основы ведения хозяйства предполагали, чтобы крестьяне имели определенный достаток и домовладение. Это хорошо понимали вотчинники. Такие помещики, как герой пушкинского «Евгения Онегина» Гвоздин, «хозяин превосходный», но «Владелец нищих мужиков»³⁴⁴, не были для них

³⁴⁰ Блум Д. Указ. соч. С.(407-408).

³⁴¹ Там же. С.(498).

³⁴² РГАДА. Ф.1272 (Нарышкиных). Оп.2. Д.28.Л.34.

³⁴³ Труды ВЭО. Ч.12. С.30.

³⁴⁴ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1975. Т.4. С.94.

положительным примером. Поэтому в своем наставлении по селу Веретинскому князь Голицын в 14-й статье писал: «Домъ каждого крестьянина не менее быть долженъ, какъ надобно, чтобъ онъ имель избу, сени, клетъ и хорошее крыльцо, дворъ и ворота, и все чтобы было выстроено нарядом». При этом недостройки, указывал вотчинник, выражали «нерадение и беспечности какъ крестьянина, такъ и управляющихъ ими», «ни подь какимъ видомъ быть не велено»³⁴⁵. Голицын требовал, чтобы у умерших родителей дети были под опекой родственников, или «за неимениемъ оныхъ по темъ изъ крестьянъ, кто взять пожелает». И при этом «стараться, чтобъ никто для збору милостыни не ходилъ, кроме разве стариковъ и увечныхъ, и родства не имеющихъ»³⁴⁶.

К литературной, или, точнее, к литературно-публицистической форме второй половины XVIII в. относятся указы П.И. Рычкова и А.Т. Болотова, опубликованные в 16-й части «Трудов Вольного экономического общества». Тексты их наказов были признаны лучшими, за них статский советник П.И. Рычков и капитан А.Т. Болотов получили по золотой медали, каждая в 35 червонных³⁴⁷. А.Т. Болотов известен как глубокий знаток в делах сельского хозяйства и вотчинного управления, и не случайно он был приглашен на должность управляющего Киясовской волости, которую предполагала приобрести Екатерина II, на что он согласился³⁴⁸.

П.И. Рычков с неграмотностью и темнотой крестьян связывал «столько невежества, грубости, нестроений, и самых худых дел, о том, как в известном деле, изъяснить здесь почитаю я за излишнее», а «малолетние крестьян наших дети, шатаясь по деревням, от осьми лет и далее, привыкают только к праздности и лени», от чего «им самим и государству великой вред делается»³⁴⁹. Он считал необходимым для управителя заботиться о просвещении крестьян. Мысль вполне соответствовала идеям Просвещения. Но также П.И. Рычков считал необходимым

³⁴⁵ РГАДА. Ф.1263 (Голицыных). Оп.10. Д.1418. Л.4 об.-5.

³⁴⁶ Там же. Л.7.

³⁴⁷ Труды ВЭО. Ч.16. СПб., 1770. С.2.

³⁴⁸ Бердышев А.П. Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. 1738-1833. М.: Наука, 1988. С.139, 140.

³⁴⁹ Труды ВЭО. Ч.16. С.16.

«побуждать» крестьян по воскресеньям и праздникам, чтобы они «исполняли христианские свои должности»³⁵⁰. Вопрос об отношении между помещиками и крестьянами П.И. Рычков ставил на уровень дискуссии. Он, с одной стороны, подчеркивал, что управитель или приказчик должен заботиться об увеличении числа тяглых крестьян. С другой стороны, он очень осторожно, но ставил перед обществом вопрос о сокращении барщинных работ. П.И. Рычков приводил пример, что некоторые «такие строгие» помещики не дают крестьянам даже одного дня для работы на себя. У других немного лучше, на барина четыре дня, на себя три, включая воскресенье. П.И. Рычков предлагал «умеренно их (крестьян – Е.Г.) содержать, то есть работать по три дня на себя и на барина, а в воскресенье отдыхать»³⁵¹. Также А.Т. Болотов считал, что лучше всего, когда «три дни работали крестьяне на господина, а три дни на себя». Вообще заметно, что этот автор обращал внимание приказчика на то, что «приводит крестьян в бедность»³⁵², приводил разные обстоятельства, которые вели к этому, и требовал, чтобы приказчик старался этого не допускать. Среди таких обстоятельств А.Т. Болотов выделял «малое количество даваемой им земли», и «если она не гораздо хлебородна»³⁵³.

Стремление в своем наказе убедить помещиков в необходимости дать крестьянам возможность для работы на себя отвечало не только гуманистической стороне Просвещения, но и его рациональной стороне, поскольку несло в себе мысль о том, что заинтересованный человек будет работать лучше, а это было в интересах и государства, и крестьянина, и самого помещика. В таком подходе к данному вопросу содержался взгляд на крестьянина не только как на объект интересов помещика и государства, но и как на хозяйствующего субъекта со своими интересами. Но с этой мыслью наказа П.И. Рычкова была связана также мысль о необходимости принимать меры к увеличению крестьянского населения. «Умножение земледельцов не только для помещиков, но и для всего государства

³⁵⁰ Там же. С.17.

³⁵¹ Там же. С.27.

³⁵² Там же. С.186.

³⁵³ Там же. С.186.

важнейшим пунктом почитается»³⁵⁴, – убеждал автор членов Вольного экономического общества. И советовал, как следует действовать в этом направлении приказчику. Он предписывал приказчику заводить «необходимые в селах и деревнях ремесла», причем, как он прямо писал, «к содержанию и обогащению своих людей»³⁵⁵. Зная нравы приказчиков и управителей, П.И. Рычков посчитал необходимым специально предупреждать: «Беременных баб, кои на сносах, в тяжкие работы отнюдь не наряжать»³⁵⁶. В наказе А.А. Болотова от приказчика требовалось, чтобы он думал о «приумножении доходов» вотчинника, но при этом «и о неразорении крестьян». Приказчику предписывалось смотреть, «не обращаются ли которыя нибудь из положенных господином на крестьян поборов в крайнее отягощение», и в этом случае «о сложении или уменьшении оных делать господину своему представление»³⁵⁷.

Обратил также П.И. Рычков внимание на меры по наказанию крестьян. Причины он указал разные. И если крестьяне окажутся «столь нерадивые», то следует, их «призывая к себе, делать им окрики». Но если окажутся те, кто «ни к каким увещеваниям и средствам к земледелию не будут прилежны», «склонны к праздности, забиячествам и к другим невоздержанностям», то «из таковых молодых и здоровых людей ... отдавать в рекруты». Тех, кто «старее», «для воздержания и на страх другим, по силе указов ссылать на поселение в отдаленные места»³⁵⁸. Среди преступлений, за которые приказчик должен наказывать крестьян, А.Т. Болотов выделял воровство. Он при этом рассуждал о важности неотвратимого наказания: «Свойство и нрав нашего народа необходимо сего требуют, ибо малейшее упущение служит ему потачкою». И «чем строже сей пункт в деревнях наблюдаться станет, тем для крестьян станет лутче»³⁵⁹, – писал он на основе своего владельческого богатого опыта и укоренившихся в дворянской среде представлений о народе. Приказчик, писал А.Т. Болотов, должен был следить,

³⁵⁴ Там же. С.33.

³⁵⁵ Там же. С.36, 37.

³⁵⁶ Там же. С.60.

³⁵⁷ Там же. С.170.

³⁵⁸ Там же. С.57, 58.

³⁵⁹ Там же. С.192.

чтобы «никто не корчемствовал», «не продавал вина», «не держал бы беглых солдат и всякого рода людей», чтобы не было «ссор и драк», и боролся бы с тем, «что касается до развратности нравов, а особливо баб»³⁶⁰.

По-своему П.И. Рычков выражал владельческий идеал приказчика: «рачительный и верной приказчик, без предписания, о всем том старается, из чего по состоянию вверенной ему вотчины, господину его польза и прибыль может произведена быть»³⁶¹. Что касается такого идеала, то А.Т. Болотов уделил этой теме в своем наказе целую главу³⁶². Вообще описанию того, что составляет должность приказчика и в чем состоит его работа, он уделял много внимания.

Конечно, инструкции содержали общую модель вотчинного управления и отношений вотчинника с управляющими, бурмистрами и крестьянами. Жизнь, вместе с тем, предполагала необходимость дополнительного регулирования в зависимости от конкретных случаев, которые возникали в текущей жизни. Типичным образцом такого распоряжения было краткое повеление по зубцовской вотчине графа П.В.Салтыкова бурмистру села Мануйлова Андрею Горину от 28 марта 1774 г. о распределении земли между крестьянами и о порядке уплаты оброка³⁶³.

Таким образом, теоретические основы воззрений дворян-вотчинников на взаимоотношения с крестьянством, выраженные в нарративах дворянской общественной мысли, в высказываниях депутатов Уложенной комиссии, находили свое практическое воплощение в наказах и инструкциях вотчинников приказчикам и управляющим своих вотчин. Такие указы и инструкции представляли собой документ частного вотчинного делопроизводства. В то же время в своей литературной форме они составляли часть дворянской общественной мысли, поскольку публично обнародовались в трудах Вольного экономического общества, таких, как сочинения П.И. Рычкова и А.Т. Болотова. Те же указы и инструкции, которые в своем абсолютном большинстве не публиковались, в полной мере

³⁶⁰ Там же. С.194, 197.

³⁶¹ Там же. С.53.

³⁶² Там же. С.69-71.

³⁶³ РГАДА. Ф.1262 (Гагариных). Оп.1. Д.54. Л.1, 1 об.

соответствовали отношению дворян к своим крепостным людям, которое высказывалось в дворянской общественной мысли.

Такие указы и инструкции имеют существенные признаки массовых источников. Они возникли внутри такого явления, как вотчинное управление, ординарны по обстоятельствам своего происхождения, в них прослеживаются черты стандарта в их построении, принятого при составлении подобных документов. Они, наконец, имеют определенную количественную массовость. Представление о таких указах и инструкциях как об источниках массовых позволяет видеть степень значимости и распространенности отраженного в них такого социального, экономического и культурного явления второй половины XVIII в., как вотчинное хозяйство с крепостным трудом.

В указах и инструкциях вотчинников второй половины XVIII в. нашли отражение разные стороны отношений вотчинниковладельцев со своими крепостными людьми. В них заметно хорошее знание дворянами хозяйственной жизни, стремление к рациональному, в духе своего времени, ведению хозяйства, к точности и строгому документальному учету в вотчине. Забота о крестьянах с признанием их собственных интересов в качестве субъекта экономической жизни сочеталась с указанием на меры, которые следовало принимать к ним в случае нарушений вотчинного распорядка и небольших преступлений вроде воровства. В целом в этих документах крестьяне, однако, выступают в качестве объекта экономических интересов и потребностей вотчинниковладельца и государства.

Выводы по главе

Глубокая и прочная культурно-историческая традиция, уходившая своими корнями в средневековье, рассматривала крестьянство как объект удовлетворения материальных интересов своих господ и государственной власти. Такая традиция оказалась очень прочной и перешла в раннее Новое время и была усвоена русским дворянством эпохи Просвещения.

Культура эпохи Просвещения оказала определенное влияние на общество и заставила обратить внимание на положение крестьянства. Заметно зарождение взгляда на крестьянство как на общественный субъект со своими особыми

интересами, который, однако, выражен был весьма слабо. В публикациях Вольного экономического общества положению крестьян уделялось определенное внимание. Но в них полностью преобладала консервативная, традиционная дворянская точка зрения на крестьян как на объект, существующий для удовлетворения интересов помещиков и для уплаты государственных податей.

На заседаниях Уложенной комиссии произошла встреча двух культур, выразивших разное отношение к крестьянам. Традиционная для российского дворянства со взглядом на бессубъектность крестьянства, с правом дворян в отношении труда и собственности крестьян как к освященной временем социокультурной ценности. Другая отражала культуру Просвещения с резко критическим отношением к рабству, с признанием в качестве ценности «прав человека и гражданина», и была очень осторожно высказана в Наказе Уложенной комиссии императрицей. Выступления депутатов показали неготовность российского общества к принципиальным переменам в отношении к крестьянам и к крепостному праву. Поэтому Екатерина II отказалась от постановки вопроса об отмене крепостного права и перешла на уровень осуществления другого просветительского идеала, который состоял во всемерном просвещении русского общества.

Теоретические воззрения дворянства на крепостное право как основу отношений с крестьянством нашли свое практическое воплощение в наставлениях (наказах, инструкциях) вотчинников своим приказчикам и управляющим. Эти документы были результатом вотчинного делопроизводства и выражались в двух формах: документальной (делопроизводственной) и литературно-публицистической. Некоторые из них, публиковавшиеся в трудах Вольного экономического общества, представляли собой прямое явление дворянской общественной мысли, поскольку предназначались для обсуждения. Наказы и инструкции приказчикам отражали влияние дворянского общественного мнения по крестьянскому вопросу. Эти указы и инструкции имели признаки массовых источников, что свидетельствует о распространенности отраженного в них явления и его актуальности для общества.

Глава 3. Крестьянский вопрос в письменных текстах просвещенных дворян второй половины XVIII в.

3.1. Дворянские документы и дворянская публицистика о крестьянах

Публицистика представляет собой сложное социокультурное явление. Как указывала современный исследователь Т.Ж. Мушарипова, к публицистике относится избрание темы, ход работы над текстом, сами тексты и, как результат, воздействия текста на общество³⁶⁴. По мнению М.В. Загидуллиной, публицистика представляет собой особый тип (род) текстов в журналистике. Она характеризуется актуальностью, практической значимостью, общественной направленностью³⁶⁵. Таким образом, публицистика представляет собой и всегда представляла особый творческий процесс. Все указанные составные части этого процесса тесно связаны между собой. В них проявлялось единство человека как автора публицистического произведения и общества, которому оно было направлено. В публицистике выражалась форма духовного и идейного контакта между людьми. Публицистика как особый жанр (тип, род) литературы может существовать только тогда, когда в обществе возникает понятие о значении человека, важности и перспективности его убеждения для общественной жизни, или понимание того, что есть обстоятельства, которые зависят не только от высшей воли, но и непосредственно от человека. Также, очевидно, что произведение публицистики полемично по своей сущности и охватывает темы, по которым имеются разные точки зрения, одну из которых отстаивает автор. Вместе с тем публицистика должна была находиться на уровне знания своего времени, религиозного или научного, при том, что публицистика к науке не относится. Несомненно, что для появления подобной литературы необходим был не только автор, но и подготовленный к ее чтению и пониманию читатель, готовый поддержать идеи, выраженные в публицистике, или вести с ними дискуссию. История русской публицистики начинается в Средние века, расцвет ее

³⁶⁴ Машарипова Т.Ж. Сущность публицистики // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: филология, журналистика. 2015. № 1. С.106.

³⁶⁵ Загидуллина М.В. Публицистика 2.0: к определению понятия // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т.15. Вып.2. С.226.

имел место в XVI – начале XVII вв., продолжение ее имело место в раннее Новое время³⁶⁶.

В отличие от произведений публицистики, официальные документы, исходившие от дворян, занимавших видное положение в государственном аппарате, не были предназначены для публичного обсуждения. Это были мнения высокопоставленных лиц, рассчитанные на внимание к этим мнениям со стороны императорской власти и правящей бюрократии, выражавшиеся в форме записок. Близость к публицистике в этих записках состояла в их тематике, которая отличалась остротой и общественной значимостью, наглядно подчеркивала важность для внутренней жизни государства, для российского общества, поднимавшихся в них вопросов. В таких записках за XVIII в. проявлялся интерес высокопоставленных дворян к крестьянской теме, весьма хорошее знание существовавшего положения и указания на незамедлительную необходимость его исправления.

Как справедливо обращал внимание А.Р. Мустафин, уже в записке дворянского автора, генерал-прокурора П.И. Ягужинского, Екатерине I, поданной в 1726 г., было обращено внимание на тяжелое положение крестьян³⁶⁷. В своей записке генерал-прокурор указывал на разорительную для крестьян подушную подать, когда они в неурожайный год «и семенной хлеб распродавать принуждены, а сами терпят голод», или, когда в результате такого разорения «не безужасно слышать, что одна баба от голоду дочь свою, кинув в воду, утопила», и от голода «множество бегут за рубеж Польской и в Башкиры, чему и заставы не помогают»³⁶⁸. В этой записке заостряется внимание на исключительную общественную остроту поднимаемого в ней вопроса, на внимание к нему со стороны осведомленной и

³⁶⁶ Редин Д.А. Концепция «злочестивого царя» в «Послании на Угру» архиепископа Вассиана и ее вариации в политической мысли допетровской России // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) /отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С.301; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С.42; Очерки русской культуры XVII века. В 2 ч. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч.2. С.42.

³⁶⁷ Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. С.299.

³⁶⁸ Записка П.И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1860. Кн.4. Отд.5. С.270.

наиболее ответственной части дворянской знати, в которую входил П.И. Ягужинский по своей должности генерал-прокурора, назначенного еще Петром I. Следовательно, в ней в отношении причин того, что «уже несколько лет хлебу род худой», было состояние крестьянства, и условия крестьянского существования прямо «к поправлению нынешнего в государстве состояния требуют»³⁶⁹. Записка П.И. Ягужинского, при всей подчеркнутой лояльности генерал-прокурора к верховной власти, к которой он сам относился по должности, призывала правящую дворянскую бюрократию Российской империи к обсуждению крестьянского вопроса. На необходимость некоторого облегчения податной нагрузки для крестьян указывали и другие дворянские авторы первой половины XVIII в.³⁷⁰

Близкую по своему внутреннему смыслу записку подал в 1763 г. генерал-аншеф П.И. Панин. В этом документе, текст которого был изложен С.М. Соловьевым, указывались причины бегства крестьян из близких к западной границе земель на территорию Польши. По мнению П.И. Панина, важнейшей причиной была «ничем не ограниченная помещичья власть» над крестьянами. Такая власть сочеталась с тем, что помещиками вводилась в свой быт «неумеренная роскошь», которая, в свою очередь, «заставляет собирать с подданных подати и употреблять в работы не только более тяжкие, чем за ближайшею границей (польской – Е.Г.), но и превосходящие силы человеческие»³⁷¹. Такая острая формулировка была основана на глубоком знании П.И. Паниным и дворянской среды, и положения крепостных крестьян. Сам вотчинник, который жестоко подавлял Пугачевское восстание, но при этом, по оценке Д.А. Корсакова, «был всегда строго бескорыстен»³⁷², и, следовательно, чужд стремлению к неумеренной роскоши, резко высказывался об отношениях к крестьянам в дворянской среде, и о такой ее основе, определявшей материальное положение помещиков, как неограниченная власть помещика над крестьянами. Для предотвращения

³⁶⁹ Там же. С.269.

³⁷⁰ Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. С.301, 306, 308.

³⁷¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.13 // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1994. Кн.13. С.217. Архивное дело с мнением П.И. Панина, как сказано в описи, «отсутствует по ревизии 1924 г.». См.: РГАДА. Ф.12. Оп.1. Д.115.

³⁷² Русский биографический словарь. Павел преподобный – Петр (Илейка). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. С.247.

злоупотреблений в отношении крестьян со стороны помещиков П.И. Панин предлагал «составить примерное на все государство положение крестьянским для помещиков работам и податям», но «не для издания к содержанию того во всем государстве, но ради секретного предписания всем губернаторам». Если же крестьяне «побегут от помещика целыми селениями или семьями или возмутятся», то необходимы «команды для усмирения и сыску крестьян». Но также губернаторы должны будут расследовать причины крестьянского бегства или возмущения, «как эти помещики владели своими крестьянами». И если выяснится, что «помещики вышли из пределов умеренности», то принимать к ним меры. За «такими неумеренными помещиками» предлагалось «особо надзирать и о невоздержанных представлять Сенату». Барщинные работы Н.И. Панин, исходя из ситуации, предлагал ограничить четырьмя днями в неделю³⁷³. Появление такой записки свидетельствует об обеспокоенности сложившимся положением наиболее сознательной и дальновидной части дворянского общества и о стремлении найти какой-то выход из создавшегося положения при сохранении основ существующих отношений, поскольку иного общественного устройства они не представляли.

Близким является отношение к крестьянству и к крепостному праву выдающегося поэта А.П. Сумарокова. По оценке известного советского филолога Г.А. Гуковского, «мировоззрение Сумарокова было противоречиво». С одной стороны, он был против самой постановки вопроса об освобождении крестьян. Г.А. Гуковский приводил некоторые отрывки из ответа А.П. Сумарокова Екатерине II, согласно которому, «все дворяне, а может быть и крестьяне сами такую вольностью довольны не будут», и подчеркивал, что «помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят». Но при этом А.П. Сумароков считал, что и дворяне не имеют «никакого права видеть в крестьянах свою собственность». Дворяне имели при этом право на «прокормление» от своих крестьян, и обязаны были выступать, как излагал Г.А. Гуковский мысль дворянского публициста, для крестьян в роли начальников и судей. Но он решительно отрицал представление о крестьянах как о

³⁷³ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн.13. С.217, 218.

рабах господина. Поэтому, согласно Г.А. Гуковскому, А.П. Сумароковым выдвигалась «концепция смягченного крепостного права», и она исходила «из утопического, чтобы не сказать фантастического идеала мудрых, благородных, культурных дворян, якобы преданных интересам государства и народа»³⁷⁴. Такую сложность в воззрениях А.П. Сумарокова он объяснял его характером и положением среди «дикарей-дворян, чуждых культуре». А.П.Сумароков вовсе не верил в «особые качества» дворянской «голубой крови», и даже женился вторым браком на своей крепостной, «не боясь», как писал Г.А. Гуковский, «дворянского "общественного мнения"»³⁷⁵. Так в сознании А.П. Сумарокова решительный противник рабства сочетался со столь же решительным сторонником крепостного права.

Образцом, по оценке М.Т. Белявского, «формировавшейся антикрепостнической мысли в России»³⁷⁶, нашедшей выражение в его публицистике, является труд профессора-юриста С.Е. Десницкого «Представление о учреждении законодательной, судебной и наказательной власти в Российской империи», подготовленный ко времени работы Уложенной комиссии. Происходивший из мещанской среды украинского города Нежина³⁷⁷, он, тем не менее, может рассматриваться в качестве носителя идеологии просвещенного российского дворянства. Определялось это влиянием на сознание С.Е. Десницкого положений западной идеологии Просвещения, которую воспринимала определенная часть дворянства в России. Кроме того, положение в качестве профессора Московского университета давало ему право на получение чина по Табели о рангах, что вело к признанию за ним личного дворянства. Идейная близость к дворянству проявилась у С.Е. Десницкого в его Приложении № 1 к указанному сочинению. Так, он писал о крестьянстве как о части населения, находящейся в «нижнем роде», отделяя его от других частей с более высоким положением, причем ко второй части этого рода. Говоря «О учреждениях для

³⁷⁴ История русской литературы. В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т.3. С.369, 361.

³⁷⁵ Там же. С.353.

³⁷⁶ Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России. С.351.

³⁷⁷ Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. С.196.

крестьянства», он указывал, что все изменения в «пользу» крестьян «должны быть сделаны с крайнею осторожностью». Прежде всего, считал профессор, при этих изменениях следовало «ничего не учинить во вред помещиков, ниже подать крестьянству поползновения к непослушанию и дерзости». При этом было необходимо, отмечал он, чтобы введение новых учреждений в пользу крестьян, «единственно зависело от воли помещичьей». Вообще, таким образом, заметно, что московский профессор более всего боится «дерзостей, чинимых крестьянами» еще до Пугачевского восстания³⁷⁸. В том же, что касается улучшения положения помещичьих крестьян, то в этом приложении его предложения не идут далее требования «О прекращении некоторых злоупотреблений в отношении крестьянства», причем, как это видно, только «некоторых». К таким злоупотреблениям С.Е. Десницкий относил продажу крестьян без земли. «Противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам чинимые ныне продажи крестьян в розницу или хотя бы семьями, но без земель», – писал он. И продолжал: «какое жалкое позорище видеть граждан, скитающихся в недрах своего отечества и повинных всегда в новых и неизвестных им обитать жилищах, наконец, зреть их разлученных с их семьями»³⁷⁹. Отношение С.Е. Десницкого к такому явлению с морально-нравственной позиции выражено совершенно четко. Также С.Е. Десницкий полагал необходимым сокращение у помещиков количества дворовых людей, которых они держали «для услуг своих». Выход из такого сложного положения для дворян, привыкших окружать себя множеством дворовых слуг, профессор видел в том, чтобы помещик «набирал из крестьянства в дворовые» «сам, а не через поверенных», которыми были приказчики и управляющие. Брать из крестьян в дворовые следовало, писал он, «без удручения крестьянства и земледелия»³⁸⁰. Для этого считал С.Е. Десницкий, необходимо требовать то, чтобы «помещик повинен сделать утешение или

³⁷⁸ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т.1. С.319, 320.

³⁷⁹ Там же. С.320, 321.

³⁸⁰ Там же. С.321.

удовольствие той семье, от которой он принимает человека в дворовые»³⁸¹, поскольку крестьянская семья тем самым теряла необходимые для нее рабочие руки.

Таким образом, в воззрениях С.Е. Десницкого на крестьянство сочетались глубокое сочувствие его положению, осознание несоответствия такого положения началам человеколюбия, свободы и «прав человека и гражданина», что составляло политические и моральные идеалы Просвещения. Но, с другой стороны, правы исследователи, которые признают позицию его по крестьянскому вопросу весьма умеренной³⁸². Он стремился не затронуть интересы помещиков, связанные с использованием крепостного труда, а с его предложениями по улучшению положения крестьян могли вполне согласиться и некоторые дворяне.

Так, не случайно к августу 1771 г. относятся проекты указа Екатерины II о запрете продажи с аукциона крестьян без земли, «под опасением взыскания за неисполнение закона», причем за исполнением этого закона предписывалась следить «всем градоначальникам накрепко»³⁸³.

Совершенно очевидно, что С.Е. Десницкий, как и многие внимательные его современники, осознавал остроту крестьянского вопроса незадолго до крупнейшего народного восстания времени царствования Екатерины II, и стремился воздействовать своими предложениями на дворянство, чтобы ослабить непрерывно растущую социальную напряженность в государстве. В качестве меры, которая могла облегчить положение крестьянства и ослабить его недовольство, он предлагал изменения в налогообложении. С одной стороны, С.Е. Десницкий считал, что «принужденные подати, то есть подушный оклад, весьма нужно для разных причин сохранить»³⁸⁴. Но при этом было необходимо, указывал он, перенести центр тяжести налогообложения, как в Англии, на землю, такая мера не будет тяжелой для крестьян, и «располагается по количеству богатства граждан, и

³⁸¹ Там же. С.322.

³⁸² Штранге М.М. Указ. соч. С.197; Грацианский П.С. Десницкий. М.: Юрлит, 1978. С.84, 85.

³⁸³ Екатерина II. Избранное. С.499.

³⁸⁴ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. С.329.

что нижний род (т.е. крестьяне – Е.Г.) от сих податей свободен»³⁸⁵. Более решительные меры профессор Московского университета предложить в своем обширном и построенном на хорошем знании фактического материала труде не решался.

В своем сочувствии к крестьянству, которое проявлялось в его сочинении, С.Е. Десницкий был близок даже к главному идеологу дворянства и его аристократической части, первому среди дворянских публицистов, князю М.М. Щербатову, который в одном из приведенных выше выступлений в Уложенной комиссии очень резко высказался в отношении торговли крепостными людьми с морально-нравственных позиций. Со временем, однако, отношение князя к крестьянству и к крестьянскому вопросу изменилось достаточно резко под влиянием Пугачевского восстания, которое очень напугало и вызвало возмущение дворянства. В злодеяниях, проявлявшихся в ходе восстания, он обвинял не только непосредственных его участников из числа крестьян, но и всех крестьян вообще. По словам князя, не только виноваты «те, которые явными злодействами развратность свою оказали». Но также вина «и почти во всех других крестьянах, которые токмо ожидали случая подобные же преступления чинить». В том, что возмущение народа было очень велико, и крестьяне на территориях, не охваченных Пугачевским восстанием, готовы были участвовать в восстании, М.М. Щербатов был, конечно, прав. Но для него в его недатированных «Размышлениях о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений», написанных после этого восстания, события 1773-1774 гг. стали дополнительным и серьезным аргументом в пользу сохранения помещичьей власти над крестьянами. Более того, за это «почти, можно сказать, всеобщее преступление» крестьян, даже «если бы они и право имели к вольности и собственности, на немалое время их оного лишить». Причем, указывал он, они

³⁸⁵ Там же. С.328.

«если бы не были рабами», следовало «предать их в рабство, дондеже искоренятся злые семена из сердца их»³⁸⁶.

Для М.М. Щербатова была характерна определенная позиция по крестьянскому вопросу и на отношения крестьян с дворянством. В свете ее дворянство он оценивал, по словам Т.В. Артемьевой, не только как «политическую силу, противостоявшую неограниченной власти, но силу духовную и культуuroобразующую»³⁸⁷. Она отмечала, что князь «считал дворянство не "лучшим", а "особым" сословием»³⁸⁸, призванным и могущим «создать механизм, способный предотвратить сползание монархии в самовластие»³⁸⁹, служить государству на военной и государственной службе, а также правильно вести свое хозяйство, и вообще, создавать благоприятные условия для общественного развития. Каждое сословие при этом занимает свое место в обществе. Как отмечала Т.В. Артемьева, по мнению М.М. Щербатова, дворянин, «должен быть хорошим, образцовым хозяином, "отцом" и учителем своих крепостных»³⁹⁰. Пугачевское восстание, однако, показало, что выступать в такой роли дворяне способны далеко не всегда, что и становилось глубинной причиной массового прямого истребления дворян восставшими. В словах князя о необходимости рабства для крестьян заметно проявление общего дворянского страха перед народным возмущением, а также желание мести народу за пережитое. Эти мысли были близки дворянству, в определенной степени их могла разделять также Екатерина II, принявшая на себя во время восстания образ «казанской помещицы», в знак солидарности с дворянами Поволжья, где прокатилось восстание и происходили расправы крестьян с помещиками.

Слова М.М. Щербатова о крестьянах-рабах, которые, говоря словами А.С. Пушкина в отношении Петра I, у князя «вырвались» как «у нетерпеливого,

³⁸⁶ Щербатов М.М. Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений // Щербатов М.М. Избранные труды. С.146.

³⁸⁷ Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С.25.

³⁸⁸ Там же. С.28.

³⁸⁹ Там же. С.25.

³⁹⁰ Там же. С.28.

самовластного помещика», и были, «кажется, писаны кнутом»³⁹¹, совершенно, однако, не соответствовали идеалам Просвещения, которые автор «Размышлений» вполне разделял. Поэтому, очевидно, князь как бы спешил оправдаться перед просвещенным читателем, дворянином, своим единомышленником, и уверял читателя, что «подданные наши не суть в таком рабстве, как многие думают»³⁹², и что из-за собственности на людей вытекает ответственность. Он при этом обращал внимание, что собственность эта не полная, так как «у владельцев отнята» власть «над жизнью» крестьянина и «власть изувечить» его. И если сопоставить это заявление князя с одним из выступлений его на Уложенной комиссии, то, по-видимому, он был не против того, что у помещиков было отнято такое право, которое было у античных рабовладельцев. Что касается ответственности помещиков в отношении крестьян, то М.М. Щербатов указывал, что всякий душевладелец отвечает за неправомерные действия своих людей. К таким действиям относились «разбой, грабежи, кражи» и, вообще, всякие «наглости» со стороны крестьян. Также к этому относилось то, что помещик должен был «наблюдать о их благонравии», то есть по существу выполнять хотя бы частично полицейскую функцию. Также на помещика, писал М.М. Щербатов, ложились определенные материальные тяготы, связанные с крестьянами. Помещик должен был «в случае государственных недоимок на их подданных, платить своими деньгами». А также «во время неурожая подкармливать своих крестьян, и во всякое время не допускать их по миру шататься»³⁹³. Тем самым, по его уверению, крепостное право было не привилегией, но весьма тяжким грузом, который тяготел над дворянством, и который оно должно было нести в интересах общества и государства.

Вывод из всего этого М.М. Щербатов делал вполне в духе русского Просвещения, допускавшего сосуществование «рабства» с ответственностью дворянина за подвластных ему людей. Признавая факты существования «безумных, и самих себе злодеев помещиков», он считал, что искоренению их

³⁹¹ Пушкин А.С. История Петра I. Подготовительный текст // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1977. Т.8. С.303.

³⁹² Щербатов М.М. Размышления о неудобствах. С.177.

³⁹³ Там же. С.177, 178.

поможет «распространившееся просвещение разумов и чистое нравоучение», которые «укоротят нравы и смягчат сердца помещиков». Полностью в духе западноевропейской культуры своего времени он подчеркивал, что просвещение и распространение нравственности способно принести положительные результаты. Пример М.М. Щербатов видел в странах Европы, которые живут «среди благоустройства и милосердия», причем даже «просвещение проникло в самую сераль турецкого императора», но в то же время «Азия и Африка позорище бесчеловечья представляют»³⁹⁴, в отличие от просвещенной Европы. Мысль о принципиальных отличиях стран Европы от Востока и Африки, причем в лучшую сторону, как территории распространявшегося Просвещения и общественного прогресса была характерна для европейской общественно-политической мысли. В ней отражались интеллектуальные предпосылки зарождения в XIX в. основы понимания концепта «цивилизация». Заметна в этой связи надежда М.М. Щербатова, что Просвещение и нравственность способны будут обеспечить изменения и в России, если даже такие положительные изменения претерпела «Порта Оттоманская», которую в русской культурной традиции принято было всегда считать страной азиатской.

Таким образом, это позднее публицистическое произведение князя М.М. Щербатова было сложным и противоречивым с точки зрения заложенных в нем внутренних смыслов. С одной стороны, он допускал возможность наказывать крестьян и сохранять их рабское состояние за участие в восстании и в истреблении в ходе его дворян. Тем самым М.М. Щербатов, в отличие от А.П. Сумарокова, нисколько не стеснялся прямо говорить о рабском положении крестьянства как о чем-то вполне допустимом. С другой, он рассчитывал на смягчение нравов самих помещиков благодаря Просвещению и связанному с ним распространению в высших слоях общества представлений о ценностях нравственности человека, с распространением подобного представления не только на дворян, но и на крепостных крестьян.

³⁹⁴ Там же.

Данное произведение князя было написано уже через некоторое время после Пугачевского восстания. По горячим же следам этого события, 10 января 1775 г., была выпущена официальная «Сентенция» «во всенародное известие», имевшая силу императорского манифеста, «о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников». Поскольку это было «всенародное известие», то данный официальный документ приобретал значение публицистического текста, так как содержал исключительно актуальную информацию и выражал точку зрения властей на события. Причина восстания объяснялась в свете культуры Просвещения. Вызвано оно было появлением «бунтовщика, самозванца и мучителя Емельки Пугачева», «лютость и варварство» которого «Довольно уже всем известны». Своим «прельщением» Пугачев собрал вокруг себя тех, у кого была «мерзостная склонность ко всякому злодеянию», сначала прежде всего из числа яицких казаков, а затем тех, чья «простота» позволила поверить ему. Видя успехи предприятия, Пугачев «отважился ... объявить себя под высоким уже названием в Бозе почившего Государя Императора Петра Третьаго». Это, в свою очередь, отмечал М.М. Щербатов, позволило Пугачеву, «пользуясь простотою, умножать свою сволочь, нужную ему к разбойническим намерениям», и вообще, «обольщал он слабомысленных людей несовместными обещаниями». Но были и такие, «коих благоразумие обольщениям его верить не допускало»³⁹⁵. Таким образом, причиной восстания объявлялось появление, с одной стороны, Пугачева и других злодеев, а, с другой, «простота» людей, которая объяснялась их непросвещенностью и темнотой. К таким людям относились прежде всего крестьяне. Мысль вполне соответствует культуре Просвещения. Среди российских авторов еще В.Н. Татищев в своем «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» указывал что «никогда никаков бунт от благоразумных людей начинания не имел»³⁹⁶. Едва ли власть во главе с самой Екатериной II не понимала, что такое объяснение далеко не полное и что сами помещики в значительной мере виноваты в озлоблении крестьян и готовности их

³⁹⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т.20. С 1775 по 1780. № 11233.

³⁹⁶ Татищев В.Н. Разговор дву[х] приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные труды. С.89.

на восстание. Это дало повод для восстания, вылившегося на последнем своем этапе в крестьянскую войну. Но раскрывать все причины в условиях, пока восстание еще не было подавлено, для правительства было невозможно, дворянство не поддержало бы раскрытия всей правды о восстании, и это обстоятельство учитывалось в тексте сентенции.

Понимание дворянством причин тяжелого положения крепостных крестьян и своей ответственности за это, поскольку среди помещиков было немало «безумных» и просто «злодеев», известных в дворянской среде, не исключает того, что до А.С. Пушкина в общественной мысли пытались проанализировать причины восстания. Так, едва ли правильно указано, со ссылкой на труд советского литературоведа Г.П. Блока, что в вышедшем в Германии в 1783 г. описании событий Пугачевского восстания известным историком Г.Ф. Миллером на немецком языке, было выражено понимание того, что «причиной пугачевского восстания послужило крепостное право, приводящее к крестьянскому разорению»³⁹⁷. Г.П. Блок об указании Г.Ф. Миллера на такую причину восстания не писал. Наоборот, он отмечал: «Статья пропитана крепостнической идеологией. Режет ухо фальшивая приподнятость раболепного, "верноподданнического" тона в тех местах, где автор считает себя обязанным давать морально-политическую оценку изображаемых лиц и событий»³⁹⁸. Г.П. Блок указывал, что до середины восьмидесятых годов «за "дерзкие слова о Пугачеве" людей еще истязали в полицейских застенках», и приводит отсылки к некоторым следственным делам. При этом упоминание о Пугачеве заменяли «такой, например, формулой: "Емелька-казак и государственный злодей"»³⁹⁹. Все это не просто мешало сколько-нибудь серьезному анализу причин восстания в свете характеристики положения крестьян и отношений господ к своим крепостным, но вовсе исключало его. В том числе это относилось к публикациям за рубежом, в Германии, на немецком языке. Не случайно поэтому Г.П. Блок отмечал, что и сам Г.Ф. Миллер, историк весьма

³⁹⁷ Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. С.321.

³⁹⁸ Блок Г.П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С.94.

³⁹⁹ Там же. С.98.

осторожный, очень опасался опубликовать свою статью о Пугачеве и Пугачевском восстании до своей кончины в 1783 г., и, вероятно, просил, чтобы издатель А.Ф. Бюшинг не печатал эту статью при его жизни⁴⁰⁰.

Таким образом, по существу впервые со времени царствования Петра I, не говоря уже о более ранних периодах отечественной истории, вопрос о положении крестьян выдвигался на повестку дня. Рост податного гнета в связи с большими затратами военно-фискального имперского государства вел к крестьянской нищете, на что с тревогой указывал П.И. Ягужинский. Периодически возникавший в стране голод заставлял вновь возвращаться к крестьянскому вопросу, причем особенно активно при Екатерине II. Свое мнение по этому вопросу наиболее заметно высказывало дворянство в своих записках и в публицистических сочинениях. Крупнейшее в XVIII в. народное движение под предводительством Е.И. Пугачева показало, до какой степени остроты доведен этот вопрос в Российской империи и насколько актуальным является для дворянства выход из создавшегося положения.

В подходе к крестьянскому вопросу заметно противоречивое отношение дворянских авторов-публицистов. Они, с одной стороны, не высказывались против крепостного права, составлявшего основу их экономического благополучия. Но, с другой, не могли не воспринимать философию и культуру Просвещения и стремились в свете этой культуры обосновать свое положение в качестве душевладельцев, решительно выступая при этом против злодеяний со стороны помещиков по отношению к своим людям, а особенно против их чрезмерного отягощения государственными податями. Отмечалось при этом, что бедность крестьянства не только нежелательна для помещика, но и представляет опасность для государства.

Дворянские записки и публицистика по крестьянскому вопросу и по отношению к крепостному праву выявляли своеобразный синкретизм двух культур. С одной стороны, это традиционная российская помещичья культура,

⁴⁰⁰ Там же. С.99.

складывавшаяся со времени Московского государства и процесса юридического оформления крепостного права. С другой стороны, культура Просвещения, пришедшая с Запада, прежде всего из Франции, которая русских дворян в целом вполне устраивала, но которая несла идею «прав человека и гражданина», несовместимую с крепостным правом. В попытке подобного совмещения выразился такой своеобразный феномен культуры, как русское Просвещение, наглядно проявившее себя в записках и в публицистике дворянства второй половины XVIII в. В этом своеобразном культурном синкретизме в полной мере заметна прежде всего охранительная тенденция. В ней проявлялась не менее своеобразная культурно-историческая сущность русского просвещенного дворянина, крепостника, разделяющего, однако, некоторые идеи европейского Просвещения и подводящего теоретическое обоснование под существование крепостного права и свою власть над крестьянами.

3.2. Рабство, свобода, крестьяне и дворянство в русской литературе XVIII в.

Для русской художественной литературы тема отношений между дворянством и крестьянами, крепостного права и положения крепостных крестьян была новой. В советское время нередко при этом ссылались на слова, которые, если верить А.М. Горькому, В.И. Ленин сказал в этой связи о Л.Н. Толстом: «До этого графа подлинного мужика в литературе не было»⁴⁰¹. Замечание в целом справедливое. Образ «подлинного мужика», как в русской культуре традиционно называли крестьянина, представлял собой исключительную сложность ввиду необходимости учета соотношения в нем социального и культурно-исторического начала, конкретных особенностей в положении людей на разном правовом уровне дореформенного и пореформенного времени. А также учета начал, вызванных традициями общественного строя и многовековым опытом ведения индивидуального хозяйства, зависимостью от своего труда, а также внешних

⁴⁰¹ Горький М. В.И.Ленин // Горький М. Собр. соч. в 30 т. М.: Гослитиздат, 1952. Т.17. С.39.

культурных воздействий. Вместе с тем, если принимать во внимание данное высказывание В.И. Ленина, то следует иметь в виду, что образ «подлинного мужика» появился уже на уровне русской классической литературы второй половины XIX в. Такой образ выразился в качестве своеобразного итога в развитии отечественной культуры, когда постепенно народ становился центральным объектом исторического исследования российского прошлого и социологического исследования современного состояния русского общества, на который было направлено внимание отечественной общественной мысли, социальной и исторической науки, литературы и искусства. Но на пути к такому положению образ «мужика», то есть прежде всего крестьянина, прошел несколько этапов, в том числе и в литературе. Первым из этих этапов была литература XVIII в., затем сентиментализм рубежа XVIII-XIX вв., и, наконец, стадия критического реализма, в которой выделяется несколько подходов к характеристике крестьянского образа, в том числе созданных Л.Н. Толстым.

Таким образом, XVIII в. в истории русской литературы был временем, когда в ней появилась тема «мужика» и образы «мужика». Но все это в литературе того времени призвано было усиливать характеристики дворянских образов, которые были в центре внимания писателей, поэтов и драматургов эпохи Просвещения.

В социальной системе Российской империи второй половины XVIII в. дворянство и крестьянство связаны были исключительно тесно. Поэтому для уяснения дворянского отношения к крестьянскому вопросу, к крепостному праву следует учитывать экономическое состояние широких слоев дворянства. К таким слоям относятся не самые богатые и знатные, но дворяне, которые имели незначительное количество крепостных. По данным, приведенным И. де Мадариагой, подавляющее большинство помещиков на 1762 г., 82%, имели менее ста душ крепостных⁴⁰². К таким помещикам относился секунд-майор Булгаков, служивший в крепости Святого Дмитрия Ростовского. Судьба Булгакова известна из копии указа от 1784 г., поступившего в ответ на прошение его об отставке от

⁴⁰² Мадариага И.де. Указ. соч. С.139.

гарнизонной службы с награждением следующим чином. Документ содержит выписку из послужного списка 38-летнего секунд-майора, из которого известно, что он «немалое время службы был в походах», во время войны с Османской империей был под Бендерами и Очаковым, переходил Сиваш, затем под Балаклавой, а после войны несколько лет служил на Кубани, где формировалась новая укрепленная линия и происходили столкновения с черкесами. Из медицинского аттестата известно, что «имеет он у себя ... застарелую цынготную болезнь» и «частые геморроидические припадки». Он брал на себя обязательство перейти «на собственное его пропитание» и «впредь по отъставке о казенном пропитании просить не будет». Прощение Булгакова было удовлетворено, но без производства в следующий чин, поскольку, как объяснялось в документе, он получил следующий чин при переходе от полевой к гарнизонной службе. Таким образом, речи о выплатах какой-либо пенсии за службу не было. Но упоминалось сведение из послужного списка, согласно которому, «за нимъ мужеска полу 84 душъ»⁴⁰³, причем цифра 84 написана над строкой и выражена буквами кирилловского алфавита, поскольку и после внедрения в русскую письменность арабских цифр при Петре I буквенное выражение цифр встречалось как палеографический пережиток. Таким образом, государство отказывалось от обеспечения отставного офицера и перекладывало на его крепостных крестьян. В крепостных крестьянах и крепостном труде, таким образом, небогатые помещики могли видеть условие своего обеспечения в старости.

Безусловным сторонником сохранения крепостного права был А.П. Сумароков. Он затрагивал крестьянскую тему, которая в его поэзии, конечно же, занимает далеко не первое место, но присутствует. В ней содержится весьма положительный образ крестьянина, значение труда которого он вполне признавал. В своей «Эпистоле» его императорскому высочеству Павлу Петровичу на день его рождения 1761 г., А.П. Сумароков писал, что «Крестьянин, сея хлеб, трудится и не дремлет, К тому родился он и гласу долга внемлет». Но, если «Оратель дремлющий.

⁴⁰³ ГАРО. Ф.518. Оп.1. Д.43. Л.17-18. За указание на это дело в ГАРО благодарю Н.А.Мининкова.

Имея мысль лениву, Со небрежением посеяв семена», он с неизбежностью «Убыток понесет, утратя времена, Со небрежением одну испортит ниву»⁴⁰⁴. Знание А.П. Сумароковым внутренней жизни вотчины нашло отражение в сатирическом стихотворении «Хор ко мздоимству». В нем некий «крючкотворец», или мелкий чиновник, который «на взятки крюком целит», поступает также, как мелкий сельский управитель, подчиненный приказчику, некий «староста богатый», который живет, «Сельской насыщаясь платой»⁴⁰⁵. Как и следовало ожидать, А.П. Сумароков с исключительной резкостью высказывался о Пугачеве и Пугачевском восстании в двух стихотворениях 1774 г., «Станс граду Симбирску от Пугачева» и «Стихи на Пугачева». В «Стансе» он назвал Пугачева «Разин нынешний», и хвалил город Симбирск за то, что он «удалил» «древнего врага», имея в виду поражение разинцев под Симбирском в начале октября 1670 г. По отношению к Пугачеву в «Стансе» содержится немало интересных метафор. Пугачев – «варвар», который «не щадил ни возраста, ни пола», и так, как он, поступал «Пес ... бешеный что встретит, то грызет». Начало восстания было, согласно А.П. Сумарокову, подобно тому, как «на луг из блатистого дола Дракон, шипя, ползет». «Воображенье» современников Пугачев «тиранством превзошел». Все это соответствовало внутренней природе Пугачева, проявлявшейся с его ранних лет, поскольку, по словам А.П. Сумарокова, он «все мерзости и в силе быв и цвете, Во естестве нашел», сравнивает Пугачева «со баснословной гидрой», и вообще, считает, что он – «крокодил». Не менее ярко описаны участники восстания. Пугачев привлек к «себе людей безумных», среди которых было немало крестьян. Ряды этих людей, «не знающих никак нимало божества», он пополнил за счет «людей, пьянством шумных, Извергов естества». Все его действия были направлены, писал поэт, против дворян. Цель их истребления Пугачев видел в том, «Дабы подвергнути престола сим опору, Дворянство истребив»⁴⁰⁶. Свои «Стихи на Пугачева» он заканчивал словами: «Твоей (т.е. Пугачева – Е.Г.) подобья злобе нет. И не видал

⁴⁰⁴ Сумароков А.П. Избранное. Л.: Советский писатель, 1957. С.132.

⁴⁰⁵ Там же. С.278.

⁴⁰⁶ Там же. С.177. 178.

донныне свет Злодея, столь бесчеловечна»⁴⁰⁷. Пафос, которыми проникнуты эти два поэтических произведения А.П. Сумарокова, отражал дворянское отношение не только к предводителю народного восстания, но и к восставшим крестьянам, которых, по мысли поэта, на восстание привело безумие, безбожие и пьянство. Но при этом А.П. Сумароков решительно протестовал против тиранства помещиков. В стихотворении «Другой хор ко превратному свету», относившемся к 1762-1763 гг., А.П. Сумароков писал в виде положительного примера, что «за морем» «Со крестьян там кожи не сдирают, Деревень на карты там не ставят, За морем людьми не торгуют»⁴⁰⁸. По существу, где-то «за морем» А.П. Сумароков изобразил идеальное государство, в котором не было всех недостатков, существовавших во внутренней жизни Российской империи, в том числе в отношении крестьян. Он по существу выступал в жанре социальной утопии, смешанной с элементами тревелога, получившего распространение в эпоху Просвещения, да еще в наиболее сложной поэтической форме. Несколько позже аналогичное по жанру произведение, но в прозе, «Путешествие в землю Офирскую», было создано князем М.М. Щербатовым. Таким образом, в поэзии А.П. Сумарокова критика дворянских вотчинных практик, допуская торговлю людьми и проигрыш помещиками в карты целых деревень, сочеталась с крайне неприязненным отношением к народным восстаниям и к предводителю восставшего народа Е.И. Пугачеву.

Не все мыслители русского Просвещения, однако, уделяли теме положения крестьянства и крепостного права. В русской поэзии екатерининского времени она была по существу не разработана крупнейшим поэтом Г.Р. Державиным, в котором иногда видели предшественника А.С. Пушкина. Это даже при том, что сам Г.Р. Державин, проходя в то время службу в чине поручика, был участником подавления Пугачевского восстания. По словам В.Ф. Ходасевича, Г.Р. Державин вообще «вырос в глуши, воспитался в казарме, да на постоялом дворе, да в огне пугачевщины»⁴⁰⁹, и с крестьянством был, следовательно, знаком. И даже, если у

⁴⁰⁷ Там же. С.309.

⁴⁰⁸ Там же. С.280.

⁴⁰⁹ Ходасевич В. Державин. М.: Книга, 1988. С.76.

А.С. Пушкина были об этом обстоятельстве точные сведения, в одном селе Г.Р. Державин за попытку крестьян «соединиться с государем Петром Федоровичем» велел «двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек»⁴¹⁰. Этот поэт, хорошо знавший крестьянство и бывший прямым свидетелем восстания крестьян, тем не менее, крестьянскую тему не отразил в своем творчестве. У него специально о крестьянстве написано стихотворение «Крестьянский праздник», где описано, как «молодки с молодцами Под балалайками, гудками, С парнями, девками поют». Однако при этом Г.Р. Державин как бы напоминал, что наутро после праздника «Уж не влекитесь больше к пьянству, Здоровью вредну, христианству И разорительну всем вам; А в руки взяв серп, соху, косу, Пребудьте, не поднявши носу, Любезны богу, господам»⁴¹¹. Это стихотворение относится к позднему периоду творчества Г.Р. Державина и было написано в 1807 г., когда эпоха Просвещения уходила в прошлое, и когда крестьянская тема и тема крепостного права станут активно проникать в русскую поэзию.

К литературе относятся записки автобиографического характера, которые рассматриваются в качестве дворянских мемуаров. Исследователь подобных текстов конца XVIII – начала XIX вв. С.С. Минц отмечала, что в них по существу отсутствовала характеристика таких современников автора, которые стояли ниже их по своему социальному положению. Она указывала, что это напрямую относится и к изображению в них крестьян. Она отмечала также, что подобное отношение к людям, стоявшим ниже автора на общественной лестнице, представляло собой явление социальной психологии, «порожденной общественной иерархией феодального типа». Чаще всего, правомерно замечала С.С. Минц, внимание к нижестоящим людям проявлялось «в связи с нарушением привычного для мемуариста порядка вещей»⁴¹².

⁴¹⁰ Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1978. Т.7. С.152.

⁴¹¹ Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. С.387, 388.

⁴¹² Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.: Нестор, 1998. С.146.

Тем не менее, в сочинениях отдельных авторов крестьянская тема занимает место, хотя и незначительное. Более всего данная тема представлена в воспоминаниях известного дворянского автора А.Т. Болотова. По сведениям из Предисловия к изданию этого труда в журнале «Русская старина» М.И. Семева, автор писал его с 1789 по 1816 гг.⁴¹³ Согласно М.И. Семевскому, А.Т. Болотов, «почтенный автор этих записок», «есть полный представитель лучших людей прошлого столетия», в своих записках «не забывает и народ», в том числе «русского крестьянина»⁴¹⁴. Как просвещенный дворянин своего времени, А.Т. Болотов рассказывал о постановке на рациональную основу своего хозяйства и своих отношений с крестьянами не только в своем наказе приказчику, опубликованном в шестнадцатой части трудов Вольного экономического общества, но и в подробном описании своей жизни. Образец такого подхода он показал при описании организации своего хозяйства при переезде в небольшой город Богородск около Тулы. Организовал свой переезд он так, «чтобы расходы ... были умеренные». Для этого он «умножил ... при себе людей, перевезя их из своей деревни, нанял тут себе несколько казенной земли и заставил их пахать и засеять хлебом, дабы мне одного для содержания всего дома моего и заведенного тут же маленького скотоводства и птицеводства, без привоза из деревень моих было достаточно, и я не имел бы нужды ничего из грубой провизии для себя покупать»⁴¹⁵. В своем праве перемещать людей по собственной воле, отрывать их от привычного жизненного распорядка на старом месте жительства, А.Т. Болотов ни в малейшей степени не сомневался.

Как просвещенный дворянин, А.Т. Болотов старался выбирать наиболее рациональные способы действия в конкретных ситуациях, складывавшихся в жизни помещика. В одном из сел, по его словам, было распространено

⁴¹³ Семевский М.И. Предисловие // Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т.1. С.7.

⁴¹⁴ Там же. С.5.

⁴¹⁵ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т.2. С.1038.

«воровство»⁴¹⁶. Вообще на распространение воровства указывали разные дворяне, в том числе авторы наказов и инструкций приказчикам и управляющим. Как писал А.Т. Болотов в своих записках, когда у одного из крестьян украли лошадь, выяснилось, что сделал это пономарь. Зная, как благоприятно действует «строгость и скорое неупустительное наказание», он, «не долго думая, молодца, разложивши, выстегал плетьюми, как водится, не уважив нимало духовного его звания, которым вздумал было он отделаться»⁴¹⁷. Такие, по словам Н.Я. Эйдельмана, «жестокое, "феодалные" подвиги»⁴¹⁸ нисколько не соответствовали культуре Просвещения, они находились в рамках феодальной традиции. В то же время, учитывая реалии судебной системы Российской империи с ее волокитой, подобный поступок А.Т. Болотов считал в сложившихся условиях наиболее рациональной формой наказания. В данном случае проявились характерные черты русского Просвещения и русского просвещенного помещика. А.Т. Болотов поступал, на его взгляд, совершенно рационально, однако это была рациональность, которая существовала тогда, когда совершались в средневековье «"феодалные" подвиги», основанные на всевластии господина над всеми людьми в своей округе. В подобном поступке А.Т. Болотова характерные черты русского просвещенного дворянина выразились вполне. Он тем самым не только наказывал всех в своей округе за те или иные преступления, но и защищал подвластных людей от преступлений, в данном случае от такого распространенного, как кражи.

Тем более, это относилось к подвластным ему крепостным людям. Как писал А.Т. Болотов, его человек, столяр Кузьма Трофимович, «по ремеслу его очень нужный и надобный», но «пьяница прегорький». В дальнейшем к пьянству у него «присовокупилось еще и воровство», когда «пропить было нечего, то принялся он красть и все относил на кабак», вплоть до того, что «начала с скотского двора

⁴¹⁶ Там же. С.988. В данном случае А.Т.Болотов понятие «воровство» употреблял в новом смысле, как кража, но не как это было еще недавно, когда под воровством понималось государственное преступление. Понятие воровства как государственного преступления при Екатерине II при этом не исчезло.

⁴¹⁷ Там же. С.989.

⁴¹⁸ Эйдельман Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М.: Советский писатель, 1981. С.350. В данном случае Н.Я. Эйдельман употребил парфраз слов А.С. Пушкина о своем дедушке, Л.А. Ганнибале, который за связь с его женой «весьма феодально повесил на черном дворе» француза, бывшего учителя. См.: Пушкин А.С. Начало новой автобиографии // Пушкин А.С. Соч. в 10 т. Т.7. С.246.

пропадать скотина». Увещевания, как писал А.Т. Болотов, не помогали. После этого он своего пьяницу «не один раз ... секал, не один раз сажал в рогатки и в цепь», но держал его ради трех его сыновей, которые были дворовыми людьми, а один из сыновей был еще и «флейтраверсистом» в крепостном оркестре. Однако при очередном наказании отца за пьянство сыновья стали протестовать и угрожать господину. За это А.Т. Болотов велел с ними «как с злодеями ... поступить» и, «сковав, посадить их в канцелярии на цепь», поскольку оказались они «сущими злодеями, бунтовщиками и извергами», и им даже «вся дворня ужаснулась». Как просвещенный дворянин, он ставил себе в заслугу то, что он «секал очень умеренно и отнюдь не тираническим образом»⁴¹⁹. Но, как и все помещики, особенно после Пугачевского восстания, боялся крестьянского бунта, даже в форме самого примитивного протеста.

Тем более, что А.Т. Болотов был свидетелем завершающего акта Пугачевского восстания, которым была казнь Е.И. Пугачева, и описал это событие. По общему своему впечатлению от того, что он видел во время этой церемонии в Москве на Болоте, это было «истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем»⁴²⁰. А.Т. Болотов заметил, что «сей изверг» внешне не был похож на покойного императора Петра III, которого ему доводилось видеть на службе. Глядя на Пугачева перед казнью, он при этом думал: «До какого ослепления могла дойти наша глупая и легковерная чернь, и как можно было сквернавца сего почесть Петром Третьим!»⁴²¹. Сама по себе эта мысль свидетельствует о том, что даже просвещенные дворяне вроде А.Т. Болотова были очень далеки от понимания действительных причин и размаха массового народного движения в России в 1773-1774 гг., и пытались свести все причины к появлению злодеев и главного злодея, и к темноте и непросвещенности, в которой пребывала «чернь».

Поскольку А.Т. Болотов очень большое внимание уделял вопросам ведения своего хозяйства, то для его записок наличие крестьянских образов, весьма

⁴¹⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т.3. С.1018-1020.

⁴²⁰ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т.2. С.877.

⁴²¹ Там же. С.878.

различных между собой, не удивительно. Как внимательный хозяин, он понимал, что успешная хозяйственная деятельность зависит от крестьянского труда и писал о крестьянах.

В значительном своем большинстве в дворянских мемуарах и записках, как справедливо отмечала С.С. Минц, отношениям с крестьянами уделялось внимания мало, или вообще не уделялось. В воспоминаниях Е.А. Сабанеевой (Прончищевой) имеется вместе с тем характерная деталь, свидетельствующая о наличии своего рода патриархальных отношений в отдельных дворянских поместьях, имевших место во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Описывая поместье в сельце Даньково под Калугой, она указывала, что у местного барина «мужички забыли, что они крестьяне и рабы: ни крику, ни расправы не было в этом уголке Тарусского уезда»⁴²². Конечно, подобный случай не может рассматриваться как типичный. Указание на него Е.А. Сабанеевой вполне соответствует замечанию С.С. Минц, согласно которому дворянский автор мог писать о крестьянах только тогда, когда что-то выходило за пределы традиционного и привычного жизненного уклада.

Для просвещенного русского дворянина, между тем, традиционный хозяйственный уклад, основанный на использовании труда крепостных крестьян и на обслуживании барина крепостными слугами имел свое теоретическое обоснование, которое выражали в более мягкой форме А.П. Сумароков, а в более жесткой князь М.М. Щербатов. Заключался он в разнице между положением и обязанностями дворянина и крестьянина. Служба дворянина была понятием широким и включала в себя не только службу в армии, канцеляриях и при дворе, но и рациональное управление хозяйством и зависимыми людьми как службой, за которую дворянин получал как жалованье от государства, так и содержание от крестьян в виде выполнения барщинных работ и уплаты оброков. Уже обращалось внимание на то, как Г.А. Гуковский указывал на несовместимость данной умозрительной теории с реалиями жизни дворянства. Это порождало внутренний

⁴²² Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники. 1770-1838. СПб., 1914. С.17.

кризис в дворянской среде, между дворянами просвещенными и осознававшими свою жизнь как выполнение долга перед государством и обществом, и дворянами «дикими», знавшими свои права в отношении своих людей, но не признававшими обязанностей. На уровне социокультурного конфликта эти отношения были осмыслены в творчестве Д.И. Фонвизина.

Такое представление просвещенного дворянина о жизненном предназначении дворянства выразил Менандр, герой комедии «Корион», созданной Д.И. Фонвизиним как подражание французскому произведению, но с воспроизведением в нем реалий русской жизни. По словам Менандра, обращенным к своему товарищу, дворянину Кориону, «Ты должен посвятить отечеству свой век, Коль хочешь навсегда быть честный человек, Иль никуда тебя твой долг не призывает?»⁴²³. О дворянском долге и о тех помещиках, которые его забывали, говорил Стародум, просвещенный дворянин, герой другой, самой известной комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»: «Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю!»⁴²⁴ В «Недоросле» выведены образы честных дворян, это чиновник Правдин, офицер Милон и его любимая девушка Софья, при том, что, по справедливой оценке В.О. Ключевского, все они не более чем «благородные и просвещенные резонеры, академики добродетели». Это были, по его словам, «не столько живые лица, сколько моралистические манекены». Они являлись «ходячими, но еще безжизненными схемами новой, хорошей морали, которую надевали на себя, как маску»⁴²⁵. Несомненно, что эти образы менее яркие, жизненные и интересные для читателя, чем исключительно живые и сильные образы Митрофанушки и его родственников, диких и непросвещенных Простаковых и Скотининых.

Об отношении просвещенного дворянства к дворянам, не затронутым культурой Просвещения, выразился Андрей, умный слуга Кориона. По его словам, «Размножился у нас таких невежей род, Тут нельзя разобрать с крестьянами

⁴²³ Фонвизин Д.И. Корион // Фонвизин Д.И. Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т.1. С.28.

⁴²⁴ Фонвизин Д.И. Недоросль. С.153.

⁴²⁵ Ключевский В.О. Недоросль Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы) // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Соцэкгиз, 1959. Т.8. С.268.

господ! Иной из них, служа и телеси и духу, Во здравие свое до смерти гнет сивуху; Иной и день и ночь, пролив струями пот, Гонясь за скотом, и сам бывает скот; И лучшие из них равняются со пнями; Кто много хвастает своими деревнями, Считая то за верх блаженства своего, Чтоб ночь проспять, а днем не делать ничего»⁴²⁶. Не удивительно, что и в «Недоросле» Стародум и Правдин на Простаковых и Скотининых смотрят с высоты своей просвещенной культуры. Они решительно отвергают представление дворян непросвещенных в отношении своих крепостных людей. Так, на вопрос Скотинина: «Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?», Правдин отвечал: «тиранствовать никто не волен». А на недоуменное замечание Простаковой: «да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?» последовала насмешливая реплика Стародума: «Мастерица толковать указы!» Согласно комедии, правительством тиранство помещицы было пресечено, по словам Правдина, сказанным Простакову, «за бесчеловечие жены вашей» «дом» и «деревни» были переданы Правдину «в опеку»⁴²⁷. Такой исход комедии соответствовал требованиям целого ряда просвещенных дворян, выраженных в инструкциях и других создававшихся ими текстах.

Не только дворяне дикие и непросвещенные, вроде героев «Недоросля», но и часть дворян, поверхностно усвоивших культуру Просвещения, вызывали едкую и резкую критику Д.И. Фонвизина. Из этих образов наиболее ярким является бригадирский сын Иванушка из комедии «Бригадир», побывавший в Париже, усвоивший французский язык, но ничего серьезного не читавший. Показательна в этом отношении реплика просвещенной дворянской девушки Софьи. На слова Иванушки, что он, «кроме романов, ничего не читывал», она «в сторону» произносит: «Для того-то ты и дурак»⁴²⁸. На положение его в качестве такого дурака указывают и некоторые другие его реплики и замечания в комедии. «Педанты думают, ... что надо украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное так висит»⁴²⁹, – говорил

⁴²⁶ Фонвизин Д.И. Корион. С.9, 10.

⁴²⁷ Фонвизин Д.И. Недоросль. С.172.

⁴²⁸ Фонвизин Д.И. Бригадир // Фонвизин Д.И. Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т.1. С.49.

⁴²⁹ Там же. С.56.

Иванушка. Для таких дворян было характерно стремление к стяжательству и казнокрадству. Один из персонажей комедии «Бригадир», Советница, говорит о своем муже-чиновнике, что он «пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего»⁴³⁰.

Резко критически относился Д.И. Фонвизин, как и его единомышленники из числа просвещенных дворян, к той части дворянства, которая гордилась исключительно своим происхождением, но не имела ни заслуг перед обществом и государством, ни качеств, необходимых для честной службы. В одной из своих басен, «Кошка хвастает своим дворянством», он в морали, которой заключалась всякая басня, написал, что «знатность есть одна химера, и она без добродетели не заслуживает почтения»⁴³¹.

Творчество Д.И. Фонвизина, которое пользовалось большим успехом не только у современников, но и у потомков, выставило недостойных дворян в самом неприглядном виде, и утверждало идеи просвещенного дворянства. Какого-либо стремления к коренному изменению общественного устройства в его творчестве не прослеживается. Г.П. Макагоненко имел все основания для прямого заявления: «Рабство и крепостничество ненавистны Фонвизину»⁴³².

Такие люди эпохи Просвещения, как «Дворянин, – по словам фонвизинского Стародума, – недостойный быть дворянином», а также недостатки правления и власти получали еще более резкую оценку в журналах Н.И. Новикова в ходе борьбы за общественное мнение⁴³³. Журналу «Всякая всячина», издававшимся секретарем Екатерины II С.Г. Козицким, для публикаций которого была характерна легкая критика отдельных недостатков людей, противостоял журнал Н.И. Новикова «Трутень». Оба журнала издавались в 1769-1770 гг. Затем в течение кратковременного периода издавались журналы Н.И. Новикова «Пустомеля»

⁴³⁰ Там же. С.55.

⁴³¹ Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. Т.1. С.362.

⁴³² Макагоненко Г.П. Радищев и его время. С.253.

⁴³³ История русской журналистики XVIII-XIX веков. Под ред. проф. А.В. Западнова. М.: Высшая школа, 1973. С.39, 40.

(1770), «Живописец» (1772), «Кошелек» (1774). В этих журналах с резко критических позиций подавались узнаваемые современниками дворянские образы.

В четвертом листе «Трутня» от 19 мая 1769 г. было выведено несколько типов таких дворян, которые искали «порожнее место» по службе, «которое в год две тысячи рублей безгрешного приносит дохода». Об одном из кандидатов сказано, что «все достоинство того молодца в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам», а сам он «без разума, без науки, без воспитания». Второй дворянин не имел знатных родственников, «Поведения доброго, разума хотя и не пылкого, однако наукою подкрепленного», служил, «исполняет свою должность с прилежностію», «из подвластных себе наказует только винных, крестьян своих не грабит, живет не роскошно». Третий «человек подлой», так как «по наречению некоторых глупых дворян» происходил «от добродетельных и честных ... мещан», учился и знает науки, «защитник истины, помощатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши», успешно воевал и был ранен. Продолжать службу в армии ему не позволяло здоровье. И после этих характеристик Н.И. Новиков задавал риторический вопрос читателю: «угадай, глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелью награждаются?»⁴³⁴ Читатель, знакомый с российскими порядками, вполне догадывался, что место должен получить знатный, но недостойный этой должности дворянин. В журнале высмеивалась практика, когда «чин» дается не по уму, а также чиновничье раболепие перед начальством⁴³⁵.

Вполне узнаваемыми были образы отдельных дворян. Например, Змеян из шестого листа журнала от 2 июня, «человек неосновательный». Но, главное, он «был тираном своим служителям», делал с ними так, чтобы «они и взора его боялись, чтобы они были голодны, наги и босы, и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании»⁴³⁶. Образы таких помещиков, как «ябедники, обидчики и грабители» были в листе седьмом от 9 июня «Трутня» выведены в образах дворян Вертяевых⁴³⁷.

⁴³⁴ Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С.56. 57.

⁴³⁵ Там же. С.48.

⁴³⁶ Там же. С.61.

⁴³⁷ Там же. С.65.

Свое право на критику власти просвещенный дворянин стремился защищать решительно. В листе восьмом «Трутня» от 16 июня содержался ответ журналу «Всякая всячина», где говорилось, что «Всякая всячина» «уничтожает» предыдущий номер «Трутня». В ответе при этом подчеркивалось, что, вообще, «уничтожить» «есть слово, самовластия свойственное»⁴³⁸. Ответ был весьма сильный, поскольку, как было известно, в политической литературе эпохи Просвещения между монархией и самовластьем делалось различие⁴³⁹, а Екатерина II подчеркивала, что ее монархия не является самовластным правлением и не имеет ничего общего с тиранией. Поэтому прямое обвинение в методах самовластного правления, которое содержалось в этом ответе, означало критику уже не отдельных непросвещенных помещиков или тиранов своих крепостных людей, но критику самого государственного строя Российской империи.

Еще более решительную критику современного состояния государства и общества, доходившую до уровня социального анализа, развернул Н.И. Новиков в журнале «Живописец». В материале из листа пятого он подчеркивал: «Бедность и рабство повсюду встречались со мною во образе крестьян», и далее описывал конкретное состояние деревень, которые он встречал. Проводя расспросы в деревнях, он, «слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною»⁴⁴⁰. В листе четырнадцатом Н.И. Новиков показал впечатляющую картину барщинной эксплуатации. По барской прихоти, крестьяне, пока стоит «ведро», спешили убрать хлеб на господской пашне, и надеялись, что «милостивый спас» даст еще хорошую погоду, чтобы убрать свой хлеб. Такой распорядок определялся словами барина, согласно которым следует «сперва всегда» убирать господский урожай, а «со своим», считал барин, «итак вы поскорее управитесь»⁴⁴¹.

В листе тринадцатом Н.И. Новиков отмечал, что листы «Живописца», где объектом критики выступали дворяне, «преимущество свое во зло

⁴³⁸ Там же. С.69.

⁴³⁹ Щербатов М.М. Разные рассуждения о правлении // Щербатов М.М. Избранные труды. С.29.

⁴⁴⁰ Сатирические журналы Н.И. Новикова. С.295.

⁴⁴¹ Там же. С.331.

употребляющие», пользуются одобрением дворян, «украшенных добродетелью и знающих человечество»⁴⁴². В этой связи совершенно справедливо отмечал историк конца XIX – начала XX вв. В.Е. Якушкин, что на современников Н.И. Новиков «производил сильное впечатление», причем «смелая и благородная сатира Новикова могла действовать на читателей самым возбуждающим и возвышающим образом»⁴⁴³. «Самыми мрачными красками изобразил "Живописец" грубые пороки этой жизни», отмечали литературные критики А.И. Незеленов и Н.Н. Булич, которые отнесли к таким порокам «глубочайшее невежество и суеверие, ханжество и внешнее благочестие, жадность, дикий произвол»⁴⁴⁴. Замечание совершенно справедливое. По сравнению с другими просвещенными дворянами, критиковавшими отдельные недостатки дворянства в целом, в том числе тиранию некоторых помещиков по отношению к своим людям, Н.И. Новиков сделал определенный шаг вперед и позволил себе уже критику верховной власти, заявляя, что уничтожение номера «Трутня» есть прямое выражение самовластья.

В пятом листе из второй части «Живописца» Новиков привел впечатляющую картину крестьянского разорения описанием деревни, названной им Разоренная, через которую он будто бы проезжал. У крестьян он видел «бедные развалившиеся хижины», как будто бы «оставленное человеками селение». «Заразительный дух всякой нечистоты» исходил от избы, к которой подошел этот путешественник. Слышно было только «жужжание бесчисленного множества мух» и «воплъ трех оставленных младенцев». Один из них «не только что посинел, но и почернев был уже в руках смерти». Третий «был распеленан, множество мух покрывали лицо его и тело и немилосердно мучили сего ребенка». Путешественник, оказав помощь младенцам, «спешил подать помощь себе: тяжкой запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оной». На вопрос, «где хозяева того дома», «извозчик ответствовал, что все крестьяне и крестьянки в поле». Затем, писал Н.И. Новиков, подошли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет, «босиками, с

⁴⁴² Там же. С.328.

⁴⁴³ Якушкин В.Е. Очерк жизни и деятельности Новикова // Покровский В.И. (сост.). Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения: сб. ист.-лит. статей. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. С.7.

⁴⁴⁴ Незеленов А.И., Булич Н.Н. Общее содержание «Живописца» // Покровский В.И. (сост.). Указ. соч. С.348.

раскрытыми грудями и в одних рубашках». Они «столь были дики и застрашены именем барина, что боялись подойти к моей коляске». Извозчик сказал, что этот барин добрый, и «пожалует вам на лапти». Но когда увидели, что «на этом барине красный кафтан», то страшно испугались, решив: «это никак наш барин ... он нас засечет». И далее Н.И. Новиков обращался к дворянству: «Вот плоды жестокости и страха, о вы жестокосердые господа! вы дожили до того несчастья, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей»⁴⁴⁵.

Несравненно более развернутая критика дворянства и крепостных порядков давалась в книге А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Первым критиком этой книги была Екатерина II, которая, если доверять сообщению от 7 июля 1790 г. ее статс-секретаря А.В. Храповицкого, заявила, что автор книги – «бунтовщик, хуже Пугачева»⁴⁴⁶. По мнению А.С. Пушкина, А.Н. Радищев был из числа дворян, которые усвоили идеи Просвещения, но неглубоко. А.Н. Радищев был, по его словам, «истинный представитель полупросвещения»⁴⁴⁷. Данное замечание не представляется вполне справедливым, при том, что вообще, вне связи с А.Н. Радищевым, понятие «полупросвещения» весьма удачное. Но, признавая его «Путешествие» книгой не весьма высокого уровня, А.С. Пушкин вполне отдавал дань выдающейся личности ее автора, «преступника с духом необыкновенным, политического фанатика, заблуждающегося, конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарской совестью»⁴⁴⁸. Как подчеркивал П.Н. Милюков, «у Радищева были "общники" и была симпатизирующая ему аудитория, довольно значительная по тому времени», и имел место интерес к книге А.Н. Радищева «купцов и мещан»⁴⁴⁹. По оценке Г.В. Плеханова, А.Н. Радищев «выступил, как последователь французских революционеров», и еще до «Путешествия» «довольно полно и последовательно изложил в печати свои революционные взгляды»⁴⁵⁰. Мысль Г.В. Плеханова о

⁴⁴⁵ Сатирические журналы Н.И. Новикова. С.296, 297.

⁴⁴⁶ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. М.: Союзтеатр, Глав. ред. театральной литературы, 1990. С.227.

⁴⁴⁷ Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. С.194.

⁴⁴⁸ Там же. С.191.

⁴⁴⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т.2. С.442.

⁴⁵⁰ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.22. С.355.

революционных взглядах А.Н. Радищева была принята советскими историками⁴⁵¹. Авторы очерка «Общественно-политическая мысль» из более поздних «Очерков русской культуры XVIII в.» М.Т. Белявский и Л.Г. Кислягина назвали А.Н. Радищева «наиболее радикальным мыслителем XVIII в. не только среди представителей русской, но и тогдашней мировой общественно-политической мысли»⁴⁵². Они видели в творчестве А.Н. Радищева «черты усиления демократических и революционных тенденций», но остановились перед прямой характеристикой мыслителя в качестве революционера. Прямую характеристику А.Н. Радищеву давал Г.П. Шторм. Он, в отличие от некоторых других авторов, подчеркивал, что свои революционные воззрения А.Н. Радищев сохранил и после ареста и ссылки, несмотря на дальнейшие события. «Ни террор Робеспьера, ни приход к власти Бонапарта в начале нового века не убили революционных и просветительских надежд Радищева», – писал он. Но при этом замечал, что эти последующие события «опечалили его безмерно»⁴⁵³. Несколько ниже Г.П. Шторм уточнял: А.Н. Радищев «был всей душой с революцией, пока она сокрушала "железные двери призраков" ("обожествленных" монархов), подвергала в прах чтимых на земле "идолов" и создавала новый мир». Но когда в ходе революции «катились головы не только феодалов, нуворишей, спекулянтов, но и парижских санкюлотов», он такую революцию не принимал⁴⁵⁴. Современный исследователь М.Б. Лавринович уточнял, в чем состояла революционность А.Н. Радищева, и указывал, что он «первым в печатном сочинении непосредственно связывает самодержавие и деспотизм»⁴⁵⁵. Замечание представляется совершенно справедливым. И если в «Трутне» Н.И. Новикова аналогичная мысль была выражена очень осторожно и в связи с конкретным случаем уничтожения номера этого журнала, то у А.Н. Радищева она прозвучала напрямую, более резко.

⁴⁵¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. С.491, 492, 494.

⁴⁵² Очерки русской культуры XVIII в. Ч.3. С.183, 211.

⁴⁵³ Шторм Г.П. Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М.: Художественная литература, 1974. С.375.

⁴⁵⁴ Там же. С.378.

⁴⁵⁵ Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. С.179.

Идея тесной связи между народным угнетением и самодержавной властью прослеживается у А.Н. Радищева уже в оде «Вольность». В оде, написанной через семь-десять лет после «Трутня» и «Живописца», источником зла показывается уже не какой-нибудь Змеян, Злорад или Трифон Панкратьевич, но непосредственно носитель высшей власти в государстве. По-своему он выражал сущность этой власти: «Чело надменное вознесши, приняв железный скипетр, царь, На громном троне властно севши, В народе зрит лишь подлу тварь, Живот и смерть в руке имея»⁴⁵⁶. А.Н. Радищев с большой поэтической силой выразил мысль зарождавшейся в эпоху Просвещения социальной и политической науки о бесперспективности общества с существовавшим в нем рабством. В эпоху, когда была сформулирована идея исторического прогресса и связанной с ней «надежды на улучшение состояния человеческого рода»⁴⁵⁷, такая мысль была очень чувствительна для общества, стремившегося к усвоению западной культуры. Как писал А.Н. Радищев, «Покоя рабского под сенью Плодов златых не возрастет; Где все ума претит стремленье, Великость там не прозябет»⁴⁵⁸. Не различая, таким образом, монархии и тирании, как это было принято среди просвещенных дворянских авторов, А.Н. Радищев как бы призывал к суду над тиранами. «Преступник, изо всех первейший, Предстань, на суд тебя зову»⁴⁵⁹, – обращался он, но уже не только к тиранам, но и ко всему обществу, живущему в условиях тирании.

Тема тиранической власти не только помещиков, но и государства, в отношении крестьян наиболее остро проявилась в его «Путешествии». Слова эпитафия: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лай»⁴⁶⁰ в отношении крепостного права говорили сами за себя. На описание мыслителем положения крепостных крестьян уже не раз обращалось внимание исследователями. Вызывает особый интерес описание А.Н. Радищевым своеобразной крестьянской

⁴⁵⁶ Радищев А.Н. Вольность // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М., 1938. Т.1. С.4.

⁴⁵⁷ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936. С.221.

⁴⁵⁸ Радищев А.Н. Вольность. С.4.

⁴⁵⁹ Там же. С.8.

⁴⁶⁰ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т.1. С.227.

рациональности в главе «Любани». В разговоре с крестьянином автор узнал, что он не работает на барина так же, как и на себя: «грешно было бы также работать», – отвечал крестьянин. «У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две, для семи ртов»⁴⁶¹. Так же, как рациональный просвещенный помещик стремится поставить эксплуатацию крестьян на рациональную основу, так и рационально поступающий крепостной ставит на такую же основу свой принудительный труд на барщине. Недавнее Пугачевское восстание напоминало читателю описание тирании в отношении крестьян помещика, названного по чину в отставке Ассессором, и его семьи в главе «Зайцово». А.Н. Радищев в этой связи замечал: «Русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость». В результате помещик и его сыновья были убиты разъяренными крестьянами⁴⁶². Специально останавливался А.Н. Радищев на вопросе о влиянии рабства на сознание русского общества. В главе «Хотиллов» он писал, что «нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны, родится надменность, а с другой робость»⁴⁶³. Особенно беспокоила его привычка к рабству самих рабов. Он замечал, что «дух свободы, толико в рабах изсякает, что не токмо не желают скончать своего страдания, но тягостно им зреть, что другие свободствуют»⁴⁶⁴. По существу, это свое весьма тонкое и точное социально-психологическое наблюдение А.Н. Радищев сделал на основании своих наблюдений за жизнью российского общества, за отношением к сложившимся условиям крепостной действительности значительной части народа, и за самими господами, привыкшими к сложившейся реальности.

Представления А.Н. Радищева о тесной связи между тиранической властью, крепостным правом и несвободой народа выразились в его воззрениях на политический строй государства в главе «Новгород». Рассматривая «поступок Царя Ивана Васильевича по взятии Новгорода», он писал, что жестокость его в

⁴⁶¹ Там же. С.233.

⁴⁶² Там же. С.472-475.

⁴⁶³ Там же. С.319.

⁴⁶⁴ Там же. С.320.

отношении города была вызвана «сопротивлением сея республики», и поэтому «сей гордый, зверский но умный властитель хотел ее разорить до основания». Такое желание возникло потому, что «умный» властитель, на взгляд А.Н. Радищева, понимал, что существование «республики» стоит на пути его самовластья, то есть «умный» он был только с точки зрения защиты своих политических интересов. Кроме того, в главе «Новгород» А.Н. Радищев допустил смешение двух государей с именем Иван Васильевич, Ивана III, при котором в 1471-1478 гг. произошло присоединение Новгорода к Московскому государству, и Ивана IV Грозного, при котором в 1570 г. произошел разгром Новгорода опричниками. Он в этом рассказе ставил важную проблему с точки зрения философии права. По его словам, «право» царя «присвоить Новгород» объяснялось его силой, а право народа на свою свободу может быть защищено только тогда, когда для этого есть необходимая сила⁴⁶⁵. Во всяком случае, А.Н. Радищев отдавал предпочтение республиканскому строю Новгорода по сравнению с московским самовластьем и монархией. Но он считал, что для защиты этого строя необходима сила, которой не было у новгородцев, и они поэтому не смогли защитить свои исторические вольности, отстоять республиканские порядки под натиском московского самодержавия. Это позволяет говорить об А.Н. Радищеве как о республиканце, и, следовательно, как о первом в российской истории революционере. Сам А.Н. Радищев при этом, по замечанию Г.П. Макогоненко, вполне осознавал историческое значение появления новой идеологии в России как идеологии революционной, и поэтому посчитал необходимым «ввести в число персонажей своей книги "новомодного стихотворца", автора оды «Вольность», то есть самого себя»⁴⁶⁶.

Таким образом, крестьянская тема и первые образы «мужика», которым в XVIII в. был крепостной крестьянин, появились в русской литературе еще в эпоху Просвещения. В ней выражались взгляды просвещенного и непросвещенного дворянства на положение крестьян, на связь между государственным строем

⁴⁶⁵ Там же. С.261.

⁴⁶⁶ Макогоненко Г.П. Радищев и его время. С.478.

самодержавной монархии и крепостным правом, на отношение помещиков со своими людьми и на рациональные основы этих отношений. В крестьянской теме четко проявились разные точки зрения. Для большинства просвещенных дворянских авторов не было сомнения в необходимости сохранения существовавших порядков, основанных на самодержавии и крепостном праве. Но при этом тиранию в отношении крепостных людей, как подчеркивали эти авторы, оправдать было невозможно. Тиранические методы правления в своих поместьях, как они писали, допускали только помещики, недостойные дворянского звания. Среди таких помещиков выделялись «дикие» тираны вроде героев комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». При этом восстание народа под предводительством Е.И. Пугачева просвещенными дворянскими авторами резко осуждалось, восставшие изображались в виде тиранов и извергов. Значительно более резкие осуждения в адрес помещиков и крепостного строя звучали в сатирических журналах Н.И. Новикова, пользовавшихся популярностью. В сочинениях А.Н. Радищева выступала не только критика крепостного права и помещиков, но и революционная и республиканская идея, с самым резким и непримиримым отношением к самодержавию. Народный протест против произвола помещиков, в том числе убийство самых жестоких дворян своими крестьянами, А.Н. Радищев полностью оправдывал и поддерживал, его не смущали при этом ужасы, пережитые дворянством Поволжья и самой самодержавной Казанской Помещицей во время Пугачевского восстания.

Отношение среди просвещенных дворян к крепостному праву и крестьянскому вопросу, выраженное в литературных произведениях, дает основание для выделения определенных культурно исторических типов среди просвещенного российского дворянства второй половины XVIII в., а также среди части российского дворянства, которую невозможно было отнести к общественному слою, затронутому культурой Просвещения.

3.3. Крестьяне и дворянские характеры в эпистолярном наследии

«В письме я есмь», – так назвала свою монографию современный исследователь эпистолярной культуры в России XIX в. Н.В. Сапожникова⁴⁶⁷. Название представляется весьма удачным. Оно содержит мысль о прямом выражении в письме индивидуальных особенностей характера его автора, а также, в случаях, когда письмо носит личный характер и представляет собой эго-документ, оно также может отражать характер и особенности адресата, которому оно направлялось. В дворянских письмах эпохи Просвещения затрагивались разные темы, в зависимости от цели их написания, в том числе это касалось темы, относящейся к ведению хозяйства и к крестьянам. Сами эти письма могут быть условно разделены на две части. В одних из них затрагивались конкретные вопросы отношений с управляющими, приказчиками, старостами и крестьянами и ведения хозяйства. Но в некоторых из писем поднимались вопросы большой общественной значимости. По объему переписки эти группы далеко не равнозначны. Дворянских писем, специально посвященных большим общественным проблемам, было значительно меньше, что вообще-то не случайно, поскольку людей волнуют прежде всего жизненные заботы. Но то, что они вообще появились, составляет существенную особенность эпохи Просвещения, в которой представление о человеке как об общественно значимой личности, мнение которого способно оказывать какое-то влияние на какие-то слои общества, сделало существенный шаг вперед. Развитие эпистолярной культуры, в которой поднимались не только частные вопросы, но и актуальные вопросы общественной значимости, составляло один из самых очевидных признаков формирования человека раннего нового времени, человека новой культуры.

Вопрос о положении крестьян и о крепостном праве как проблема большой общественной значимости был поднят в частных письмах известного ученого и дипломата второй половины XVIII в. князя Д.А. Голицына. Письма направлялись

⁴⁶⁷ Сапожникова Н.В. «В письме я есмь»: жизнь и философско-антропологическая судьба эпистолярного дискурса «русского» XIX века. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2006.

родственнику, дипломату и вице-канцлеру А.М. Голицыну. Автор знал, что с его письмами А.М. Голицын знакомил Екатерину II, которая ставила пометки на полях⁴⁶⁸. Поэтому было очевидно, что Д.А. Голицын стремился к тому, чтобы эти письма повлияли на проведение политики в отношении вопроса о положении сельского хозяйства, о дворянских доходах, а также о состоянии самих крестьян. Д.А. Голицын в письме от 1765 г. прямо заявлял об «отсутствии власти, которая защитила бы крестьянина от тирании русского помещика». При таком положении, Д.А.Голицын, «невозможно было бы осуществление малейшей меры относительно земледелия, искусств, ремесел и денежного обращения или внутренней торговли»⁴⁶⁹. Заявление в письме было совершенно справедливое и, как считал Д.А. Голицын, для императрицы, которая только начинала свое царствование, оно могло помочь ей и послужить в качестве идеи, которая будет способствовать толчку к проведению необходимых для государства и общества реформ. Вместе с тем князь предупреждал о сложностях при проведении таких реформ. По его словам, «истинно полезное укореняется прочнее, когда его принимает сам народ, а не тогда, когда его вводят путем приказания». Данное утверждение наглядно свидетельствовало о том, что как экономист и мыслитель Д.А. Голицын довольно далеко выходил за рамки идеологии Просвещения, согласно которой состояние общества зависит от принятия просвещенным правителем, абсолютным монархом, хороших законов. Еще более важно, считал он, чтобы новые законы и реформы были приняты народом. По его словам, «чем это принятие добровольнее, тем более можно рассчитывать на прочность установившегося обычая»⁴⁷⁰. Такая мысль более отвечала культуре эпохи романтизма, но не Просвещения с основой на философии рационализма, которая, по мнению историка экономической мысли П.И. Новгородцева, будто бы «отрицает все историческое». «Чтобы обладать жизненным значением», правовые нормы «должны иметь корни в

⁴⁶⁸ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. С.552.

⁴⁶⁹ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.2. С.35.

⁴⁷⁰ Там же. С.33.

действительности и хотя бы частично проявляться в истории»⁴⁷¹, – писал П.И. Новгородцев. Но на пути к тому, чтобы необходимые реформы были приняты народом, стояло состояние самого народа, под которым князь понимал дворянство, и которое, по мнению Д.А. Голицына, не было готово к принятию реформ. Для этого необходимо было его подготовить, то есть создать предварительные условия. Таким необходимым условием он считал пример, который могла подать русским помещикам «сама ее величество государыня». По его мнению, «чудесного действия» можно было добиться, если государыня «дарует своим (т.е. дворцовым – Е.Г.) крестьянам собственность», причем «не упоминая даже о землях, нам, господам, принадлежащих». Примеру императрицы, считал он, последовали бы дворяне. Несомненно, что данная часть была явно рассчитана на Екатерину II. Предложение Д.А. Голицына императрицей не было поддержано. Она написала на полях письма: «Еще сомнительно, чтобы пример (самой императрицы – Е.Г.) вразумил наших соотечественников и увлек их за собою; это даже маловероятно»⁴⁷². В этом отношении императрица была все-таки права. Даже если бы она и решила даровать «своим» крестьянам собственность, это едва ли было бы воспринято помещиками как пример, достойный подражания.

Д.А. Голицын в своем письме уверял дворян в прямой невыгодности для них барщинной эксплуатации крестьян как самой тяжелой ее формы, задавая в письме риторический вопрос: «Разве наши оброчные деревни не богаче барщинных?»⁴⁷³. Кроме перевода крестьян на оброк, Д.А. Голицын считал необходимым обеспечение крестьян собственностью, в том числе не только движимой, но и недвижимостью. По его словам, «собственность рождает уверенность и спокойствие духа». Положительными последствиями он также считал, что от собственности «развивается любопытство», и тем самым, в свою очередь, цитировал Д. Юма, который писал, что наличием у человека собственности «порождается всякого рода знание в искусствах, торговле и науках». Но особенно,

⁴⁷¹ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. С.16.

⁴⁷² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.2. С.33.

⁴⁷³ Там же. С.34.

подчеркивал князь, самым главным следствием стала бы «привязанность народа к государю», из этого возникла бы «любовь, основанная на признательности к виновнику благосостояния»⁴⁷⁴. Эти строки не были способны убедить Екатерину II, которая уже к 1765 г. хорошо уяснила настроения дворянства. При сопоставлении необходимости для сохранения власти поддержки дворянства или усвоенных ей просветительских идеалов она стала на почву реальности и отдала предпочтение учету интересов дворянства⁴⁷⁵.

Тем не менее, хорошо осознавая как ученый, насколько сложно проводить нужные и принципиальные изменения в условиях традиционного существования государства и общества, князь Д.А. Голицын настойчиво продолжал в своих письмах делать попытки убеждения в необходимости подобных перемен. В письме 1767 г. он поставил вопрос о необходимости упразднения в государстве «рабства». Повод для этого был ему дан в Дании созданием по королевскому указу комиссии с целью ликвидации рабства, которое имело место еще в отдельных частях этого королевства. В Дании, писал он, этого «искренно желали друзья отечества и человечества, равно как и просвещенные люди». Тем самым он проводил мысль, согласно которой к ликвидации рабства стремилась патриотически и гуманистически настроенная просвещенная часть общества. Князь понимал трудности на этом пути. Поэтому он осознавал, что «современное положение России неблагоприятно такому нововведению». Чтобы успешно провести его в жизнь, отмечал Д.А. Голицын, «разумный и просвещенный законодатель должен наблюдать и выжидать время и обстоятельства, чтобы дать своему предприятию почву твердую и наименее сомнительную». Следует, считал он, беречься «как от неумеренной поспешности, так и от излишней медлительности». Он при этом прямо обращается к императрице, зная, что его письма А.М. Голицыну доходят и до нее. Он писал, что инициатива в деле отмены крепостного права в Российской империи должна выходить от высшей власти. Такая отмена, по мнению Д.А. Голицына, должна начаться с того, что «великий шаг сделает государыня и тем,

⁴⁷⁴ Там же. С.35, 36.

⁴⁷⁵ Цвєрава Г.К. Дмитрий Алексеевич Голицын, 1734-1803. Л.: Наука, 1985. С.58.

если решит невозвратно о необходимости такой перемены для блага государства и установит ряд мер для осуществления оной в будущем»⁴⁷⁶. И если государыня пойдет на это, то на уничтожение в стране рабства можно будет вполне рассчитывать.

В письме Д.А. Голицына 1770 г. между князьями Д.А. Голицыным и А.М. Голицыным отразилась дискуссия по поводу практических мер освобождения крестьян. Как мыслитель и теоретик, Д.А. Голицын должен был столкнуться с жизненными реалиями, на что ему указывал его родственник. Но общественная жизнь оказывалась еще сложнее, чем интересные и верные теоретические выкладки Д.А. Голицына. В ответе вице-канцлеру ученый указывал на три необходимых для него условия освобождения своих крестьян. К таким условиям он отнес необходимость «изъять с меня от взыскания за беглых (крестьян – Е.Г.)», «изъять меня от поставки рекрут» и «разрешить мне торговлю произведениями моей земли». С людей, писал князь, он переносил «всю ценность моего состояния на земли»⁴⁷⁷, которые должны быть хорошо обработаны и приносить доход. Каждому своему крестьянину он намеревался выделить «участок земли, достаточный не только для его пропитания, но и для обогащения его». На это у помещика-землевладельца была собственная экономическая причина. Чем «состоятельнее» будет крестьянин, писал Д.М. Голицын, «тем за высшую цену он станет снимать мою землю».

Специально Д.А. Голицын разъяснял для дворян принципиальный для них вопрос о собственности на землю. Предоставление крестьянам права собственности должно было состоять прежде всего в том, указывал князь, чтобы была «собственность их на свою личность, без каковой немислимы все другие виды собственности», далее, «собственность движимую», и, наконец, «позволение тем, кто в силах покупать землю на свое собственное имя и владеть ею подобно нам, господам». Но при этом уступку земель, которые крестьяне обрабатывают и которые принадлежат дворянам, он оценил как «нелепость», которая, как он писал,

⁴⁷⁶ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т.1. С.41.

⁴⁷⁷ Там же. С.42.

«никогда не приходила мне в голову». «Земли принадлежат нам. Было бы вопиющей несправедливостью их у нас отнять»,⁴⁷⁸ – уверял он родственника и ставил в известность о своей точке зрения Екатерину II.

Исследователь жизни и творчества Д.А. Голицына Г.К. Цвєрава справедливо отмечал, что, по мнению князя, «улучшения положения крепостных можно добиться лишь силой убеждения и постепенно»⁴⁷⁹, и вообще, князь «не был тираноборцем», «страшился революционных методов преобразования общества» и «не принял Великой Французской буржуазной революции»⁴⁸⁰. Тем не менее, предложения Д.А. Голицына, как верно подчеркивал советский историк-экономист И.С. Бак, вели к росту применения наемного труда в сельском хозяйстве, к экономическому и социальному расслоению крестьянства, к развитию капиталистических отношений⁴⁸¹. Объективно все это было близко к тому, что для более позднего периода характеризовалось в качестве прусского пути развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве, важнейшим признаком которого была устойчивость такого пережитка, как помещичье землевладение⁴⁸². Тем не менее, письма князя Д.А. Голицына свидетельствовали о глубине его экономической мысли, о том, что его идеи носили в то время отчетливо прогрессивный характер.

Среди помещичьих писем по хозяйству выделяются письма генерала В.И. Суворова, и письма, направлявшиеся к этому помещику от представителей его вотчинной администрации и самих крестьян. Письма В.И. Суворова свидетельствуют об использовании данного способа коммуникации для распоряжений по организации хозяйства и мерам по текущему управлению. В письме «бурмистру, старостам выборным и всем моим крестьянам» от 19 января 1766 г. по случаю покупки деревни у прежнего хозяина давались общие распоряжения. В.И. Суворов велел «быть послушным всем моим повелениям и

⁴⁷⁸ Там же. С.44.

⁴⁷⁹ Цвєрава Г.К. Указ. соч. С.61.

⁴⁸⁰ Там же. С.65.

⁴⁸¹ История русской экономической мысли. Т.1. С.530.

⁴⁸² Анфимов А.Н. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности // Вопросы истории. 1965. № 7. С.62-76; Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука. 1974. С.365-376.

посылаемым от меня людям для управления и учреждения моих дел». Новый помещик требовал «ссоры разбирать старосте с бурмистром, сотским и с выборными крестьяны», причем «сборов никаких отнюдь не собирать и маломощных не изнурять, а буде какая жалоба произойдет и найдется обиженный, то будете наказаны неупустительно». Помещик устанавливал оброчную плату с деревни за год в 1000 рублей и подчеркивал, что платить ее можно «без тягости», но при этом требовал «всегда и в предбудущие годы в недоимке отнюдь не оставлять». Также он требовал расчищать земли от лесов под пашню, развивать скотоводство, «беглых и беспашпортных и никаких чужих людей ни под каким видом не принимать и не держать»⁴⁸³. В тот же день особым коротким письмом В.И. Суворов велел крестьянам избирать достойных людей в старосты и бурмистры, а также «счесть книги расходные» за прошлый год, и впредь «расход чинить приговором мира, а не одному старосте»⁴⁸⁴. Тем самым помещик стремился ограничить злоупотребления в самой крестьянской общине. Но в то же время, если староста выполнял распоряжения помещика и имел столкновения при этом с крестьянами, то В.И. Суворов безусловно становился на сторону старосты. В недатированном коротком письме по случаю избияния крестьянами старосты он велел «высечь нещадно» крестьян, «кто старосту бил». И если, писал он, нечто подобное повторится, то он угрожал жаловаться на своих крестьян губернатору, чтобы он, «взявши в город всех, кто будет виноват», и их «пересечь кнутьем»⁴⁸⁵.

Из писем В.И. Суворова, таким образом, заметно стремление поддерживать порядок в своих имениях, обеспечивать поступление оброка и защищать крестьян от произвола старост из числа самих крестьян, при защите тех же старост от крестьянского недовольства. Тем не менее, по ответным письмам от крестьян известно, что в осенний и зимний периоды крестьяне переживали разные бедствия. Это были болезни со смертельным исходом, падеж скота. Крестьяне также жаловались на недостаток семян для весеннего сева, а также на тяжесть оброка,

⁴⁸³ Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. С.3, 4. Аналогичные распоряжения давались в письме В.И. Суворова по Архангелогородской вотчине от 26 марта того же года. С.6, 7.

⁴⁸⁴ Там же. С.4, 5.

⁴⁸⁵ Там же. С.7.

когда ради уплаты с некоторых крестьян «с пристрастием и принуждением секли и правили»⁴⁸⁶. Еще больше подробностей из жизни вотчины получал В.И. Суворов из письма от 13 марта 1789 г., авторами которого указаны приказчик, бурмистр и староста вместе с «мирскими людьми». Письмо касалось положения в вотчине, дел по набору рекрутов и невозможности продать выработанную рогожу, поскольку изменились требования к изготовленному изделию, и рогожу, сделанную по-старому, невозможно продать, тогда как других промыслов в вотчине не было⁴⁸⁷.

Письма вотчинника, таким образом, могли играть значительную роль в управлении вотчиной. Но по сравнению с вотчинными инструкциями письма не столько устанавливали какие-то нормы, сколько решали становившиеся актуальными вопросы текущей жизни вотчины. Благодаря письмам от вотчинной администрации и крестьянского мира вотчинник вроде В.И. Суворова получал сведения о положении в его вотчинах и о крестьянах.

Общественные отношения находили проявления и в письмах личного характера. В таких письмах не в меньшей степени раскрывались характерные черты людей, автора и адресата, чем в письмах с общественно значимым содержанием вроде писем князя Д.А. Голицына. Переписка велась прежде всего с должностными лицами вотчинного управления. В этом отношении весьма показательны письма полководца А.В. Суворова заведующему канцелярией управления всеми его вотчинами С.М. Кузнецову. На близость этих отношений указывало само обращение А.В. Суворова к адресату в начале писем: «Матвейч!». Что же касается отношения полководца к своим крестьянам, то в этой связи показательны письмо «Матвейчу» от 30 июля 1784 г. из своего поместья в селе Ундол. А.В. Суворов писал, что в новгородских деревнях, в которых он не бывал, он просил управляющего его новгородскими вотчинами А.М. Балка, также помещика, «вычинить и исправить там мои дома». Но, зная, что А.М. Балк сурово обходился с крестьянами, и они даже за это хотели его убить, А.В. Суворов просил

⁴⁸⁶ Там же. С.50.

⁴⁸⁷ Там же. С.61-63.

узнать «Матвеича»: «Нет ли тут каких злоупотреблений в разных посылках людей на работы?»⁴⁸⁸.

Из письма соседу по вотчине во Владимирской губернии от начала августа 1784 г. В.М. Шимановскому, отставному прапорщику, предводителю дворянства в Шуйском уезде, в котором он упоминал о покупке «в зачет рекрута» человека со стороны⁴⁸⁹, «охотника» служить за деньги, заметно, что А.В. Суворов был вполне способен использовать свое владельческое право и угрожать своим крестьянам жесткими мерами. Поскольку своих людей в рекруты не было, а за рекрута следовало платить 150 рублей ассигнациями, то половину денег платил сам А.В. Суворов как помещик, а половина раскладывалась на крестьян вотчины, с которой брали рекрута. Крестьяне платить не захотели и предлагали сдать в рекруты бобыля, «который никаких податей не платит». А.В. Суворов решительно отказал крестьянам, велел собирать деньги, «хотя у кого и неурожай», но «тех снабдевать миром, но по миру не бродить». Этому бобылю он велел «в сей же мясоед женить, и завести ему миром хозяйство». Но если, писал он крестьянам, вы «замешкаетесь», то «велю его женить на вашей первостатейной девице, а доколе он исправитца, ему пособлять (вам – Е.Г.) всем миром во всем: завести ему дом, ложку, плошку, скотину и прочее». «Иначе велю Ивана (по-видимому, староста – Е.Г.) высечь»⁴⁹⁰. Вероятно, в данном случае А.В. Суворов как вотчинник не захотел терять людей, и предпочитал потерять деньги, заплатив за «охотника». В письме управляющему А.М. Балку от октября 1784 г. А.В. Суворов по поводу отдачи своих людей в рекруты высказался еще более определенно. Даже «непорядочного» то есть бедного, крестьянина «в рекруты отдавать не можно; понеже малолюдствуют от того семьи и страждет крестьянское хозяйство»⁴⁹¹. В самом деле, письмо его «Матвеичу» от сентября 1784 г. свидетельствовало о том, что помещик-полководец принимал меры «для поощрения детородства»⁴⁹² в своих вотчинах. Платить же

⁴⁸⁸ Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. С.93, 538.

⁴⁸⁹ Там же. С.93.

⁴⁹⁰ Там же. С.539.

⁴⁹¹ Там же. С.99.

⁴⁹² Там же. С.96.

крестьянам за наем «охотника» требовалось потому, что не только помещик не хотел отдавать своих людей в рекруты, но и идти в рекруты из самих крестьян также никто не хотел. Выше уже обращалось внимание на слова К. Маркса о том, что могущество всякого феодала прямо зависело от количества зависимых людей.

Отсюда забота о сохранении в вотчинах людей. Когда А.В. Суворов узнал о гибели его крепостной девочки от оспы, он в особом письме во владимирскую вотчину писал о наказании ее отца, Якова Калашникова, который после смерти дочери заявил: «Я рад, что ее бог прибрал; а то она нам связала все руки». В качестве наказания он велел Калашникова «при собрании мира отправить к священнику и оставить на три дня в церкви, чтобы священник наложил на него эпитимию, чтобы впредь так говорить об умерших своих детях не мог». Старосту деревни полководец-помещик «за несмотрение поставить в церковь на сутки, чтобы он молился на коленях», чтобы «впредь крепко смотрел за нерадивыми о детях отцами и не позволял младенцев, особенно в оспе, носить по избам, отчего чинится напрасная смерть»⁴⁹³.

Письмо с общественно значимым обращением могло направляться крестьянскому обществу. Одно из писем А.В. Суворова с обращением к обществу, от 1786 г., направлено было им крестьянам своей вотчины, новгородского села Ундол. В письме полководец упрекал крестьян за леность ввиду того, что пахали они землю без внесения удобрений. В письме есть также очень показательные строки для общей характеристики вотчинного хозяйства А.В. Суворова. С возмущением писал он: «У крестьянина Михайла Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванова дожить до одной коровы». Этот недосмотр, писал он, «в первые и последние прощается», и требовал: «Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег»⁴⁹⁴. Критика старосты и крестьян объяснялась тем, что М. Иванов имел много детей, а за помощью таким семьям А.В. Суворов тщательно следил⁴⁹⁵. Но имеется

⁴⁹³ Там же. С.104.

⁴⁹⁴ Там же. С.108.

⁴⁹⁵ Там же. С.546.

и другая причина. Это сосуществование вотчинных и общинных порядков. Круговая порука и взаимопомощь общинников была выгодна вотчиннику, и А.В. Суворов эту традицию поддерживал.

А.В. Суворов был глубоко просвещенным дворянином⁴⁹⁶, беспокоившимся как о личном владельческом интересе, так и о своих крестьянах, благодаря труду которых этот интерес удовлетворялся. Особенно заметно, как выдающийся военачальник заботился о сохранении своих крестьян, о преумножении их численности, их здоровье и хозяйственном благополучии. Сам посвятивший себя служению в армии, он в то же время стремился уберечь своих крестьян от рекрутской повинности, не желая допустить сокращения численности зависимых людей. По письмам заведующему канцелярией вотчинного управления С.М. Кузнецову, по другим суворовским письмам, все это очень заметно. В этом проявился своеобразный патернализм А.В. Суворова как помещика по отношению к своим людям, едва ли удивительный для него как для полководца, положение которого по отношению к подчиненным наиболее четко выразил М.Ю. Лермонтов в несколько более позднее историческое время войны против Наполеона: «отец солдатам».

Из дворянских писем видно, что не все, однако, вотчинники заботились о своих людях на уровне А.В. Суворова. Совершенно иное впечатление оставляют письма другого известного деятеля екатерининской России, князя М.М. Щербатова. Наглядно это проявлялось в письме в ярославские вотчины, направленном приказчику Осипу Звереву, старостам и крестьянам. Никакой близости в обращении к доверенному лицу, как у А.В. Суворова к «Матвейчу», у М.М. Щербатова нет. Наоборот, в письме рассыпаны угрозы князя-вотчинника по адресу О. Зверева и людей его вотчины. Так, за «умерших трех овцах и одном баране аглинских исследовано будет», и если даже «мало окажется, что оные от нерадетельскаго хождения померли», то «как ты, так и хожатя без строжайшаго наказания остаться не можете». Управляющему князь выговаривал, что ему

⁴⁹⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. С.274, 275.

«деньги мои тратить, как сор сорить». Вотчинник требовал в письме «взыскать» с «погорелых ... крестьян» его села Кузьмодемьянского, которые «не добраны» «во вторую половину оброку», несмотря даже на то, что эти крестьяне пострадали от пожара. Причину такого жесткого приказа М.М. Щербатов объяснял тем, что крестьяне были сами виноваты, они напрямую нарушили данную им инструкцию, а О. Зверев не проследил за этим нарушением. В своей инструкции, излагал он ее в письме, говорилось, что «для предосторожности от пожаров во всякой деревне дали от дворовъ крестьянскихъ и про дворовыхъ кирпичные надворные печи, и запрета им изб топить, велел варить есть во иных печах». Управляющий же «сего не учинил и в летнее время избъ тапить имъ допускалъ». Поэтому, обращался князь к управляющему, «ты не точию являлся непредосторожнымъ от пожаровъ, но и действительно оказался яко самъ зажигатель, и тому нещастию явная твоя причина». В гибели своих пчел М.М. Щербатов обвинял своего крепостного пчеловода Романа Матвеева, у которого оказались «свои ульи целы». Характеризуя Р. Матвеева как «плута», он писал О. Звереву как «союзнику и покровителю оного плута». «Даромъ сие не пройдетъ», – угрожал он приказчику, – «ибо не явно и твое плутовство оказалось, что ты помянутыхъ пчель прошлого году в способное время в село Михайловское не перенесъ»⁴⁹⁷.

Особый жанр письма-распоряжения по вотчине представляет собой письмо князя М.М. Щербатова приказчику Федору Дорофееву и его сыну Дмитрию в ярославскую вотчину село Кузьмодемьянское от 1790 г., в последние годы жизни князя. В нем вотчинник писал, что еще ранее крестьянина Якова Егорова было «приказано женить», но он «и поныне не женатъ». Но в вотчине, как знал М.М. Щербатов, «девокъ невестъ невыданныхъ довольно», и недоумевал, «почему им нет понуждения к замужеству». Вотчинник также приказывал приказчику «прислать ко мне к 1-му числу октября всехъ вотчинъ ярославской, борисоглебской, нереходской и романовской всемъ девкамъ и вдовамъ реестръ с точными ихъ летами, а вдовамъ с котораго года они вдовствуютъ. И во время,

⁴⁹⁷ РГАДА. Ф.1289 (Князей Щербатовых). Оп.1. Д.373 (Наставление приказчику Осипу Звереву). Л.8 об.-10.

получа реестры, рассмотрю, и ис техъ вотчинъ невестъ поубавлю перевоскою в село Нагорное, где великая мне надобность в работницахъ»⁴⁹⁸. Переселение людей, таким образом, в вотчинах князя М.М. Щербатова производилось исключительно из хозяйственных соображений, желание самих людей во внимание при этом не принималось.

Жесткое соблюдение своего вотчинного интереса, таким образом, в письмах князя М.М. Щербатова очень заметно. Это дает основание подтвердить репутацию его как крепостника, и что взгляды М.М. Щербатова по крестьянскому вопросу, как отмечалось в советской историографии, носили «откровенно реакционный крепостнический характер»⁴⁹⁹.

Несколько по-иному отношение к крестьянскому вопросу проявлялось у другого историка, также, как и князь М.М. Щербатов, занимавшего должность историографа, Н.М. Карамзина. И если князь М.М. Щербатов относился целиком и полностью к культуре Просвещения, то сознание Н.М. Карамзина формировалось уже под воздействием двух культур, Просвещения и романтизма. Результатом стало заметное выражение противоречий между теоретическими воззрениями мыслителя и его общественной практикой. Нечто подобное наблюдалось уже в упоминавшихся письмах князя Д.А. Голицына в конце XVIII в. Еще более заметно это выразилось в письменном наследии Н.М. Карамзина. С одной стороны, Н.М. Карамзин был первым из русских мыслителей, кто попытался понять чувства крестьянина как человека, в повести «Бедная Лиза». Дело даже не в том, что едва ли это ему удалось, но в том, что он стремился видеть в крестьянах людей. Отсюда и призыв его к русскому дворянству в «Письме сельского жителя», подписанного псевдонимом Лука Еремеев. Он по-своему выразил идею дворянского долга, который вытекал из права, предоставленного законом, утвердившим крепостное право. «Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком», – писал он. По его утверждению, «кто исполняет

⁴⁹⁸ РГАДА. Ф.1289 (Князей Щербатовых). Оп.1. Д.576. Л.27 об.-28.

⁴⁹⁹ Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М.Щербатов. М.: Изд-во МГУ, 1967. С.157.

ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный»⁵⁰⁰. Быть «добрым помещиком», согласно Н.М. Карамзину, представляло собой дворянский гражданский долг наравне со службой. Но практика жизни дворянина оказалась сложнее теории. Известно при этом, что, как и князь М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин был решительным противником отмены крепостного права, что нашло отражение в его «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении». Аргументация его при этом была разной. Он указывал на то, что до утверждения крепостного права крестьянские «свободные переходы имели свое неудобство», поскольку «вельможи и богатые люди сманивали к себе вольных крестьян от владельцев малосильных», и то, что земля и люди «холопского происхождения» есть «законная собственность Дворянская», и, конечно же, то, что без господского присмотра крестьяне «станут пьянствовать, злодействовать», и это будет «богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников»⁵⁰¹. Таким образом, Н.М. Карамзин считал необходимым крепостное право, но в сочетании с «добрым помещиком».

Практика отношений Н.М. Карамзина со своими крепостными в эту теорию вписывалась не вполне. Крепостное право в этой практике сохранялась, однако «добрым помещиком» оставаться было затруднительно. Это проявилось в карамзинском письме от 26 апреля 1826 г., опубликованном М.П. Погодиным, когда, перед самой своей кончиной, Н.М. Карамзин должен был ехать за границу на лечение. По содержанию в отношении крестьян письмо было не менее жестким, чем письмо князя М.М. Щербатова, но по форме жесткость требований была обернута в вербальную форму изысканной, а по существу издевательской вежливости, причем такое издевательство представляло собой скрытый смысл письма. Оно заключалось в самом обращении Н.М. Карамзина – «добрые крестьяне». Он обещал крестьянам: «Все будет хорошо», но тут же добавлял: «если вы будете хороши». По мнению помещика Н.М. Карамзина, это означало: «живите

⁵⁰⁰ Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С.274.

⁵⁰¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. С.321.

смирно, слушайте бурмистра и старшин», и, главное, «платите оброк исправно». В случае же «неплатежа зломысленного» Н.М. Карамзин грозил своим людям принятием против них весьма жестких мер. Последует, писал он, присылка «на ваш кошт из Москвы людей надежных, с тем, чтобы они не выезжали, ... не собрав при себе оброка». На случай, если крестьяне начнут «буянствовать», Н.М. Карамзин предупреждал, что «просит содействия военного Генерал-Губернатора», своего «благоприятеля», «для вашего усмирения», чтобы «строгими мерами принудить вас к исправному платежу оброка». Но, «если недоимки будут умножаться», он предупреждал о найме «прикащика с жалованьем до двух тысяч рублей», причем половину жалованья должны будут платить крестьяне. Он должен будет в этом случае «завести господскую пашню, и посадить на нее всех неплательщиков»⁵⁰², или перевести их с оброка на барщину.

Данное письмо было документом, которое давало основание В.И. Семевскому заявить, что «Карамзин был ... самым заурядным душевладельцем, который так же мало возвышался над средним уровнем дворянства на практике, как относительно крестьянского вопроса в теории»⁵⁰³. Интерес его как помещика, как справедливо заметила Е.С. Корчмина, определяла, как и у всех помещиков того времени, «именно потребность в деньгах в целом»⁵⁰⁴. Для Н.М. Карамзина, отъезжавшего за границу, такая потребность была очевидной.

Исключительно едкую и точную сатирическую критику дворянского эпистолярного творчества на тему крестьянства и крепостного права давал Н.И. Новиков в листе пятнадцатом журнала «Живописец». Как отмечал П.Н. Миллюков, в редакциях журналов екатерининского времени был распространен прием, когда помещалось письмо и давался на него редакторский ответ, с целью «исправления нравов». Это были «корреспонденции, писавшиеся, конечно, большей частью в редакциях»⁵⁰⁵. Н.И. Новиков в этом материале как бы вел спор с воинствующим

⁵⁰² Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. В 2 ч. М. 1886. Ч.2. С.484-486.

⁵⁰³ Семевский В.И. Указ. соч. С.357.

⁵⁰⁴ Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX в. С.340.

⁵⁰⁵ Миллюков П.Н. Указ. соч. С.348.

защитником крепостничества, нисколько не стеснявшимся заявлять о своих правах в отношении людей и о бесправии крестьян перед ним. Этим защитником был некий помещик Трифон Панкратьевич, излагавший свои мысли сыну Фалалею в связи с тем, что сосед привез ему листы «Живописца», содержанием которых он после чтения возмущался. Опровергая своих критиков в том, что помещиков «называют ... тиранами», он указывал, что «в старину тиранами бывали не крещенные и мучили святых», со ссылкой на «Чети Минеи», «а наши мужики ведь не святые, как же нам быть тиранами?». И вообще, те, кто критикует помещиков, пытаются «умничать», тогда как «чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели, да этого и господь не приказал». Отсюда вытекали опасения этого крепостника: «Дай-ка им (крестьянам – Е.Г.) волю, так они и не весть что затеют», а «я», говорил он о себе, «знаю, что с мужиками делать». В изложении мыслей Трифона Панкратьевича интересно то, что он в защиту своего права на угнетение «мужиков» приводил аргументацию из истории христианства и из Священного Писания. А также то, что противником просвещенных дворян, выступавших против тиранства крестьян, был помещик, имевший некоторые церковные познания, и поэтому не совсем непросвещенный и дикий вроде Простаковых и Скотининых. Но этот свой небогатый запас знаний и по-своему понятые идеи христианства он использовал для обоснования своих владельческих прав. Отсюда критика таким дворянином «Живописца», заявлявшего, что такое мог написать «какой-нибудь немец, а православной этого не написал бы»⁵⁰⁶. Указанием на то, что написал «какой-нибудь немец» Трифон Панкратьевич хотел подчеркнуть, что все написанное в «Живописце», является глубоко традициям внутренней жизни Российской империи.

В двадцать третьем листе «Живописца» было приведено еще одно аналогичное письмо будто бы от того же автора, Трифона Панкратьевича, своему сыну Фалалею. Отец пустился в этом письме в воспоминания о том, как сын его Фалалеюшка развлекался в молодости. Он писал, как, «сидя под твоим любимым

⁵⁰⁶ Сатирические журналы Н.И. Новикова. С.336.

дубом», вспоминал, «как ты в молодых годах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих». «Куда какой ты был проказник смолоду!» – восхищался старый крепостник. «Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик и такое хлопанье, как будто за уголовное в застенке секут, таки бывало животики надрываем со смеха»⁵⁰⁷, – писал он в письме сыну. Несомненно, что в данном случае письма, приведенные в «Живописце», представляли собой своего рода пародию, а автор этих писем, созданных Н.И. Новиковым, Трифон Панкратьевич, некий обобщенный гротескный сатирический образ. Но такой образ был вполне жизненным, его легко узнавали современники. Второе письмо при этом позволяло дополнить образ дворянского недоросля, созданный сатирой Д.И. Фонвизина. Несомненно, что Фалалей, вешавший собак и принимавшийся «пороть людей», выглядел значительно более отталкивающим типом, чем Митрофан из «Недоросля». В условиях культуры Просвещения, когда воспитанию уделялось самое пристальное внимание, своего рода воспитание Фалалея крепостным бытом, через поощрение его издевательств над крепостными людьми, можно было оценить словами просвещенной современницы, княгини Е.Р. Дашковой из ее записки «О смысле слова "воспитание"»: «Воспитание сие не только не полезным, но и вредным называться может»⁵⁰⁸.

Появление литературных образов писем с выражением взглядов на жизнь и общественное устройство крепостников вроде Трифона Панкратьевича, на отношения их с крепостными людьми отражало понимание Н.И. Новиковым того, что в письмах ярко раскрываются характеры и образы людей.

Таким образом, в дворянских письмах эпохи Просвещения тема крестьянства и крепостного права присутствует, но в разной степени. Научный подход к этой исключительно сложной проблеме, на уровне переживавшей период своего становления социальной науки, содержится в письмах князя Д.А. Голицына.

⁵⁰⁷ Там же. С.363.

⁵⁰⁸ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.122.

Письма, кроме того, могли играть роль в текущем управлении вотчиной, а письма от управляющих и крестьян выполняли роль обратной связи и информировали вотчинника о положении в его владениях.

Заметные различия в отношении к своим крепостным людям проявлялись в письмах двух выдающихся личностей эпохи Просвещения, А.В. Суворова и М.М. Щербатова. Насколько заметно внимательное и благожелательное отношение к своим людям великого полководца, строившего отношения со своими людьми на началах патернализма, настолько строгое отношение с точки зрения соблюдения своего владельческого интереса проявлялось в письмах князя-историка. Резко сатирическое восприятие писем дворян-крепостников заметно в публикации Н.И. Новикова в журнале «Живописец».

3.4. Культурно-историческая типология дворянства в свете отношения к крепостному праву и к крестьянскому вопросу

Значение культурно-исторической типологии в том, что она позволяет более точно, наглядно и убедительно выявить совокупность культурно-исторических типов определенного общества в их единстве, отражающую исключительную сложность общественной структуры и социальных отношений. Такая типология дает возможность объяснить разнообразие точек зрения не только отдельных групп в рамках большой социальной структуры, но и характер и особенности отдельных личностей, высказывавших свою точку зрения по актуальным вопросам общественной жизни своего времени. Все это относится к такой социокультурной структуре Российской империи XVIII в., как дворянство, которое было на протяжении всего этого столетия далеко не однородным в социальном и культурном отношении, на положение которого влияло множество обстоятельств экономического, социального и культурного характера.

Исторический подход к выделению таких типов основан на всестороннем учете общих культурно-исторических особенностей времени, когда сформировались подобные типологические различия и когда они нашли свое

выражение в текстах культуры, прежде всего в письменной их форме. Внутренние различия в рамках больших социальных структур, или общественных классов, проявлялись в наиболее сложные, переломные исторические периоды. Поэтому, по словам А.С. Лаппо-Данилевского, «изучение национальной истории ... должно иметь ценные научные результаты в том случае, когда будет обращено на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей исследуемого типа»⁵⁰⁹. Как раз к таким переломным периодам относился, по мнению историка, XVII-XVIII вв., которые стали «переломным моментом в процессе эволюционного развития российского общества и государства»⁵¹⁰, в том числе и эпоха Просвещения на исходе этого времени.

В основе выделения типов лежит философская категория типического, которое может пониматься как «нормальное, образцовое, вероятное для данной конкретной системы объективного мира»⁵¹¹. В данном случае в качестве такой «конкретной системы объективного мира» выступают выделявшиеся в исследованиях исторические типы дворянства. Вместе с тем типологизация может быть не только результатом научного исследования русского дворянского общества, но и его художественного анализа и осмысления в литературных образах и сюжетах. Классический пример такого анализа с выделением особых культурных типов дворян давал Н.В. Гоголь в «Мертвых душах», образы которых хорошо узнавали современники.

В отличие от художественных образов, научные образы предполагают переход от индивидуализации к обобщению. Наиболее четко такое обобщение существовало в дореволюционной Франции XVII-XVIII вв. с разделением на дворянство шпаги и дворянство мантии, причем первые, имевшие знатных предков и собственные боевые заслуги, свысока смотрели на вторых, приобретающих

⁵⁰⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб.: 1890. С.1.

⁵¹⁰ Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского: опыт эволюционного реконструирования. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2006. С.118.

⁵¹¹ Философская энциклопедия. В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т.5. С.233.

дворянские права по патенту и выдвигавшихся не на военной службе, но в канцеляриях.

В Московском государстве и в Российской империи разделение среди дворянства также имело место. Прежде всего, оно положило основу типологизации на базе происхождения и службы. Способствовала такому разделению Табель о рангах Петра I, ставившая статус дворянина в зависимости от чина и от характера службы, причем военная служба считалась выше гражданской⁵¹². Но одним из результатов принятия этого документа, основы которого сохранялись вплоть до декрета Совета народных комиссаров от 10 (23) ноября 1917 г., стала рознь между дворянством родовитым и лицами, получавшими дворянство по выслуге. Отражение такой розни заметно в текстах, исходивших от знатных дворян, прежде всего в период царствования Екатерины II, от князя М.М. Щербатова, справедливо считающегося идеологом родовой знати⁵¹³. Также дворянство было разделено в материальном отношении. При Екатерине II помещикам было роздано множество земель с крестьянами, но, тем не менее, имущественное расслоение дворянства сохранялось. Положение дворян знатных и богатых, с одной стороны, и мелкопоместных, с другой, было различным.

Культурно-исторические типы дворянства, на основе которых формировалась возможность его типологизации, складывались также по вопросу о крестьянстве и о крепостном праве, выходящему в Российской империи в эпоху Просвещения на первый план. Такая типологизация является сложной и имеет социальную и культурную составляющую. Социальная основана на факте существования классовых и внутриклассовых различий в обществе позднего русского средневековья и раннего нового времени, культурная связана с различиями в дворянской среде под влиянием распространения идей и всего культурного многообразия Просвещения. Поэтому, прежде всего, типология дворянства второй половины XVIII в. с точки зрения отношения к крестьянству и к крепостному праву выражается в том, что касается культуры Просвещения.

⁵¹² Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 2003. С.295.

⁵¹³ Мякотин В.А. Указ. соч. С.109; Калинина С.Г. Указ. соч. С.20, 21.

На этом основании среди дворянства можно выделить две части. Одна из них культурой Просвещения затронута не была вовсе или была очень частично. Другая в той или иной степени и форме оказалась под достаточно заметным и значительным воздействием этой культуры.

Первая из названных групп может быть названа дворянами непросвещенными, так иногда их воспринимали в более высококультурной среде. Образы их были выведены в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», это вся семья Простаковых во главе с матушкой, и главный герой, сын их Митрофанушка. Образы таких дворян, живших в деревенской глуши и совершенно чуждых новым веяниям, проникавшим из городов, тем более из столиц и из-за рубежа, при случае выставлявшие напоказ свое воинствующее невежество, были исключительно устойчивыми. Сохранились они и в дореформенный период, наиболее ярким выражением подобных «диких» помещиков была гоголевская «дубинноголовая» Настасья Петровна Коробочка, хотевшая навести справку на рынке о цене за мертвые души. Правда, в отличие от фонвизинской матушки Простаковой, о тирании Коробочки в отношении крепостных Н.В. Гоголь не писал.

К дворянам непросвещенным относились также помещики, не вполне отделенные от образования и от знаний, но от знаний традиционных, в основе своей церковных, которые были распространены в помещичьей среде еще в допетровское время. Носителем таких знаний был герой Н.И. Новикова, автор письма помещик Трифон Панкратьевич, имевший знания на уровне элементарной церковной образованности и читавший Четьи-минеи, но решительно не принимавший новых веяний в жизни и в культуре, заявлявший, что подобные веяния мог приносить «какой-нибудь немец», но не «православной». В личности такого дворянина также заметно воинствующее отрицание новых идей и новой культуры, следование традиционным ценностям, дававшим дворянству очень широкие властные полномочия над зависимыми людьми. Этот герой литературной сатиры, созданный сознанием и воображением выдающегося журналиста, был также вполне узнаваемым в среде просвещенных дворян, в этом одна из причин популярности журнала «Живописец» среди читателей.

Дворянство просвещенное резко отличалось от подобных помещиков «диких» и образованных по-старому, средневековому. Среди дворянства Российской империи просвещенная часть составляла меньшинство. Она восприняла культуру Просвещения, но переработала ее основы на уровне своего сознания и понимания. Среди этих дворян имелась определенная часть, которая восприняла исключительно вершки культуры Просвещения, но не понимала и не стремилась уяснить ее суть и принципиальную новизну. Типичным представителем таких дворян был также литературный герой, сын бригадира Иванушка из фонвизинского «Бригадира». Просвещенный дворянин Д.И. Фонвизин на таких «просвещенных» дворян смотрел с едкой насмешкой, и образ бригадирского сына был не менее запоминающимся, чем образ недоросля Митрофанушки.

На почве собственного понимания идей, относящихся к культуре Просвещения, возник своеобразный феномен русского Просвещения. Порожден он был не только идеями Просвещения, но и традициями особого внимания к образованию, понимания важности знаний, закладывавшихся в самой России при Петре Великом. При этом основополагающая идея Просвещения, нашедшая выражение в «Декларации прав человека и гражданина», принятой в 1789 г.⁵¹⁴, ими не принималась, но принималась только как идея «вольности дворянства» по отношению к самодержавию. Эти исторические типы дворянства выделялись своей образованностью. Что касается отношения к крестьянам и к крепостному праву, то эта часть дворян резко негативно относилась к помещикам-тиранам, но не считала допустимым для своих интересов отказ от крепостного права, причем стремилась обосновать выгоды сохранения крепостного права не для себя, но для государства и для самих крестьян, за которыми нужен господский надзор. Среди дворян, принадлежавших к данному культурно-историческому типу, прослеживается отношение к крестьянам не вполне одинаковое, более жесткое, например, у князя

⁵¹⁴ Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1986. С.76.

М.М. Щербатова, у А.Т. Болотова и даже у Н.М. Карамзина, и более мягкое у А.В. Суворова.

К особому культурно-историческому типу относятся дворяне, которые выступали против крепостного права, но оставались помещиками⁵¹⁵. Более того, писатель В.В. Капнист был предводителем дворянства Полтавской губернии. Как отмечал биограф Н.В. Гоголя И.П. Золотусский, он был «не только предводителем, но и совестью полтавского дворянства, ... выручал рекрутов, оторванных от матерей, спасал от телесного наказания крестьян»⁵¹⁶. При этом среди таких дворян имелись некоторые различия. Так, Н.И. Новиков свою жесткую критику крепостного права проводил в сатирических журналах, князь Д.А. Голицын в научных изысканиях, а А.Н. Радищев в своих литературных произведениях. При этом в качестве революционера, первого в российской истории, выступал только А.Н. Радищев, чем и выделялся среди личностей этого типа русского просвещенного дворянства.

Таким образом, дворянство в Российской империи эпохи Просвещения не только в социальном, но и в культурном плане было далеко не однородным, что проявлялось в отношении его к идеям Просвещения и к крепостному праву. Среди них выделялось несколько культурно-исторических типов. Из дворян, которых относили по традиции к непросвещенным, и которых было большинство, выделялись или совсем «дикие» помещики, или помещики, в сознании которых заметны следы традиционной образованности. Все они не сомневались в своем владельческом праве в отношении своих людей, в том числе на тиранство. Просвещенные дворяне также не составляли единого культурно-исторического типа в своем отношении к крестьянству и крепостному праву. К одному типу относились помещики, не допускавшие (хотя бы на словах) тирании, но не сомневавшиеся в необходимости сохранения крепостного права. К другому относилось значительное культурное меньшинство, считавшее его отмену

⁵¹⁵ Мякотин В.А. На заре русской общественности. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. С.78; Западов А.В. Новиков. М.: Молодая гвардия, 1968. С.7, 153, 154.

⁵¹⁶ Золотусский И.П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1979. С.21.

жизненной необходимостью для российского общества. Этот культурно-исторический тип выдвинул из своей среды первого российского революционера А.Н. Радищева.

Выводы по главе

Записки дворян и дворянская публицистика по крестьянскому вопросу и по отношению к крепостному праву в полной мере отражали процесс сложного переплетения двух культур в России раннего нового времени, собственной и традиционной для России помещичьей культуры и культуры Просвещения, проникавшей в результате европеизации России из стран Западной Европы. Западную культуру русское дворянство охотно принимало, но понимало ее по-своему, исключая из нее главные для Просвещения идеи свободы и прав личности. В дворянской публицистике проявлялась культурно-историческая сущность русского просвещенного дворянина, принимавшего отдельные стороны Просвещения, но пытавшегося на основе теоретических рассуждений обосновать свое право в отношении зависимых людей.

Крестьянская тема появляется впервые в русской художественной литературе эпохи Просвещения, что отражало осознание в обществе значимости крестьянского вопроса. Для большинства авторов необходимость сохранения крепостного права была несомненной. В то же время тирания в отношении крепостных людей ими решительно отвергалась.

В эпистолярных текстах, написанных дворянами, осмысливались тяжелые последствия существования крепостного права и необходимость его ликвидации в интересах не только крестьян, но и всего русского общества, государства и самих дворян. Просматриваются различия по отношению к своим крепостным в письмах отдельных дворян. В этом отношении заметна разница между письмами, касающимися крестьян, полководца А.В. Суворова и историка и общественного деятеля князя М.М. Щербатова.

Письменное наследие российского дворянства эпохи Просвещения позволяет выделить в помещичьей среде, с опорой на историко-типологический метод,

несколько культурно-исторических типов в связи с отношением к крестьянству и к крепостному праву. Выделение этих типов предполагает деление дворянства на значительное большинство, не затронутое культурой Просвещения, и меньшинство, в разной степени затронутое этой культурой. К первым относятся помещики, уверенные в своем неотъемлемом праве на владение своими крепостными и на тиранию по отношению к ним. Среди глубоко просвещенных дворян не было сторонников тирании в отношении своих людей. Но большая часть из них была уверена в необходимости сохранения крепостнических порядков и существовавших в Российской империи общественных отношений. Противниками крепостнических порядков был узкий круг дворянских мыслителей эпохи Просвещения в России вроде князя Д.А. Голицына, Н.И. Новикова и А.Н. Радищева.

Заключение

Вторая половина XVIII в. в российской истории была ознаменована рядом принципиальных сдвигов во внутренней жизни страны. Манифест о вольности дворянства 1762 г. разрушил традиционную основу социальных отношений, когда прикрепление крестьян к земле, исторически складывавшееся в стране с конца XV в., было обусловлено прикреплением землевладельцев к службе. С вольностью дворянства ушло в прошлое важнейшее обоснование права дворянства на «труд, и собственность, и время земледельца».

В то же время культура и идеи Века Просвещения как порождение передовой западноевропейской культуры, прежде всего культуры предреволюционной Франции, распространялись в России. Происходил своеобразный синкретизм традиционной культуры русского дворянства с культурой Просвещения, которая проникала в Россию при Екатерине II. Культура Просвещения была принята российским дворянством, но своеобразно. Оно готово было разделять характерную для Просвещения критику духовенства, которое в русской дворянской среде и без того не пользовалось глубоким авторитетом, и даже критику церкви. Но идей атеизма, получивших распространение во Франции и в других странах Западной Европы, русское дворянство не приняло. Свобода как основополагающая идея Просвещения также была воспринята в российском дворянстве по-особенному. Эта идея была переосмыслена в привычную для традиционного русского сознания и воображения идею вольности, составлявшую архетип русской культуры. Идея вольности при этом в дворянском сознании предполагалась только как вольность дворянства, которая, однако, допускала возможность существования своей вольности в условиях сохранения и укрепления самодержавия. Со времени издания Манифеста о вольности дворянства Петра III идея вольности вышла на уровень государственной идеи. Но вольность дворянства влекла за собой постановку в русской общественной мысли вопрос о вольности крестьянства.

Тирания со стороны императорской власти безусловно не допускалась в сознании дворянства в отношении самих дворян. Однако она вполне допускалась в

сознании некоторой части помещиков и вотчинников в отношении своих зависимых людей, причем в сочетании с вольностью, которая понималась как вольность дворянства. При этом тирания в отношении крестьян не осмысливалась такими помещиками в качестве тирании вообще. Подобное понимание дворянской вольности принималось вместе с тем далеко не всем высшим классом русского общества. Но и сами французские просветители идею свободы также не связывали непосредственно со свободой для крестьянства, они имели в виду свободу человека в целом, особо не выделяя при этом какой бы то ни было общественный слой населения.

Между тем, дворянское отношение к крестьянству в период царствования Екатерины II и в более позднее время, основывалось на устойчивой социокультурной традиции, согласно которой крестьянство рассматривалось не как субъект общества и общественных отношений, но как объект, существующий ради материального обеспечения государства и помещиков. Вместе с тем интересы государства, интересы самих помещиков предполагали необходимость появления такой субъектности в самой общей и ограниченной форме, когда, согласно Уложению царя Алексея Михайловича, помещик не имел права на убийство крестьянина, но не более того.

Культурная ситуация эпохи Просвещения заставила, однако, российское дворянское общество обратить пристальное внимание на положение крестьянства. Самое существенное внимание крестьянской теме было уделено Вольным экономическим обществом. Об обеспокоенности российских властей положением крестьян и отношениями, сложившимися к тому времени на основе крепостного права, свидетельствует обращение императрицы к этому вопросу и ее предложение о проведении в рамках общества конкурса сочинений на тему о крестьянской собственности, которая непосредственно связана с крестьянской вольностью. Большое количество присланных сочинений говорит об осознании в значительной части дворянского сообщества значимости крестьянского вопроса. В сочинениях, представленных на конкурс, выявились две точки зрения по становившемуся актуальным вопросу о субъектности крестьянства. Тема о крестьянах как о

субъекте общественных отношений в конкурсных сочинениях не преобладала. В сознании авторов прочно сохранялась устойчивая точка зрения, согласно которой крестьяне рассматривались в свете представлений о необходимости их труда для помещика и государства.

Об остроте крестьянского вопроса свидетельствует также обсуждение его на заседаниях Уложенной комиссии 1767-1768 гг. Фактически заседания комиссии наглядно представляли встречу двух культур в рамках одной, но не целостной в культурном отношении социальной среды, которую представляло собой российское дворянство. Большая часть депутатов состояла из дворян, в сознании которых прочно утвердилась и выросла до уровня культурной традиции точка зрения на крестьянскую бессубъектность, на несомненное и освещенное длительной историей право дворян на владение крепостными людьми. Часть дворянства, начиная с самой императрицы, выступила с решительной критикой рабства как явления недопустимого в просвещенные времена в просвещенном государстве.

Переход от теоретического осмысления своих отношений с крестьянством к практике хозяйственных отношений выражался в инструкциях, или наказах, составлявшихся в вотчинных канцеляриях, имевших две формы, документальную и литературно-публицистическую. Отдельные указы, публиковавшиеся Вольным экономическим обществом, предназначались для публичного ознакомления и обсуждения и, следовательно, являлись выражением дворянской общественной мысли. Инструкции содержали в себе определенные признаки массовых источников, поскольку составлялись внутри таких явлений, как хозяйственная жизнь дворянского поместья или вотчины и общественная мысль дворянства, а также в них заметно тяготение к определенному стандарту в их составлении. Эти документы в полной мере отразили дворянское представление о крестьянах как об объекте вотчинного управления и дворянских экономических интересов.

В других формах письменной культуры российского дворянства отразился исключительно сложный и противоречивый процесс культурного синкретизма, традиционной для истории дворянской культуры и культуры эпохи Просвещения.

В русской литературе в эпоху Просвещения впервые появляются крестьянские образы и крестьянская тема, тема отношения помещиков к своим зависимым людям и помещичьей тирании в их отношении. Это проявилось в комедиях Д.И. Фонвизина, в журналистике Н.И. Новикова, в описании путешествия А.Н. Радищевым, где отразились точки зрения на крестьянский вопрос дворянства, как просвещенного, так и непросвещенного. Также весьма показательны отношение дворянства к крестьянству и крепостному праву в дворянских письмах. При этом остротой постановки вопроса и глубиной аргументации в пользу признания крестьянской собственности и необходимости отмены крепостного права отличались письма Д.А. Голицына.

На основе письменных текстов русских дворянских авторов эпохи Просвещения, в которых высказывались мысли и идеи по крестьянскому вопросу, возможно выделение определенных культурно-исторических типов среди дворянства, что являлось результатом культурного раскола дворянского общества. Самое общее разделение в типологическом отношении может быть основано на выделении в рядах дворянства просвещенной и не затронутой культурой просвещения части дворян, которая составляла значительное большинство. В свою очередь, среди просвещенного дворянства некоторая часть культуру Просвещения усвоила поверхностно, в лучшем случае на уровне знания французского языка и развлекательной литературы. Дворяне, более глубоко усвоившие культуру Просвещения, в том числе сама Екатерина II, решительно осуждали тиранию помещиков в отношении своих людей. Но при этом большая их часть считала необходимым сохранение крепостного права и зависимости крестьян от своего душевладельца. Вместе с тем в рядах дворянства появилась некоторая, крайне незначительная, часть, понимавшая необходимость коренного изменения в положении крестьянства и русского общества в целом.

Список источников и литературы

Источники

Архивные

1. ГАРО. Ф.518. Крепость Святого Дмитрия Ростовского. Оп.1. Д.43. Копии указов, ведомости о личном составе гарнизона крепости, об арестантах. – 175 л.
2. РГАДА. Ф.12 (Дела о Польше и Литве (коллекция Государственного архива Российской империи). Мнение графа Петра Панина об удержании побегов русских в Польшу. Отсутствует по ревизии 1924 г.
3. РГАДА. Ф.1262 (Гагариных). Оп.1. Д.54. Повеление бурмистру села Мануйлово Андрею Горину – 2 л.
4. РГАДА. Ф.1263 (Голицыных). Оп.10. Д.1418. Наставление приказчику села Веретинского – 14 л.
5. РГАДА. Ф.1272 (Нарышкиных). Оп.2. Д.28. Инструкция об управлении приказчику Зауру.
6. РГАДА. Ф.1287 (Шереметевы). Оп.2. Д.1304. Инструкция П.Б.Шереметева по управлению нижегородской вотчиной (село Павловское) – 22 л.
7. РГАДА. Ф.1289 (Князей Щербатовых). Оп.1. Д.373. Наставление князя Щербатова приказчику Звереву по ярославским вотчинам – 3 л.
8. РГАДА. Ф.1289 (Князей Щербатовых). Оп.1. Д.576. Приказы князей Щербатовых.

Опубликованные

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Ч.1. – 400 с.
2. Андреев А.И. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г. // Исторический архив. М., 1953. Т.8. – С.269-277.

3. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т.2. – 1954 с.
4. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т.3. – 1280 с.
5. Вольтер. Обед у графа де Буленвилье // Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. М.: Academia, 1931. Т.2. Мемуары и диалоги. – С.93-132.
6. Вольтер. Философский словарь // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. – С.620-716.
7. Гельвеций К.А. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1974. Т.2. – 687 с.
8. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступ. Статьей Х.М. Момджяна. Пер. с франц. М.: Соцэкгиз, 1963. Т.1. – 715 с., 1 портр..
9. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Под общ. ред. и со вступ. Статьей Х.М. Момджяна. Пер. с франц. М.: Соцэкгиз, 1963. Т.2. – 563 с.
10. Государыня императрица Екатерина II. Антидот // Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. – С.225-424.
11. Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 460 с.
12. Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. – 561 [2] с., [1] л. портр.
13. Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774 гг. М.: Наука, 1975. – 523 с.
14. Екатерина II. Заметки Екатерины II на книгу Штрубе де Пирмонта «Letters Russiennes» // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. – С.54-64.
15. Екатерина II. Наказ комиссии о сочинении проекта нового Уложения. 30 июля 1767 г. // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. – С.115-189.
16. Замечания Щербатова на Большой наказ Екатерины // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С.51-95.

17. Записка П.И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1860. Кн.4. Отд.5. – С.269-273.
18. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1952. Т.2. – 606 с.
19. Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII ст. // Труды Владимирской Архивной Ученой Комиссии. Владимир: Тип. Губ. Правления, 1904. Раздел «Материалы». – С.1-87.
20. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях, как содержать и притом прилежно смотреть, чтоб в добром здоровьи были. СПб., 1881. VIII, – 49 с.
21. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН. 2010. – С.279-348.
22. Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С.267-274.
23. Катон М.П. Земледелие. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 220 с.: ил.
24. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Соцэкгиз, 1936. – 265 с.
25. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747-1765 гг. – 692 с.
26. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т.8. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732-1764 гг. – 1279 с.
27. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. – С.159-733.
28. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М.Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. – 480 с.: ил.
29. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. М.: Союзтеатр, Глав. ред. театральной литературы, 1990. – 304 с.

30. Петровская И.Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Исторический архив. Т.8. – С.221-268.
31. Плач холопов прошлого века. С предисловием Н.С. Тихонравова // Почин. Сборник Общества любителей российской словесности за 1895 год. М., 1895. Первый отдел. – С.9-14.
32. Полное собрание законов Российской империи. Т.8. 1728-1732. СПб.: Печ. в тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1014 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Т.15. С 1758 по 28 июня 1762. СПб.: Печ. в тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1052 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Т.20. 1775-1780. СПб.: Печ. в тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1034; 7 с.
35. Полное собрание законов Российской империи. Т.22. 1784-1788. СПб.: Печ. в тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1168 с.
36. Полное собрание законов Российской империи. Т.27. 1802-1803. СПб.: Печ. в тип. II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1122 с.
37. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 411 с.: ил.
38. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1975. Т.4. – С.5-180.
39. Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М., 1938. Т.1. – 502 с.
40. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М.: Юрлит, 1985. Т.3. Акты Земских соборов. – 512 с.
41. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М.: Юрлит, 1986. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – 512 с.
42. Сабанеева Е.А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники. 1770-1838. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1914. – 172 с.
43. Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 616 с., [5] л. ил., портр.
44. Сборник РИО. СПб., 1869: Тип. Имп. Академии наук. Т.4. – XXXVI, 511 с.

45. Сборник РИО. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е.И.В. канцелярии – XXVIII, 1871. Т.8. – 612 с.
46. Сборник РИО. СПб.: Тип. И.А. Лебедева, 1881. Т.32. – XXXI, 638 с.
47. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 282 с.
48. Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. – 808 с.
49. Сумароков А.П. Избранные произведения. Л.: Сов. Писатель, 1957. – 608 с., 1 портр.: ил.
50. Татищев В.Н. Краткие экономические и до деревни следующие записки // Татищев В.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С.249-267.
51. Татищев В.Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В.Н. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С.178-187.
52. Татищев В.Н. Разговор дву[x] приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные труды. – С.45-159.
53. Труды ВЭО. СПб.: Тип. АН, 1765. Ч.1. – 193 с.
54. Труды ВЭО. СПб.: Тип. АН, 1767. Ч.6. – 226 с.
55. Труды ВЭО. СПб.: Тип. АН, 1768. Ч.8. – 243 с.: ил.
56. Труды ВЭО. СПб.: Тип. АН, 1769. Ч.12. – 115 с.
57. Труды ВЭО. СПб.: Тип. АН, 1769. Ч.13. – 126 с.
58. Труды ВЭО. СПб.: Тип. Морского шляхетского корпуса, 1770. – 286 с.
59. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. – XXII, 138 с.
60. Фонвизин Д.И. Бригадир // Фонвизин Д.И. Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т.1. – С.45-103.
61. Фонвизин Д.И. Корион // Фонвизин Д.И. Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т.1. – С.3-43.
62. Фонвизин Д.И. Недоросль // Фонвизин Д.И. Собр. Соч. в 2 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. Т.1. – С.106-177.
63. Хрестоматия по истории средних веков. М.: Учпедгиз, 1949. Т.1. – 404 с.

64. Шапп д'Отерош Ж. Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С.55-224.
65. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1789. Т.5. Ч.2. – 444 с.
66. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С.415-477.
67. Щербатов М.М. Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений // Щербатов М.М. Избранные труды. – С.145-178.
68. Щербатов М.М. Разные рассуждения о правлении // Щербатов М.М. Избранные труды. – С.29-38.

Литература

1. Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1971. – 453 с.
2. Акишин М.О. Конституционные идеи эпохи Просвещения и правовая доктрина Екатерины II // Вестник МГЮА имени О.Е.Кутафина. 2021. № 5. – С.104-110.
3. Александер Д. Емельян Пугачев. Уфа: ИП Галлиулин Д.А., 2011. – 164 с.
4. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М.: Наука. 1976. – 324 с.
5. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2002. – 426 с. [6]: ил.
6. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в.: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. – 239 с., 24 л. ил.
7. Анфимов А.Н. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности // Вопросы истории. 1965. № 7. – С.62-76.
8. Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 92 с.

9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004. – 368 с.
10. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. – 348 [2] с., ил.
11. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении положения крестьян в русском обществе. М.: Типо-литография Н.В. Любенкова, 1879. – 306 с.
12. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М.: Изд-во МГУ, 1965. – 382 с.
13. Белявский М.Т. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766-1768 годах // Археографический ежегодник за 1958 год, Под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С.387-430.
14. Бердышев А.П. Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. 1738-1833. М.: Наука, 1988. – 320 с.
15. Блок Г.П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 216 с.
16. Блум Д. Барин и Крестьянин в России IX-XIX веков. М.: Центрполиграф, 2025. – 575 с.
17. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М.: Мысль, 1980. – 342 с.
18. Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 310 с.
19. В-н А. История крестьянского вопроса – Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX-го века. В.И. Семевского. Два тома. СПб., 1888 // Вестник Европы. 1888. Июль. – С.262-300.
20. Горький М. В.И. Ленин // Горький М. Собр. соч. в 30 т. М.: Гослитиздат, 1952. – С.5-46.

21. Грацианский П.С. Десницкий. М.: Юрлит, 1978. – 112 с.
22. Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир. Статьи разных лет. М.: Изд-во НЛЮ, 2013. – 536 с.
23. Гриценко К.А. Князь М.М. Щербатов и консервативное направление российской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. – 182 с.
24. Дмитриева З.В., Козлов С.А. Налоги и войны в России XVII-XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. – 568 с.
25. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историкографические очерки. В 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова Тянь-Шанского, 2018. Т.1. – 354 с.
26. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историкографические очерки. В 2 т. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова Тянь-Шанского, 2018. Т.2. – 358 с.
27. Елисеева О.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. – 635 с.
28. Загидуллина М.В. Публицистика 2.0: к определению понятия // Вестник СПбГУ. Язык и Литература. 2018. Т.15. Вып.2. – С.220-235.
29. Западов А.В. Новиков. М.: Молодая гвардия, 1968. – 192 с.: ил.
30. Зицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: НЛЮ, 2008. – 240 с., ил.
31. Золотуский И.П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1979. – 511 с.: ил.
32. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М.: Наука. 1980. – 192 с.
33. История русской журналистики XVIII-XIX веков. Под ред. проф. А.В. Западова. М.: Высшая школа, 1973. – 517, [1] с.
34. История русской литературы. В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т.3. – 431 с.

35. История русской экономической мысли. М.: Госполитиздат, 1955. Т.1. – 755 с.
36. История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях в 12 т. Первая серия. Т.1-6. М.: Наука, 1967. Т.3. – 747 с.
37. Калинина С.Г. Михаил Михайлович Щербатов // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С.5-26.
38. Каменский А.Б. Екатерина II // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. – С.5-36.
39. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1997. – 575 с.
40. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI-XVII веков. М.: Гос. публ. б-ка России, 2009. – 463 с.
41. Каррер д'Анкокс Э. Предисловие // Каррер д'Анкокс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О. Павловской. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С.5.54.
42. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2 т. М.; Берлин: Директ Медиа. 2020. Т.2. – 495 с.
43. Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 480 с.
44. Кизеветтер А.А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону: Тип. т-ва «Донская речь», 1904. – 48 с.
45. Клюкин П.Н. Поворот к физиократической метафизике (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ) // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. – С.13-42.
46. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.3 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т.3 – 426 с.
47. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.4 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т.4 – 422 с.

48. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.5 // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т.5 – 503 с.
49. Ключевский В.О. Недоросль Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы) // Ключевский В.О. Соч. в 8 т. М.: Соцэкгиз, 1959. Т.8. – С.263-287.
50. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука. 1974. – 399 с.
51. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. – 485 с.
52. Корнилов А.А. Курс русской истории XIX века. М.: Высшая школа, 1993. – 446 с.
53. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1880. – XLIII, 303 с/
54. Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1983. – 223 с.
55. Кулакова И.П. Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII – первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып.36. – С. 90-119.
56. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань: НРИИ, 2013. – 566 с.
57. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб.: 1890. – [6], 557, [3] с.
58. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики Екатерины II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 62 с.
59. Левандовский А.П. Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» средневековья. М.: Алгоритм, 2013. – 288 с.
60. Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. – 328 с.

61. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
62. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. – 294 с.
63. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. – 399 с., 5 л. ил.
64. Лубский А.В., Пронштейн А.П. Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1981. М.: Наука, 1982. – С.3-35.
65. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб.: Лань, 2001. – 256 с.
66. Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. В 3 т. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. Т.1. – 587 с.
67. Мадариага И.де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Изд-во НЛЮ, 2002. – 976 с.
68. Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. – 544 с., 2 л. портр.
69. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М.: Гослитиздат, 1956. – 774 с.
70. Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1986. – 431 с.
71. Маньков А.Г. Крепостное право и дворянство в проекте уложения 1720-1725 гг. // Дворянство и крепостной строй России XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1975. – С.159-170.
72. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л.: Наука. 1980. – 271 с.

73. Марасинова Е.Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II // Российская история. 2007. № 4. – С.21-33.
74. Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат. 1952. Т.1. – 794 с.: ил.
75. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979. – 415 с.
76. Машарипова Т.Ж. Сущность публицистики // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: филология, журналистика. 2015. № 1. – С.105-113.
77. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. – 576 с.: ил.
78. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т.2. – 600 с.
79. Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб.:Нестор, 1998. – 260 с.
80. Моряков В.И. Поиск пути. Русская общественная мысль второй половины XVIII в. о государстве и обществе // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М.: Политиздат. 1991. – С.221-253.
81. Моряков В.И. Русские просветители и крепостное право // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2014. № 3. – С.3-18.
82. Мякотин В.А. Из истории русского общества. Изд. 2. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1906. – [2], 400 с.
83. Мякотин В.А. Лекции по русской истории. СПб.: Тип. Р.Голике, 1992. – 468 с.
84. Мякотин В.А. На заре русской общественности. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. – 87 с.
85. Нарезный А.И. Борис Николаевич Чичерин // Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М.: РОССПЭН, 2010. – С.5-52.

86. Незеленов А.И., Булич Н.Н. Общее содержание «Живописца» // Покровский В.И. (сост.). Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения: сб. ист.-лит. статей. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – С.342-354.
87. Нефедов С.А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2023. № 12. – С.53-65.
88. Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации (к постановке вопроса) // Вопросы истории. 1958. № 7. – С.86-108.
89. Нисковская М.И. Рецепция античности в историко-публицистическом наследии М.М. Щербатова. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2018. – 188 с.
90. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. – [6], 226, [1] с.
91. Носович И. Всепьянейший собор, учрежденный Петром Великим // Русская старина. 1874. Т.11. № 12. – С.734-739.
92. Общественная мысль России XVIII - первой четверти XIX в. М.: РОССПЭН, 2020. Т.2. – 549 с.
93. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. – 428 с.: ил., портр.
94. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 894 с.
95. Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч.2. – 344 с.
96. Очерки русской культуры XVIII века: Ч.3: Наука. Общественная мысль. М.: Изд-во МГУ, 1988. – 400 с.
97. Павленко Н.И. Вокруг трона. М.: Мысль, 1999. – 862 с.
98. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. – 495[1] с.: ил.
99. Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 2003. – 428 [4] с.: ил.

100. Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа: ИП Галлиулин Д.А., 2010. – 184 с.
101. Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2014. – 462 [2] с.: ил.
102. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. – 736 с.
103. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.20. – 423 с.
104. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.21. – 296 с.
105. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Соч. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т.22. – 364 с.
106. Погодин Н.М. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. В 2-х ч. М., 1886. Ч.2. 505; II; 22 с.
107. Покровский М.Н. Избранные произведения в 4 кн. М.: Мысль, 1965. Кн.2. – 664 с.
108. Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. – 281 с.
109. Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. – С.188-198.
110. Пушкин А.С. История Петра I. Подготовительный текст // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1977. Т.8. – С.5-342.
111. Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1978. Т.7. – С.5-152.
112. Пушкин А.С. Начало новой автобиографии // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т.7. – С.245-249.
113. Пушкин А.С. О русской истории XVIII века // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т.7. – С.161-165.
114. Рахматуллин М.А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. – С.19-33.

115. Редин Д.А. Концепция «злочестивого царя» в «Послании на Угру» архиепископа Вассиана и ее вариации в политической мысли допетровской России // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) /отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. – С.298-306.

116. Русский биографический словарь. Павел преподобный – Петр (Илейка). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. – 711 с.

117. Русский бунт: сб. ист.-лит. произв. М.: Дрофа, 2007. – 445 [3] с.: ил.

118. Сапожникова Н.В. «В письме я есмь»: жизнь и философско-антропологическая судьба эпистолярного дискурса «русского» XIX века. Нижневартонск: Изд-во НГГУ, 2006.

119. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т.1. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1888. – ЛШ, 517 с.

120. Семевский М.И. Предисловие // Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 2013. Т.1. – С.7-10.

121. Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. М.: Соратник, 1994. – 224 с.

122. Смирнов И.И. Крестьянские войны и их место в истории России // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М.: Наука, 1974. – С.26-34.

123. Соловьев В.М. Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. – 252 с.

124. Соловьев С.М. История России с древнейших времен// Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн.1. – 797 [1] с.

125. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М.: Мысль, 1994. Кн.13. – 621 с.

126. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М.: Мысль, 1994. Кн.14. – 638 с.
127. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн.15. – 702 [1] с.
128. Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С.Лаппо-Данилевского: опыт эволюционного реконструирования. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2006. – 160 с.
129. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. – 336 с.
130. Тхоржевский С.И. В.О. Ключевский как социолог и политический мыслитель // В.О. Ключевский: pro et contra, антология. СПб.: НП «Апостольский город- Невская перспектива», 2013. – С.640-674.
131. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. От Петра Великого до Николая I. М.: ОГИ, 2002. – 608 с.
132. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. – 630 с.: 1 портр.
133. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М.: Изд-во МГУ, 1967. – 260 с.
134. Философская энциклопедия. В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т.5. – 740 с.
135. Ходасевич В. Державин. М.: Книга, 1988. – 328 с.
136. Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552-1917). Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
137. Цверава Г.К. Дмитрий Алексеевич Голицын, 1734-1803. Л.: Наука, 1985. – 185 с.: ил.
138. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М.: Молодая гвардия, 1990. – 366 [2] с., ил.
139. Черникова Т.В. Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М.: МГИМО-Университет, 2012. – 944 с.

140. Широкопад Л.Д. Влияние немецкой экономической науки на формирование политической экономики в России в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник СПбГУ. Серия 5. 2004. Вып.3 № 21. – С.3-14.
141. Шторм Г.П. Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М.: Художественная, литература, 1974. – 416 с.
142. Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. – 305 с.
143. Эйдельман Н.Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М.: Советский писатель, 1981. – 368 с.
144. Якушкин В.Е. Очерк жизни и деятельности Новикова // Покровский В.И. (сост.). Николай Иванович Новиков: его жизнь и сочинения: сб. ист.-лит. статей. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – С.3-27.
145. Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. – 517 p.
146. Melton E. Enlightened Seigniorialism and Its Dilemmas in Serf Russia. 1750-1830 // Journal of Modern History. 62 (December 1990. – P.675-708.
147. The Original Diva: the Life and Times of Catherine II the Grate. Delray Beach: JAPSS Press, Inc., 2009. – 76 p.